

Меир Кахане

ИСТОРИЯ ЛИГИ ЗАЩИТЫ ЕВРЕЕВ

Народный перевод

[Книга доступна также в аудиоформате](#)

СОДЕРЖАНИЕ

№ стр.	№ частей
-----------	-------------

4.	1. Введение
5.	2. Вступление

Глава I

Советское еврейство

6.	3. Я сторож брату своему
7.	4. Было ли насилие правильным путём для евреев?
8.	5. Так началась битва за советских евреев
10.	6. ЛЗЕ стала важным фактором, мешающим правительствам СССР и США
11.	7. 12 евреев в СССР обвинены в попытке захватить советский самолёт
12.	8. Это требовалось Советам больше, чем евреи
14.	9. Гастроли в США Большого Театра Оперы и Балета отменяются
15.	10. Захват синагоги напротив советской Мисси при ООН
16.	11. Марк Дымшиц и Эдуард Кузнецов приговорены к смертной казни
17.	12. Смертные приговоры заменены на тюремное заключение!
18.	13. Советские власти начали приводить в действие свои угрозы
19.	14. “Вы губите русских евреев”
21.	15. Ричард Никсон: “Я присоединяюсь к требованию свободы эмиграции для советских евреев”
22.	16. Губернатор штата Нью-Йорк Нелсон Рокфеллер присоединился к нападкам на ЛЗЕ
23.	17. Трагические и позорные действия Правительства Израиля
25.	18. “Неограниченный мораторий” на преследование советских дипломатов
26.	19. Евреям-активистам после долгих лет отказа выданы визы в Израиль

Глава II

27.	20. Брюссель

Глава III

- 31. 21. Еврейский истеблишмент
- 36. 22. Бессилие истеблишмента
- 39. 23. Принципы Лиги Защиты Евреев
- 40. 24. Ахават Исроэл
- 42. 25. АДАР
- 45. 26. БАРЗЕЛЬ
- 46. 27. МИШМААТ ИСРОЭЛ
- 47. 28. БИТАХОН. Начало Лиги Защиты Евреев
- 49. 29. НИКОГДА БОЛЬШЕ!

Глава IV. Насилие: Разве так должны вести себя хорошие еврейские мальчики?

- 51. 30. Объявление в газете Нью-Йорк Таймс
- 52. 31. Инцидент с чёрным шантажистом Форманом
- 54. 32. Борьба еврейского истеблишмента с ЛЗЕ
- 55. 33. Забастовка учителей и её последствия
- 56. 34. Срыв передачи чёрного расиста Лестера
- 58. 35. Спасение декана Гольдберга
- 59. 36. «Хоть не могу попасть по мячу – в квоту хочу!»
- 60. 37. Использование судов в борьбе за еврейские права
- 62. 38. Не будь равнодушен к крови брата твоего
- 65. 39. Филадельфийская история
- 67. 40. Наш летний лагерь для молодых евреев
- 70. 41. Программа ЛЗЕ «Каждому еврею — оружие»
- 72. 42. Уильямсбург
- 73. 43. «Хавдала». Невежде не различить...
- 74. 44. Гордость Горы

Глава V. Я – еврей

- 75. 45. «Я еврей, и это – главное»
- 79. 46. Еврейский «жемчуг»
- 80. 47. Борьба за еврейское образование
- 82. 48. На что идут еврейские деньги
- 84. 49. «Дни по снижению стоимости недвижимости»

- 86. 50. Месячник Дова Грунера
- 87. 51. Проблема еврейских кадров
- 90. 52. «Что побудило вас присоединиться к ЛЗЕ?»

Глава VI. Еврейская сила: Хорошо ли это для евреев?

- 91. 53. Еврейское голосование
- 94. 54. ЛЗЕ и война во Вьетнаме
- 95. 55. Помощь Джозефа Коломбо

Глава VII. Алия: Время возвращаться домой

- 98. 56. Скандал на Сионистском Конгрессе
- 99. 57. «Пора домой»
- 100. 58. 28-ой Сионистский конгресс в Иерусалиме
- 102. 59. Возможность американского Холокоста
- 105. 60. «Это закон – Эсав ненавидит Якова»
- 107. 61. Инцидент с участием нацистов
- 109. 62. Хабайта – время возвращаться домой
- 111. 63. «Алия – помощь Израилю, а не бегство из Америки»
- 112. 64. Программа «ХАБАЙТА!» (домой!)
- 115. 65. «Вечный жид»
- 118. 66. Изгнание – это осквернение Имени Б-га

Глава VIII. Где бы ни страдали евреи

- 119. 67. Борьба за д-ра Эйнхорна
- 121. 68. Юдофобия
- 122. 69. Борьба за евреев арабских стран
- 124. 70. Если бы только еврей боялся Б-га, как он боится человека...
- 126. 71. «Преступный путь сионизма»
- 128. 72. «Советский Союз – это тирания! Советский Союз – вонючка!»

Глава IX. А что же теперь?

132. 73. Избранное государство
135. 74. «Государство евреев» или «Иудейское государство»?
137. 75. От грехов к преступлениям
138. 76. «Я возношу глаза к Вашингтону, ибо от Никсона придёт моё спасение...»
140. 77. Покончит ли с делом моё заключение в тюрьму?
141. 78. Верните Израиль Всевышнему нашему
142. 79. «Где вы набрали такую молодёжь?»

Глава X. Эпилог

143. 80. ... перед лицом кастрации Израиля Киссинджером...
144. 81. «НИ ДЮЙМА!»
145. 82. «Комитет Против Израильского Отступления»
147. 83. Примечание издателя

1. Введение

Перевод этой документальной и исторической книги на русский язык и распространение её в России и СНГ призвано осветить, объяснить и возможно сгладить давние распри между еврейскими активистами и ныне здравствующими советскими дипломатами и всеми россиянами, участвовавшими в описанном противостоянии более 30 лет назад. Книга ещё более ценна тем, что её автор, легендарный раввин Меир Кахане, возглавлял Лигу Защиты Евреев и был одним из главных действующих лиц этой исторической саги.

Россия, страны СНГ и наше еврейское движение прошли долгий тернистый путь, изменивший политическую и культурную действительность до неузнаваемости.

Как сказала мне Сильва Залмансон, ныне художница в Израиле, а в прошлом одна из самолётчиков и лагерная з-к в СССР, ...пора взглянуть на факты исторически и академически...

Большинства ключевых персонажей этой книги уже нет в живых, а многие молодые активисты Лиги имеют внуков.

Около полутора миллионов бывших советских евреев и их потомки живут сегодня в зарубежье. Советский Союз трансформировался в демократические свободные государства, уважающие свои национальные меньшинства. Евреи СНГ создали общины и возрождают свою культуру, веру и национальные традиции. Все мы учимся.

Поэтому, уроки, которые мы извлекли из событий тех лет, бесценны для всего человечества.

Надеемся, что книга понравится всем: историкам, политологам, социологам и каждому мыслящему читателю.

Примечания:

1. «Двое русских за каждого еврея!» (в книге рабби М.Кахане “Two Russians for every Jew!”) Правильнее - Двое советских за каждого еврея! Обиходное языковое выражение – слэнг - “Russians”/”русские” в годы Холодной войны означало для американцев “советские коммунисты” и ассоциировалось с советскими дипломатами и официальными лицами.

Угрожающий лозунг послужил отмене смертных приговоров самолётчикам Эдуарду Кузнецову (русскому) и Марку Дымшицу. Следует понимать, что Лига боролась с Советскими Властями за эмиграцию евреев и легализацию иудаизма в СССР и отнюдь не с русским народом. Подчёркивая это, оригинал соответственно изменён. Борьбу Лиги поддерживали российские диссиденты и православная заграничная община.

Лига, рав Кахане, отвергали шовинизм, расизм и дискриминацию. Именно в борьбе с этими изъянами общества и была главная цель их деятельности.

Авроом Гершон

2. Предисловие

Я долго решал, кому посвятить эту книгу. В Лиге Защиты Евреев (ЛЗЕ) есть много героев, все они – молодые и пожилые – отдавали ей своё время и средства, сражались в битвах, шли на риск и на самопожертвования и сидели в тюрьмах.

И поэтому я подумал, что эта книга должна быть посвящена нашим противникам, всем тем, из-за кого возникла ЛЗЕ. Ибо если бы эти противники и все их замыслы не существовали бы, то не было бы нужды в ЛЗЕ.

Мне показалось что это интересная мысль, и я стал выбирать этого противника. И это было совсем не просто, потому что их много, и я хотел бы как-то упомянуть их всех.

Это организации: American Jewish Congress (AJC – Американский Еврейский Конгресс), B'nai Brith (Ложь Бней Брит) и его Anti-Defamation League (ADL – АнтиДиффамационная Лига), American Jewish Committee (AJC – Американский Еврейский Комитет), реформистские “раввины” из Central Conference of American Rabbis (Центральная Конференция Американских Раввинов), паства из Union of American Hebrew Congregations (UAHC – Союз Американских Еврейских Конгрегаций), -- руководившие гибелью еврейского самосознания, уничтожившие целые поколения молодых евреев. Эти молодые евреи, поняв весь ужас американского понятия “еврейство”, созданного этими организациями, в замешательстве и с отвращением бежали от него.

Это те, кто боролся за освобождение Вьетнама и Мозамбика; кто проливал кровь за права негров Миссисипи, пренебрегая страданиями нищих масс в еврейских кварталах Америки, нашими братьями и сестрами в Советском Союзе и Сирии: Эйзенрады, Масловы, Форстеры, ассимилировавшиеся лидеры шести миллионов (опять эта же цифра!) еврейских овечек.

Это родители, которые принесли своих детей в жертву на нечистый алтарь “бар-мицвы”, и “раввины”, продающие себя в “храмах”, субсидированных довольными поставщиками деликатесов; и Лео Пфеффер из American Jewish Congress, который отчаянно борется в судах против каждого цента общественной помощи на еврейское образование и напрягая усилия для спасения евреев от ужасной опасности рождественских елок на муниципальных лужайках в штате Вайоминг.

Под конец, я попытался ограничить количество антигероев. Может быть, это синагога в Сиракузах, в которой я выступал, и где мне сообщили, что ее новое здание стоило столько, что совет директоров попросил раввина уменьшить расходы на религиозную школу...

Я думал о Самуэле Льюисе Габере (о нем я еще расскажу ниже), функционере ADL - АнтиДиффамационной Лиги в Филадельфии, передавшем ФБР имена членов ЛЗЕ, и ставшим тем, о которых мы молимся три раза в день: “и да не будет надежды доносчикам; и все миним (вероотступники), и все злодеи пусть немедленно сгинут...”

А потом я вспомнил об отделении B'nai B'rith в Лос-Анжелесе, где выступая в 1971 году, я с удивлением узнал, что лидер этой еврейской организации женат на нееврейке. И размышляя над этим примечательным фактом еврейского безумия, я слушал, как один из выступающих говорил об одном из проектов B'nai B'rith – строительстве кегельбана для негров.

Такие еврейские организации не могут быть забыты и таких евреев надо помнить вечно. Ведь если посмотреть на пустошь американского иудаизма, на шизофрению и анархию, на потерянных евреев, беспомощно ищущих свои корни; и понять, откуда все это произошло, какими ядовитыми водами оно питалось, – всё становится ясно.

Этим жалким лидерам B'nai B'rith в Лос-Анжелесе – еврейским антигероям par excellence – и посвящается эта книга.

Что касается членов ЛЗЕ, которые отдали своему народу так много, ничего не получив взамен, кроме оскорблений, нападений, ругани и одиночества, – они не нуждаются в посвящении. У них оно и так есть.

И они не должны чувствовать себя одиночками. Они находятся среди тех, в кого когда-то бросали теми же камнями и перед кем мы приклоняемся: Авраам, Моисей, Илия, Иеремия, Маккавеи и ЭЦЕЛЬ (Иргун Цвай Леуми - Национальная Военная Организация в подмандатной Палестине).

Обращаясь к вам, активисты ЛЗЕ, я могу только повторить слова, которые я сказал в федеральном суде в 1971 году перед вынесением приговора. Я смотрел на судью, но на самом деле я обращался к вам:

“Когда мне было пять лет, меня отдали в йешиву, и там я находился до 23 лет. За эти 19 лет я выучил там очень много вещей. Есть определенные вещи, которые навсегда остаются с человеком, и я думаю, из всех вещей, что я выучил там, больше всего мне запомнился один урок.

Я считаю, что если кто-то спросит, что такое еврей, какова суть его жизни, ответом должны быть слова – **любовь к другому еврею**. Такое заявление легко сделать. Многие люди делают такие заявления. Оно ничего не стоит. Любовь к другому еврею означает лишь одно – обязанность сделать то, что должно быть сделано. Я нахожусь в ЛЗЕ уже три года, и я не знаю, что случится этим утром, но я всегда буду помнить эти три года как кульминацию этой любви к евреям. Я получил от ЛЗЕ гораздо больше, чем дал ей, потому что я встретил людей, которые готовы пожертвовать собой. Сегдневным утром один из корреспондентов спросил меня о моих чувствах, и я хочу сказать вам, что я чувствую.

В Талмуде есть рассказ о великом рабби Йоханане бен Закае. Когда он находился при смерти и к нему пришли попрощаться его ученики, он заплакал.

‘Рабби, почему вы плачете? – спросили они его. – Вам нечего бояться, вы, несомненно, попадете в рай, в Олам Аба (Грядущий Мир)’. Он ответил: ‘Если бы я предстал только перед человеческим судьей из плоти и крови, который мог бы посадить меня на много лет в тюрьму или, в самом худшем случае, лишить меня жизни, я бы все равно боялся. Но мой страх намного больше, ибо я предстану перед Судьей Судей, перед Всемогущим’.

Мне неприятно быть здесь, хотя вы только судья из плоти и крови. Я не хочу идти в тюрьму, хотя это может случиться, но в какой-то день я предстану перед другим Судьей, и там будет очень много душ. Эти души будут стоять рядом с Ним, и каждого проходящего еврея они будут спрашивать: “Где ты был, когда мы звали на помощь?” Это души евреев, погибших в Катастрофе в Европе, и души евреев из СССР. Я бы хотел сказать им, что я сделал всё, что было возможно. Посадят ли меня за это в тюрьму или нет, я буду продолжать делать то, что я должен делать. И я хочу только надеяться, что члены ЛЗЕ и все евреи, независимо от того, что произойдет сегодня утром, будут делать то, что они должны делать. Благодарю вас”.

И благодарю всех, кто сделал ЛЗЕ такой замечательной организацией.

Глава I

Советское еврейство

3. Страж я брату моему.

В час дня 29 декабря 1969 года, в Нью-Йорке, группы членов ЛЗЕ одновременно ворвались в ТАСС, Интурист и Аэрофлот, а одна группа вскочила на борт советского самолета только что приземлившегося в аэропорту Кеннеди. Этими нападениями молодые люди открыли новую главу в истории советских американских еврейства.

Офис ТАСС был захвачен мною и еще тремя молодыми людьми. Двум советским журналистам, работавшим там, было приказано молчать пока стены офиса покрывались лозунгами с помощью краскораспылителя: “Ам Исраэль хай!”/” Народ Израиля жив!”, “Let my people go!”/” Отпусти народ мой!

В Интуристе группа, ведомая 25-летним Авраамом Хершковицем, разрешила всем, кто хотел, уйти. Авраам, собираясь закрыть двери, остановился на минуту, чтобы захлопнуть ящик стола на руку чиновника, который пытался достать ножницы. Но самый драматический эпизод произошел в аэропорту Кеннеди. Там побелевшие от страха стюардессы и стюарды молча смотрели, как группа молодых евреев ворвалась в кабину огромного пассажирского самолета “Ильюшин”, только что прилетевшего из Москвы. Пока один молодой еврей расписывал фюзеляж лозунгами на иврите, двое других приковали себя наручниками к переднему колесу, крича: “Ам Исраэль хай!” За один день советские евреи получили больше огласки, чем от осторожно подготовленных заявлений в прессу от еврейских организаций за последние 40 лет.

Пока все удивлялись невиданному шокирующему поведению “послушных добропорядочных еврейских мальчиков”, ЛЗЕ, включая тех, которые только вчера были арестованы, снова пошла в атаку. На этот раз это был полномасштабный бунт в квартале, где находится Миссия СССР в ООН. Состоятельные жители Нижнего Манхэттена, конечно, не знали, что они видят только начало многих дней и ночей шумной деятельности, которая загонит СССР на дипломатическую стену, а жителей шикарных домов на 67th Street вынудит обращаться в полицию и в суды с требованием прекратить наши демонстрации.

Бунт возле миссии вечером 30 декабря должен был разрушить установившийся порядок. До этого дня полиция упрямо не разрешала демонстрировать в самом квартале. Редкие и всегда джентльменские демонстрации проводились возле городского арсенала, за квартал от Советской Миссии. Там, на безопасном расстоянии, демонстранты пикетировали огромный склад. Но 30 декабря 1969 года этому был положен конец.

В 20:00, в холодный и дождливый вечер, 200 членов ЛЗЕ прошли от здания ООН к углу East 67th Street и Third Avenue, где их ждали еще 100 человек. За полицейскими барьерами нас поджидали ряды Tactical Police Force (TRF) Тактический Отряд Нью-Йоркской Полиции, в шлемах и с дубинками. Им приказали не допустить нашего прорыва к Миссии, находившейся за их спиной. Среди них были офицеры полиции высокого ранга, включая инспектора Дэвида Фаллека, который сообщил мне, что мы не можем стоять на перекрестке и должны перейти на традиционно отведенную для демонстраций территорию. Мы, разумеется, пришли, среди прочих причин, чтобы изменить этот порядок. И я сказал инспектору, что мы намерены войти в квартал и постоять возле синагоги East Park, расположенной напротив Миссии СССР: “Мы хотим помолиться Б-гу возле синагоги”.

Фаллек, сам еврей, с трудом сдержал улыбку и ответил: “Бросьте, рабби, вы ведь не собираетесь молиться!” Но я сказал инспектору, что собираюсь молиться согласно своему конституционному праву на свободу религии, и пусть он укажет мне законную причину, почему разрешается пикетировать любое здание для требования более высокой оплаты труда, но считается незаконным молиться возле синагоги только из-за того, что это обидит СССР. В этот момент высокопоставленный офицер объявил через мегафон, что никому не разрешается находиться в этом квартале и мы должны немедленно покинуть это место. Мы так и сделали.

Я перепрыгнул через барьер, протолкнулся через полицейских, и толпа хлынула за мной. Замелькали дубинки, им ответили кулаки. 75-летний наблюдатель, д-р Морри Цукер, упал на землю от удара дубинкой по голове, но бунт продолжился полным ходом.

Незадолго до этого я заявил примчавшейся прессе, которая никогда раньше не интересовалась какими-либо демонстрациями за советских евреев, что “пока СССР не пойдет на уступки, мира не будет”. Разразившийся бунт был первым залпом в жестокой трёхлетней войне, вызвавшей злобное осуждение властей и официальных еврейских организаций, но зато освободившей к выезду в Израиль десятки тысяч советских евреев.

Второй раз за сутки я провел несколько часов в тюрьме, и меня обвинили в злостном нападении, участии в бунте, угрозах и хулиганстве. Однако, на следующий день я узнал, что власти капитулировали. Полиция заявила, нескольким демонстрантам будет разрешено пикетировать напротив Миссии, где советские люди смогут их видеть и слышать. Насилие - нехорошо, но иногда оно приносит результаты.

Это было только начало.

4. Было ли насилие правильным путём для евреев?

Чего хотела добиться ЛЗЕ? Было ли насилие правильным путем для евреев? Что хорошего могли принести буйные демонстрации и атаки? Эти вопросы задавали следующие несколько месяцев разъяренный еврейский истеблишмент и удивленная, встревоженная и испуганная еврейская община, взиравшая на “эксцессы” еврейских активистов: они прерывали выступления советских артистов, нападали на советских дипломатов, избивали их, подкладывали бомбы в советские учреждения и угрожали подрыву отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Чего же хотела ЛЗЕ?

Мы хотели добиться двух вещей. Одна –свободы выезда советским евреям. Вторая – разбудить американского еврея и заставить его признать, что он бессовестно похоронил проблемы евреев СССР, в то время, как сам наслаждался свободами Америки; заставить его понять, что боль каждого еврея, где бы он ни находился, является болью всех. Мы хотели заставить мир, еврейские организации и общину, которым было абсолютно наплевать на советских евреев, – действовать - или мы не дадим им покоя. И наконец, мы хотели показать американскому еврею, кто он такой. Прежде всего – ЕВРЕЙ, которому дано сражаться или пасть со всеми другими евреями. В конце концов, борьба ЛЗЕ за освобождение советских евреев вернула в еврейство десятки тысяч американских евреев. И ещё больше, чем американские евреи помогли советским евреям, они помогли сами себе.

В течение пятидесяти лет проблема советских евреев стояла на повестке дня. Евреи СССР были одной из наибольших еврейских общин мира – более трех миллионов – (и начиная с конца Второй мировой войны второй по величине), бесправной, насильно ассимилированной, под угрозой духовного и физического уничтожения. Несмотря на это, молчание еврейской общины Америки было оглушающим. Так же, как еврейский истеблишмент Америки постыдно молчал во время Катастрофы европейских евреев, так же и сейчас, он сидел тихо, пассивно и респектабельно, не сделав ничего существенного для советских евреев. Только в 1964 году диссидентская группа Student Struggle for Soviet Jewry – Студенты в Борьбе за Советских Евреев, сломала лед равнодушия и провела первую демонстрацию. Интересно отметить, что даже их скромные действия, мирные и законопослушные, но хоть какие-то действия – вызвали возмущение еврейского

истеблишмента Америки, поднявшем вопль, первый из многих их будущих воплей: “Вы только ухудшите положение советских евреев!”

Разумеется, это было ложью. И не поэтому истеблишмент противился демонстрациям. Те же самые люди и группы, которые праздно смотрели на кровь своих братьев, убиваемых нацистами, отказывались выйти на улицы и требовать, протестовать ради евреев в Освенциме, снова отказывались сделать что-либо для спасения других миллионов евреев – и опять по той же причине. Они считали, что буря протестов и шумные демонстрации привлекут внимание и могут вызвать антисемитизм.

Антисемитизм, ужасный призрак, парализующий всех удобно устроившихся уважаемых евреев, плюс “природная” апатия равнодушия к чужой боли, привели к бездействию общины, настолько запутавшейся, что она увидела своё призвание в борьбе за гражданские права негров, вьетнамских “националистов” и всех прочих идей, всех, кроме своей собственной. Все это привело к апатии и молчанию американских евреев, когда три миллиона евреев в СССР ждали национальной и духовной смерти. И эту ситуацию ЛЗЕ пообещала изменить.

Наш боевой лозунг “Никогда больше!” не означал, что Катастрофа никогда больше не повторится. “Никогда больше” означает совсем другое. Если кто-нибудь попытается повторить Катастрофу, никогда не будет такой апатии, такого отсутствия реакции, такого равнодушия, такого страха, как это было тогда. Никогда больше ЛЗЕ не позволит еврейским организациям повторить бесстыдное поведение в период Второй Мировой Войны.

5. Так началась битва за советских евреев.

В январе 1970 года, в рамках растущего культурного обмена, на гастроли в США приехал Оркестр Московской Филармонии. Он готовился выступить в Walt Whitman Аудитории в Бруклинском Колледже. Оба государства надеялись, что эта программа улучшит отношения. Любители музыки заполнили аудиторию в предвкушении культурного наслаждения. Пришли и члены ЛЗЕ.

Перед входом, пикеты ЛЗЕ раздавали зрителям листовки, прося вернуть билеты в кассу. “В Освенциме тоже играли музыку”, – говорилось в них. Но за исключением немногих, эти слова не произвели никакого впечатления. Мы, возможно, были хулиганами, но не дураками – мы и не ждали от них этого. Поэтому, как только поднялся занавес и публика услышала первые звуки музыки, из боковой двери на сцену выбежала орущая толпа молодых евреев. Музыканты убежали со сцены, и двое новых “артистов” запели песни еврейского освободительного движения подмандатной Палестины (ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ), другие размахивали израильским флагом. Публика, еще не слыхавшая о борьбе за евреев СССР, стала шикать, свистеть и потребовала убрать незваных гостей. Некоторые возмущенные зрители попытались сами освободить сцену, но им быстро помогли освободиться от иллюзий успеха таким глупым путем. Как только разгорелась драка, многие забрали свои пальто и шляпы и покинули зал. Прибытие полиции восстановило порядок, но только на 10 минут, пока на сцену не выскочила вторая группа ребят. Это было интересное начало культурного обмена между Америкой и СССР.

За беспорядками в Бруклинском Колледже последовал Зал Карнеги, где 1 февраля 1970 г. знаменитые на весь мир Давид Ойстрах и Святослав Рихтер испуганно смотрели, как неожиданно ворвавшаяся группа молодых людей побежала по проходам, преследуемая орущими охранниками и полицией.

Главной мишенью ЛЗЕ стал всемирно известный импресарио Сол Юрок, видевший в новой программе возможность рекордных заработков. Юрок же и привозил в Америку большинство артистов-участников советской культурной программы. Поэтому контора Юрока была захвачена 2 февраля, и вся её работа прекратилась, пока все 12 демонстрантов не были арестованы. ЛЗЕ становилась все больше опытной в срыве выступлений советских концертов. Наполненные аммиаком бутылки и зловонные бомбы-вонючки очищали залы в рекордное время. Вскоре мистеру Юроку стало ясно, что он несет убытки. Он связался со мной через посредника и попросил о встрече. Мы встретились в Отеле Сант-Регис в Манхэттене, и мистер Юрок сказал, что он знает о трудной финансовой ситуации ЛЗЕ и готов помочь нам деньгами – дать нам 5.000 долларов. Тут мы поняли, что ЛЗЕ на правильном пути.

Что это за правильный путь? Наше представление о правильном пути, по мнению большинства людей, оказалось самым страшным из всех воображаемых вариантов.

“Я никогда в жизни не видел такого вопиющего хулиганства”. Эти слова директора Лонг Айлендского Концертного Зала г-на Роберта Бернштейна были вызваны срывом организованного им концерта советских артистов. Этот человек, житель роскошного района Розлин, взирал с непередаваемым ужасом, как 35 разбушевавшихся членов ЛЗЕ промчались мимо двух полицейских, ворвались на сцену и сорвали скрипичный концерт Валерия Климова в Garden City High School.

После того, как испуганных артистов собрали за кулисами, полиция очистила зал, и концерт возобновился перед гораздо меньшей аудиторией. Разъяренный Бернштейн заявил: “Поведение этой группы только позорит евреев Америки”. Он

также добавил, что культурная программа является “самым лучшим результатом отношений с Советским Союзом”, и хотя “я сочувствую тяжелому положению евреев в Советском Союзе, мы не должны опускаться до протестов такого уровня”.

В этом заявлении Берштейна отразилась вся трагедия ассимилированного, неуверенного и равнодушного американского еврея. Бернштейнов Америки не волновала судьба советских евреев (они ни разу не открыли рот в их защиту), но их волновал “позор” или даже еще хуже – страх, что в результате действий ЛЗЕ на них может обрушиться антисемитизм. Заявление Бернштейна прессе, было, пожалуй, его первым публичным заявлением о судьбе евреев СССР.

И это подтвердило эффективность ЛЗЕ – жужжать как надоедливый овод над американскими евреями, заставляя их занять позицию, которую без нас они никогда бы не заняли. Пусть Бернштейн питает отвращение к “падению” до “уровня” ЛЗЕ, но теперь он был **вынужден** выразить хоть какой-то респектабельный протест в защиту советских евреев, который он никогда бы не выразил без нашего “хулиганства”.

После этого, активисты ЛЗЕ не только не прекратили свои атаки на советскую культурную программу, но усилили их. В марте, выставка фотографий, прибывшая из Советского Союза и выставленная в музее Huntington Hartford в Манхэттене, подверглась нападению и была испорчена. Созванная 29 апреля национальная Convocation on the Challenge of Building Peace (“Конференция по построению мира”) в отеле Hilton удостоилась присутствия помощника Госсекретаря США Эллиота Ричардсона. Гораздо важнее было участие советской делегации из десяти человек, возглавляемой известным советским физиком и вице-президентом Академии Наук СССР Михаилом Дмитриевичем Миллиончиковым. Конференция была результатом усилий обоих правительств по разрядке напряжённости, высшей задачи их внешней политики.

Разъяренный Миллиончиков выбежал из зала когда группа членов ЛЗЕ прервала речь астронавта Франка Бормана и потребовала права выступить. “Те, кто сидят здесь и ищут пути для достижения мира и безопасности для себя, не имеют права делать это за счет свободы и справедливости для советских евреев”, – заявили они. Несколько минут спустя, вторая группа членов ЛЗЕ пробила себе путь в другой зал, где заседала большая комиссия, в которой находился директор Института США и Канады при Академии Наук СССР Георгий Аркадьевич Арбатов.

Главой этой комиссии был экономист из Гарварда Джон Кеннет Гэйлбрайт. Арбатов холодно смотрел вокруг, когда я потребовал и получил две минуты для обращения к сидящим в зале. Я сказал им, что ни у кого не будет свободы до тех пор, пока советские евреи не получают ее тоже. В зале было тихо, и некоторые даже аплодировали.

Атаки на “культуру” вызвали ужасное возмущение. Любители культуры, которые любят искусство больше, чем людей, выражали свое негодование с яростью, которой от них никто не ожидал. Те, от кого никогда не было слышно ни одного слова в защиту советских евреев, вдруг яростно зарычали в защиту “культуры”. Конечно, возмутительно прервать симфонический концерт, ибо искусство стоит выше политики.

ЛЗЕ ответила на этот вопрос на пресс-конференции 5 февраля в Overseas Press Club в Нью-Йорке, где я заявил:

“Кроме общей цели освещения проблем евреев в СССР, наша цель состоит также в срыве программы культурного обмена, которая является смертельным врагом для наших усилий по пробуждению совести граждан США в отношении советской тирании. Невозможно возмущаться, когда артисты, атлеты и ученые прокладывают ‘мосты’ дружбы. Когда человек усыплен фальшивой аурой дружбы и добрыми чувствами на концерте, его не заботят крики жертв государства, которое устроило этот концерт...”

Я объяснил, что советская власть все превращала в политическое оружие; культурная программа не была исключением. Советы совершенно не интересовало поднятие духовного уровня американских обывателей-“филистимлян” или развитие “мира на земле”. Коммисары культуры и артисты, прибывшие из СССР, прибыли не с артистической, а с политической миссией. Их задачей было размягнуть чувство антагонизма, стереть психологическую ненависть, созданную годами Холодной войны, создать образ Советского Союза в виде дружелюбного, цивилизованного и любящего культуру государства. Граждане такого государства не могут быть такими плохими, как их рисуют “антикоммунисты”, и никто, выходя из зала после выступления Большого театра не мог думать об СССР так плохо, как он думал о них, идя на концерт. Именно поэтому мы решили сделать все, что было в наших силах, чтобы не допустить выступления Большого Театра.

Оспаривая другой нелогичный и нелепый аргумент тех, кто возмущался нашими атаками на советских артистов-евреев, – я указал, что артист-еврей, согласившийся участвовать в культурной программе, ослабляющей симпатии к советским евреям, ещё более заслуживает срыв концерта, чем артист-нееврей. Такие люди сравнимы с Юроком, “чья жажда наживы заставила его отбросить свои человеческие обязанности и еврейские корни”. Советские артисты-евреи, выступающие для политических нужд Кремля, заслуживают того же, что и артисты-неевреи. А американские евреи, любители концертов, ставящие свою любовь к искусству выше любви к соплеменникам, –заслуживают нашего презрения. Интересно, смогли бы либеральные любители искусства быть такими же либеральными по отношению к Берлинской Филармонии в 1940 году?

6. ЛЗЕ стала важным фактором, мешающим правительствам СССР и США

И ЛЗЕ сумела достигнуть своей ближайшей цели: выставить проблему советских евреев на первые страницы газет. Ярким примером этого является дело Яши Казакова (ныне Яков Кедми в Израиле), молодого советского активиста, первым бросившем вызов советскому режиму. Он заявил, что отказывается от советского гражданства и требует права на выезд в Израиль. Казакову разрешили выехать в 1968 году, но его родителям было отказано в выезде.

Казаков триумфально прибыл в Израиль, но в отличие от других иммигрантов, он потребовал, чтобы министерство иностранных дел и власти Израиля выступили в защиту советских евреев. Израильские власти, боясь разозлить СССР, отказали Казакову. Когда же он и другой активист, Дов Шперлинг, продолжали настаивать, оклеветали обоих в прессе как агентов КГБ, засланных, чтобы спровоцировать аресты евреев СССР. Когда оба приехали в США в декабре 1969 года, израильское консульство в Нью-Йорке заставило большинство спонсоров отказаться от намеченных выступлений Казакова и Шперлинга.

Стоит добавить, что целая глава, трагическая глава, может быть написана об усилиях израильтян, – начиная с 1948 года, когда у них было посольство в Москве, и до самой Шестидневной войны, – для заглушения еврейского активизма. Они боялись разрыва отношений с советскими властями, и для этого жертвовали советскими евреями. Их усилия *до сегодняшнего дня* (1975) направлены на восстановление дипломатических отношений с СССР, и они сделают все, что угодно ещё и потому, что Соединенные Штаты также заинтересованы в детанте с советами. Поэтому израильские власти оказались поддержать поправку сенатора Генри Джексона, лишавшей СССР статуса благоприятствования в торговле, а также бросили меня в тюрьму за то, что я пытался сорвать визит в США генсека КПСС Леонида Брежнева в июне 1973 года.

Белая Книга, изданная на Пасху 1973 года Движением за Освобождение Евреев из СССР, группой советских активистов-евреев в Израиле, излагает во всех подробностях указанные выше обвинения. Например, американский активист еврей Сай Фрумкин из Лос-Анджелеса передает слова израильского консула Динштейна о том, что “важно заставить замолчать Казакова и не публиковать его слова, потому что он может быть выявлен как советский шпион”. Нужно заметить, что как раз к этому времени Казаков закончил трехлетнюю службу в израильской армии, и этот живший в Израиле “шпион” был активным членом ведущей оппозиционной партии Израиля.

Приведу также слова одной из ведущих советских активистов-евреев, Леи Словиной, которая в декабре 1973 года рассказала Public Council for Soviet Jewry (Общественный совет за евреев СССР) в Иерусалиме о своей встрече в Минске в декабре 1964 года с г-ном Бен-Хаимом из израильского посольства в Москве. Она сообщила ему о группе еврейских активистов, которые были готовы *в то время* публично отказаться от советского гражданства и обратиться за мировой поддержкой для советских евреев. (Неправда, что только Шестидневная война всколыхнула сионизм советского еврейства, – это еще один миф, распространяемый израильскими властями для того, чтобы прикрыть свой отказ в помощи активистам.) Согласно г-же Словиной, Бен-Хаим отказался распространить их призыв в западной прессе – для советских граждан доступ к западной прессе был закрыт. Бен-Хаим сначала выразил опасение, что активистов арестуют и это приведет к преследованию советских евреев. Когда г-жа Словина попросила его перестать решать за советских евреев, так как они готовы взять на себя риск, он сказал: “Ваши действия испортят отношения между Израилем и Советским Союзом”.

В этом была действительная причина многолетних усилий израильских властей заставить замолчать советских активистов-евреев, и в этом кроется настоящая причина их нападок на ЛЗЕ, начатых сразу же, после самых первых наших действий. И та же самая причина лежала в основе моего ареста – как объяснил мне майор полиции Леви в Израиле, пришедший арестовать меня за то, что я пытался сорвать визит Брежнева. Когда я спросил его, с чего это ради Израиль стал стражем Брежнева, он ответил: “Мы не можем допустить, чтобы вы испортили наши отношения с Соединенными Штатами”. Это трагедия еврейского истеблишмента, и нет здесь разницы между теми в Нью-Йорке и этими в Иерусалиме.

В любом случае, Казаков вернулся в Соединенные Штаты в марте 1970 года благодаря покровительству Бернарда Дойча, богатого еврея из Нью-Йорка, который оплатил большие объявления в газетах призывавшие публику прийти и поддержать голодовку Казакова на улице, расположенной напротив ООН. Казаков объявил голодовку за право его родителей и других евреев покинуть СССР.

Ответ двух миллионов евреев Нью-Йорка вряд ли можно назвать ошеломляющим. Не пришли не только все два миллиона, но даже и две тысячи. По правде говоря, вся история Казакова просто бы беззвучно умерла, если бы к нему не пришла ЛЗЕ. 1 апреля я сидел вместе с Казаковым, пока он отдыхал в арендованной нами автомашине и горько жаловался на отсутствие огласки. Я взял с собой 10 членов ЛЗЕ, мы прошли три квартала к Миссии США в ООН, и уселись там. Встревоженным официальным лицам было сказано, что я хочу видеть посла Чарльза Йоста по вопросу о Казакове. Когда нам сказали, что его нет, мы ответили как обычно: “Мы подождем!”

И мы ждали – на полу в лобби. Тем временем, налетели толпы репортеров, которые делали снимки и ждали материала для сообщения в газетах. Удивительно, как такие Йосты во всем мире неожиданно появляются в такой ситуации. Мне сказали, что я и еще один представитель ЛЗЕ можем зайти к г-ну Йосту, который появился самым волшебным образом. Я сказал послу, что мы надеемся на то, что он воспользуется своим влиянием для помощи советским евреям, и когда все закончилось, мы добились того, чего хотели, – паблисити для Яши Казакова. Вот вам краткая лекция о политике конфронтации в США.

Июнь 1970 года начался для ЛЗЕ с продолжения истории о подделанном номере газеты коммунистической партии “Daily World” (мы выпустили “специальный номер”, в котором было написано, что руководство партии резко раскололось в вопросе о советских евреях, это вызвало возмущенное опровержение коммунистов) вместе с визитом в редакцию газеты.

Согласно редакционной статье в “New York Times”, на той неделе: “Последнее безобразие, совершенное этой маленькой группой экстремистов (ЛЗЕ), произошло на этой неделе в редакции “Daily World”, газете коммунистической партии, которая является наследницей “Daily Worker”. Активисты вошли в редакцию и стали угрожать сотрудникам из-за того, что газета не публикует информацию о тяжелом положении советских евреев. По словам редактора газеты, некоторые из активистов размахивали обрезками железных труб, как они обычно делали”.

Возмущение “Times” было неуместно – Black Panthers (Черные Пантеры), Weathermen (террористическая организация) и прочие “прогрессивные” активисты никогда не удостоивались такого гнева.

7. 12 евреев в СССР обвинены в попытке захватить советский самолёт

15 июня по Советскому Союзу прокатилась волна арестов. 12 евреев среди арестованных были обвинены в попытке захватить советский самолет в ленинградском аэропорту Смольный и улететь на нем в Швецию. В то время, как еврейские организации возмущенно поносили обвинение как “лживое”, “сфабрикованное дело”, ЛЗЕ объявила, что истеблишмент опять занял ошибочную позицию. Главное было не в том, был ли заговор настоящим или выдуманным. Что скажет истеблишмент, спрашивали мы, если выяснится, что евреи действительно задумали похитить самолет? Главным был тот факт, что евреи, которые хотели покинуть СССР, не могли этого сделать из-за тирании Кремля и имели полное право захватить советский самолет и попытаться убежать на нем.

Истеблишмент всегда респектабельный и никогда не умеет отличить правду от лжи, хорошие войны от плохих и не видит разницу между справедливым и несправедливым террором.

Пока все прочие еврейские группы, согласно предписанному ими самим себе ритуалу, слали прессе копии протестов, 27 членов ЛЗЕ захватили 19-ый и 20-ый этажи здания в Манхеттене, на которых находилась советская торговая миссия Амторга – Amtorg Trading Corporation.

В этих офисах, где когда-то разразился шпионский скандал с участием Герхарда Айслера, возможно, еще сохранились интересные документы, потому что сотрудники отчаянно сопротивлялись, когда им было приказано покинуть помещение. Одной из причин, возможно, было и то, что члены ЛЗЕ остановили все лифты, и сотрудники вынуждены были спускаться пешком с 20-го этажа. Один из них начал оказывать особо упорное сопротивление, и ему пришлось скатиться, по крайней мере, по одному лестничному пролёту.

В течении более двух часов оккупации Амторга, все вокруг заполнилось репортерами, полицией и советскими дипломатами, прилетевшими из Вашингтона в Нью-Йорк. Злоба СССР, которая росла с каждым инцидентом, устроенным ЛЗЕ, теперь просто переливалась через край. Гневные ноты протеста были направлены американским властям, и московский корреспондент CBS Уильям Кол был изгнан из Советского Союза.

В июле ЛЗЕ поняла, что ее политический план был составлен правильно и начал приносить свои плоды.

В отделении ЛЗЕ, в то время расположенном в огромном и грязном помещении верхнего этажа на West 42nd Street, раздался звонок из Миссии США при ООН. Звонил сам посол Йост, который попросил меня придти к нему как можно скорее.

Как только я подошел к Миссии США, меня сейчас же проводили в кабинет г-на Йоста, и он начал говорить, что действия ЛЗЕ не помогают евреям СССР, но наоборот разрушают советско-американские отношения, которые были с огромным трудом восстановлены Вашингтоном. Он добавил, что опасается, что действия ЛЗЕ могут вызвать месть СССР и поставят в

опасность разрядку напряженности между СССР и США. (Г-н Йост также высказался по вопросу предполагаемых угроз и нападений ЛЗЕ на арабов, но об этом в другой раз.)

Я слушал г-на Йоста с чувством глубокого наслаждения и удовлетворения. Если Соединенные Штаты действительно боятся угрозы детанту, которого они оба, США и СССР, так ужасно хотят, то в этом и заключался весь план ЛЗЕ, направленный против СССР!

И этого не сумели понять американские евреи, которые смотрели на каждое действие, не видя его содержания в контексте. Они действовали как всегда – без воображения, без политической сообразительности и без пророческого чувства судьбоносности, – этими пороками отмечено пигмейское поколение нашего времени.

Насилие ЛЗЕ против советских дипломатов входило в **политическую программу**, основанную на тонком понимании политической реальности и человеческой натуры. Мы начали с предпосылки, что молчание по любому вопросу обычно маскирует бессилие или нежелание действовать, и **всегда** является гарантией катастрофы для потенциальной жертвы. Молчание и тихая дипломатия (что бы это ни означало) стали могилой для европейских евреев во время Второй мировой войны. И они неизбежно обернутся тем же самым для советских евреев. Первым шагом в любой программе спасения было широкое оповещение публики. Неизвестное никому дело никогда не разрешится; у известного есть хотя бы какой-то шанс.

Вторая предпосылка заключалась в том, что никакое дело нельзя преподнести СМИ, а значит, и всему миру, без шума, хитроумных приспособлений и привлекающих трюков, и это хорошо известно в мире СМИ. Пресса и телевидение стараются продать себя публике и дают публике то, что, по их мнению, она хочет: волнение, драму и интерес. Нравится нам или нет, но на первой странице газет или на экране ТВ никогда не появляется что-то приятное и респектабельное. Образовательная программа ЛЗЕ никогда не привлекала толпы репортеров, но зато их привлекали бомбы, пистолеты, насилие. Мы знали, что такое СМИ, и мы намеревались использовать их для того, чтобы заголовки на первых страницах средств информации кричали о судьбе советских евреев. Словом, они хотели использовать ЛЗЕ, чтобы продавать газеты, а мы решили дать им использовать себя ради освобождения евреев СССР.

В-третьих, мы знали, что немногочисленные смелые евреи-активисты в СССР начали борьбу, и освещение этого в СМИ для них было жизненно важно. Эти люди должны были знать, что их не забыли и что их борьба имеет шансы успеха. Мы знали, что каждый номер “Правды” и “Известий”, который клеймил ЛЗЕ, оказывал моральную поддержку еврейским активистам и каждая радиопередача израильского Коля Исраэль ЛаАгола, Радио Свободной Европы или Голоса Америки, которые рассказывали о действиях членов ЛЗЕ в защиту советских евреев, были музыкой для их ушей. Знать, что кто-то за границей заботится о тебе и рискует ради тебя, – являются самыми сладкими и самыми желанными новостями для пленника.

В-четвертых, и это самое важное, насилие всегда было направлено на ахиллесову пяту советских властей. В отличие от глупцов, которые верили в то, что ЛЗЕ состояла из дураков, и которые смотрели на насилие ЛЗЕ поверхностно и просто душно, мы никогда не верили, что советские власти боялись насилия ЛЗЕ. Даже если убить советского дипломата, этот акт сам по себе не повлияет на Кремль. Но насилие ЛЗЕ было направлено не на физический страх советских властей, а на их интересы. В отличие от других, мы прекрасно понимали, что на это может оказать влияние даже маленькая группа преданных и упрямых людей.

Мы смотрели на это как на аксиому – народы действуют из принципа собственных интересов. То, что хорошо для этого народа, и есть принцип, которому он следует. Что же было хорошо для Советского Союза, спрашивали мы себя? Чего хотят советские власти более всего на свете, больше, чем они хотят удержать от иммиграции советских евреев? Чем мы можем угрожать им, и что мы можем разрушить из того, чего они так настойчиво добиваются, что будут готовы – вопреки самим себе – освободить советских евреев? Это был ключевой вопрос, и мы знали, что он был ключом для разрешения проблемы советских евреев. Ответ был ясен.

8. Это требовалось Советам больше, чем евреям

Советские и американские власти считали сосуществование, детант, наведение мостов между Востоком и Западом, самым важным вопросом в списке их приоритетов. Советы отчаянно хотели наладить хорошие отношения с американцами, получить страшно необходимые им технологические знания, торговлю и доллары. В то же время, смягчение напряженности на западной границе позволило им обратить свое внимание и направить свою военную мощь против своего действительного врага – Китая. Это требовалось Советам и это они ценили гораздо больше, чем что-либо другое – даже больше, чем своих евреев. А если это так, решили мы, то они, хотя и скрепя сердце, заплатят эту цену, если детанту, которым они так дорожат, начнет угрожать опасность. И мы решили угрожать детанту, говоря СССР, что если он хочет навести мосты на Запад, он должен заплатить за это – евреями.

В отличие от близоруких еврейских лидеров СССР и США знали, как хрупок детант. Они понимали, что несколько фанатиков могут уничтожить всю кропотливую работу дипломатов. СССР, в конце концов, не Люксембург; советские власти не могли тихо выносить атаки и унижения и – кто знает? – может, и убийство одного из их дипломатов. Что случится, если фанатик застрелит Якова Малика? Разумеется, их не заботил сам по себе Яков Малик, но Малик был советским представителем в ООН, он представлял собой престиж и национальную гордость, и тут был предел того, что СССР может принять без разрыва отношений и разрушения детанта, которого оба, СССР и США, страстно желали. Это знала Москва, это знал и Вашингтон, но знала это и ЛЗЕ. И поэтому появилась стратегия насилия – это была политическая логика ЛЗЕ – насилие. И стратегия эта сработала.

Я сказал послу Йосту, что он может положить конец насилию ЛЗЕ и что цена этого – советские евреи. Я разъяснил ему, что нападениям не будет конца и угрозам детанту тоже – все это до тех пор, пока не будет заплачена определенная цена. Когда я покинул его, я не сомневался, что мои разъяснения будут переданы в Госдепартамент в Вашингтоне, и оттуда напрямую соответствующим советским официальным лицам.

Наша кампания никогда не останавливалась. Узнав, что советские дипломаты задолжали уплату налогов на сумму \$49.913, которую они отказались заплатить г. Glen Cove на Long Island за их летнюю резиденцию, известную как Killenworth, ЛЗЕ объявила, что она купит залоговое право на имущество в обеспечение уплаты налога и, таким образом, захватит это поместье, состоящее из 36 акров. Разумеется, мы не собирались покупать это место, так как у нас не было в банке даже и 4 тысяч долларов, но мы старались закрепить в памяти людей отказ СССР заплатить свои собственные долги. К тому же, это дало нам возможность посетить это место. И мы это сделали 27 июля, провели там целый час, нарисовав пульверизатором Щит Давида и броские антисоветские лозунги на воротах, на подъездной дороге и внутри поместья.

Когда приехала полиция и нас арестовали, нам пришлось ждать два часа, прежде чем нам сообщили, что СССР не будут подавать на нас в суд. Мэр Glen Cove Эндрю Дж. ДиПаола поспешил написать и передать послу Якову Малику его “самые сердечные извинения”.

ЛЗЕ не имела времени на извинения, так как в тот же день мы объявили, что совершим 100-мильный марш, который начнется 16 августа в Independence Hall в Филадельфии и закончится 23 августа демонстрацией возле Белого дома. Бертрам Цвайбон, соучредитель и главный юридический советник ЛЗЕ, объявил о лозунге марша: “Президент Никсон, вы можете освободить советских евреев и вы можете остановить советскую агрессию на Ближнем Востоке”. Марш был частью отчаянных, более, чем когда-либо, усилий по привлечению внимания не только к общему положению евреев в СССР, но и, по мнению многих, к показательному суду в Ленинграде над евреями, арестованными в июне этого года. Эти тщательные планы были разработаны для главного наступления.

20 ноября члены ЛЗЕ ворвались в вашингтонское отделение ТАСС и держали его в течение часа. (Это было то самое отделение, получившее огромный ящик, в котором сотрудники ТАСС нашли большого козла с плакатом на шее: “Я советский еврейский козел отпущения”.)

Большая заслуга принадлежит одаренному богатым воображением д-ру Уилльяму Перлу, главе отделения ЛЗЕ в Вашингтоне. Самым изумительным его проектом было напечатание тысяч клейких этикеток с таким текстом: “Если вы хотите массаж всего тела, звоните Соне”. Номер телефона, напечатанный на этикетках, принадлежал советскому посольству, и этикетки эти были расклеены в тех местах, где собирались извращенцы. В Нью-Йорке похожие этикетки имели номер телефона советской Миссии при ООН. Ими был заклеен весь Times Square. Количество звонков, обрушившихся на советских дипломатов, вынудило их позвонить в телефонную компанию и сменить номер. И только на следующий день озадаченные советские дипломаты узнали, откуда на них свалилась загадочная Соня.

23 ноября состоялось ралли возле синагоги Park East, напротив советской миссии. Это было респектабельное ралли, созванное для законопослушных, но ЛЗЕ использовала его для проникновения в этот квартал. Когда ралли закончилось и десятки демонстрантов стояли на ступеньках синагоги, автомашина неожиданно въехала на тротуар, снесла полицейские баррикады и врезалась в чугунную ограду советской Миссии.

Но 25 декабря в 3: 20 ночи вся антисоветская кампания вдруг резко обострилась.

В тот момент в подъезде на East 49nd Street, где находились отделения Аэрофлота и Интуриста, взорвалась бомбочка. Взрыв выбил окна и выключил на 15 минут радиостанцию WMCA, находившуюся рядом. Звонки в телеграфные агентства сообщили, что взрыв совершён в знак протеста против предстоящего в Ленинграде процесса над самолетчиками.

“Мир должен знать, что пока евреи будут сидеть в России на скамье подсудимых, Советский Союз тоже будет сидеть на скамье подсудимых”. Звонки оканчивались призывом: “Никогда больше!”

По случайному совпадению обстоятельств, ЛЗЕ собрала на следующий день пресс-конференцию для обсуждения ленинградского процесса, и набитый до отказа зал предоставил великолепную возможность обсудить тяжелое положение этих евреев. Этой возможности, разумеется, не было бы и в помине, если бы перед этим не произошел взрыв. “ЛЗЕ не знает, кто устроил взрыв в доме, где находятся советские учреждения, – сказал я, – но мы восхищаемся теми, кто устроил взрыв”. Далее я заявил, что такие же насильственные акты будут, скорее всего, и дальше совершаться евреями, возмущенными бедственным положением советских евреев.

В то же время американские официальные лица и советские представители, вместе с еврейским истеблишментом состязались с друг другом в осуждении тех, кто устроил взрыв. Юрий Михайлович Воронцов, советник-посланник советского посольства, вручил жесткую ноту протеста в Госдепартаменте, а в ООН член советской делегации Дмитрий Николаевич Колесник заявил, что этот взрыв “был совершен бандитами из сионистских кругов”, и добавил: “Советский Союз ожидает от американских властей принятия соответствующих мер по предотвращению таких актов”.

Отношение к этому американских официальных лиц выражалось в статье, появившейся на первой странице “New York Times”: “Администрация Никсона, смущенная рядом инцидентов, направленных против советских учреждений здесь и в Нью-Йорке, выступила с резким заявлением, осуждающим ‘бессмысленные, преступные взрывы в офисе советского Аэрофлота в Нью-Йорке’”. Чиновник Госдепартамента Джон Кинг сделал резкое заявление, осуждающее взрывы, а посол Йост позвонил русским с официальным извинением. Сообщалось, что ФБР энергично расследует это дело, а также и то, что охрана советских учреждений усилена дополнительными нарядами полиции и Executive Protective Service (Охранной службой).

Еврейские лидеры старались изо всех сил (так же, как они делали это в то время, когда выступали в 1940-е годы против подпольной еврейской организации ЭЦЕЛЬ в Палестине), порицая нападение. Президент В’наи В’риш Уильям А. Векслер назвал взрыв “безмозглым актом терроризма, который только повредит евреям Советского Союза”, а чиновник American Jewish Congress Элизер Липски сказал, что “такое насилие играет на руку пропагандистам и вредит жертвам репрессивного режима – трем миллионам советских евреев – которым не дают жить еврейской жизнью и не дают иммигрировать в Израиль”.

ЛЗЕ не стала отвечать “дядям” из еврейского истеблишмента, хотя подумали, что г-н Липски мог бы дать ещё большую огласку советским евреям на первой странице “Times” если бы он подхватил от Векслера фразу о “безмозглых террористах”. С другой стороны, была ли глупа ЛЗЕ, если стало трудно найти американца, который не знал бы о предстоящем в Ленинграде процессе???

9. Гастроли в США Большого Театра Оперы и Балета отменяются

Но нам не надо было искать подтверждение правильности поведения ЛЗЕ. Советские власти сделали это за нас. Первая большая победа ЛЗЕ была достигнута тогда, когда 22 декабря СССР объявил, что долгожданные гастроли в США Большого Театра Оперы и Балета отменяются из-за нежелания США остановить “провокации сионистских хулиганов”. В заявлении, зачитанном первым заместителем министра иностранных дел Василием Вавильевичем Кузнецовым американскому послу в Москве Джеку Д. Биму, советские власти резко выражали недовольство отказом “принять необходимые меры” против “сионистов-экстремистов”. Сол Юрок, как раз находившийся в Москве для завершения уточнения деталей предстоящих гастролей Большого Театра, был уведомлен об отмене гастролей министром культуры Екатериной Алексеевной Фурцевой. Юрок был страшно потрясен этой новостью и сказал, что он пытался осуществить свою “великую мечту” – привезти в США Большой Театр. Но американские власти были потрясены гораздо сильнее Юрока, увидев угрозу великому замыслу детанта от маленькой группы еврейских активистов.

С другой стороны, было интересно отметить контраст между представителями американского еврейского истеблишмента и одной из больших нееврейских газет. Дор Шери, почетный глава

Anti-Defamation League of B'nai B'rith (ADL – той самой, что передала имена членов ЛЗЕ ФБР) и одновременно заведующий Отделом Культуры Нью-Йорка, заявил, что отмена гастролей Большого театра “вызвала у него чувство разочарования”.

Это более чем обычное идиотское высказывание было уравновешено 15 декабря редакционной статьей в одной из самых больших американских газет, “New York Daily News”, под названием “Bye-bye Bolshoi” (“Прощай, Большой!”), в которой обсуждалась отмена гастролей: “Причина: действия ‘сионистских экстремистов’ в США – означает в основном ЛЗЕ и такие события, как взрывы в помещении Аэрофлота в Нью-Йорке. Мы не поддерживаем насилие. Нам жаль, что импрессарио Сол Юрок несет убытки... Однако Кремль мог бы прекратить практически все нападения евреев на своих сотрудников и имущество, начав проявлять приличие и уважение к евреям, живущим в СССР. Красный Брежнев и красный Косыгин, почему бы вам не попробовать это сделать?”

А что сделала ЛЗЕ? Мы почувствовали большую радость и сделали следующее заявление прессе: “Мы будем и дальше привлекать внимание к тяжелому положению советских евреев всеми доступными нам способами до тех пор, пока они не получат свободу и разрешение на выезд в Израиль”.

10. Захват синагоги напротив советской Миссии при ООН

К концу декабря становилось ясно, что вскоре начнется суд в Ленинграде и что, некоторым из обвиняемых грозит смертная казнь. Поэтому мы сосредоточили наше внимание – на синагоге.

Разумеется, не на какой-нибудь синагоге, а как раз на той, которая находилась через дорогу от советской Миссии при ООН. Синагога Park East была идеальным местом для проведения операций, которые бы страшно взбесили советских представителей. Она по праву должна была служить нашим аванпостом из-за её месторасположения. Если бы рабби и совет директоров проявили находчивость, они могли бы вести непрекращающиеся ежедневные словесные атаки против Миссии – и никто не мог бы их остановить. Не надо иметь много воображения, чтобы додуматься до больших плакатов по-русски, призывающих дать свободу евреям, оскорбительных (но в рамках закона) записанных сообщений, транслируемых через мегафон в консульство и направленных на детей дипломатов, прося их спросить у своих родителей, почему евреи в СССР не имеют свободы; или проведение “молитв” за советских евреев на балконе, на виду у Миссии и т.д. Список того, что можно сделать, бесконечен, но желание рабби Артура Шнайера и его совета директоров сделать что-то смелое для евреев, была прискорбно ограничено.

20 декабря, когда приближалось открытие судебного процесса в Ленинграде, более пятидесяти членов ЛЗЕ захватили эту синагогу. Перейдя на балкон, как раз находившийся напротив советской Миссии, они развернули транспаранты по всей стене синагоги, стали петь еврейские песни для разъяренных дипломатов и кричать им какие-то русские слова, которые по какой-то причине заставили тех побагроветь от ярости. (Я так никогда и не узнал, что означают эти слова, которые они кричали, и где наши скромные молодые евреи узнали их.)

Рабби Шнайер и совет директоров умоляли нас уйти, и я сочувствовал бедному рабби, который заметно постарел из-за того, что мы захватили синагогу. Я сказал ему, что мы не можем уйти, потому что “мы хотим превратить ваше учреждение в шул (синагогу-идиш)”.

Позже, рабби Харольд Гордон, один из бездельников заседающих в New York Board of Rabbis – Комиссии Раввинов Нью-Йорка, выразил резкий протест против нашего захвата синагоги, и совет директоров собрался для того, чтобы: 1. Отмежеваться от захвата их *собственной* синагоги (что было логично) и 2. Призвать ЛЗЕ покинуть синагогу (что было нелогично). Время от времени, полиция пыталась прорваться наверх, но мы предупредили их, что если нас попробуют изгнать насильно, то в синагоге произойдет кровопролитие. Каждый раз, когда совет директоров слышал это, они содрогались в ужасе и просили полицию уйти.

Я думаю, что мы действительно должны были придти сюда, чтобы впервые за много лет превратить это здание в синагогу. Она, как и многие другие позолоченные еврейские мавзолеи, символизировала все, что пошло вкривь и вкось в американской еврейской общине.

Из Дома Учения синагога превратилась в социальный центр, в котором бар-мицва была не началом духовной еврейской жизни, а её концом, оказию для нуворишей выставить напоказ свой дурной вкус и посоревноваться с такими же глупыми соседями за самую дорогостоящую и самую духовно чахлую римскую оргию. Вместо того, чтобы вести за собой слепых, синагога дала им вести себя. Рабби Шнайер не был плохим человеком, он был слабовольным человеком. Мы увидели, что старая синагога, которая когда-то, когда евреи были еще евреями, называлась просто Congregation Zichron Ephraim Памяти Эфраима, впервые со времени ее преобразования ассимилированными внуками в “Park East Synagogue” радостно улыбнулась.

Два дня мы продержали эту синагогу, не обращая внимания на мольбы, угрозы и протесты советских дипломатов. В эти два дня мы проклинали их, призывали их маленьких детей, смотревших на нас с любопытством, спросить их родителей, почему евреи не могут быть свободными, и привлекли к синагоге тысячи евреев и неевреев, которые услышали о захвате и пришли поддержать нас. Когда пресса и телевидение освещали тяжелое положение советских евреев, Шнайер заявил, что “эта синагога уже давно известна своей озабоченностью судьбой советского еврейства, и действия ЛЗЕ не приносят никакой пользы, а только один вред”.

Тем временем, марш, организованный истеблишментом, двигался потихоньку, соблюдая должные приличия, с 42nd Street к советской Миссии, возле которой его участникам было сказано, что они не могут заходить в сам квартал. Лидеры, конечно, согласились, и все это дело попало бы на последние страницы газет, если бы не члены ЛЗЕ, которые проникли в

толпу и направили людей к Миссии, невзирая на энергичные протесты организаторов. Там, по случайному совпадению, они встретили группу поляков, протестовавших против подавления антисоветского восстания в Польше.

Члены ЛЗЕ пихнули поляков на полицию, а сами проскочили через барьеры, из-за чего было арестовано пятеро демонстрантов, и это стало главной сенсацией вечерних новостей, а заодно вызвало гнев еврейского руководства. Ричард Коэн, лакей из American Jewish Congress, представитель организаторов марша, назвал действия ЛЗЕ “безответственными”, а рабби Хершел Шехтер, глава American Jewish Conference on Soviet Jewry, сказал: “Мы осуждаем насильственные действия ЛЗЕ”. В доказательство своей классической неспособности что-то понимать даже в то время, он объявил: “ЛЗЕ играет на руку Кремля, отвлекая внимание людей от настоящих преступлений – запрещения в СССР еврейской жизни”. ЛЗЕ спокойно указала, что заявление рабби никогда бы не появилось бы в прессе, если бы происходящие события не показались бы этой прессе достаточно интересными, чтобы напечатать его слова – благодаря действиям ЛЗЕ. В любом случае, сказал исполнительный директор ЛЗЕ Ларри Файн: “Очень много евреев просто устали от безделья Американской Еврейской Конференции о Советских Евреях - American Jewish Conference on Soviet Jewry”.

На той же неделе ЛЗЕ начала пикетировать Миссию США при ООН, требуя положить конец переговорам с СССР о торговле, разоружении, космосе и культурном обмене; потом устроила “художественную выставку” с показом преследуемых евреев возле Museum of Modern Art, в котором демонстрировались принадлежащие СССР две работы Пикассо; устроила сидячую забастовку в Объединённой Федерации Учителей - United Federation of Teachers, протестуя против организации поездок в СССР; захватила Columbia Artists Management Corporation в знак протеста против привоза “советских культурных войск” – организации культурного обмена с СССР; и пикетировала New York Board of Rabbis “за обманные действия под фальшивой вывеской”.

11. Марк Дымшиц и Эдуард Кузнецов приговорены к смертной казни

24 декабря на закрытом заседании советского суда в Ленинграде был вынесен приговор двенадцати евреям. Большую часть из них приговорили к жестокому тюремному заключению от четырех до пятнадцати лет, но Марк Дымшиц и Эдуард Кузнецов были приговорены к смертной казни. Как только новости просочились через телеграфные информационные агентства, в ЛЗЕ начали без остановки звонить телефоны. Это было показателем настоящего успеха, – в момент истины люди и журналисты обратились к нам с вопросом: “Что вы собираетесь делать?”

Никого не интересовало мнение других еврейских групп, потому что в момент кризиса все признали, что эти группы были бесполезны, беспомощны и бесталанны. Телефоны звонили в ЛЗЕ, и репортёры спрашивали нас: “Что вы собираетесь делать?”

И сразу же пришел ответ, чтобы спасти жизни двух русских евреев: “Двое русских за каждого еврея”. (*Так в оригинале. Эдуард Кузнецов – русский. Надо отметить, что со времён Холодной Войны русский в американской обиходной речи, слэнге, относился ко всем, без различия, гражданам и властям СССР. Поэтому, правильно будет: Двое советских за каждого еврея*)

Это был ответ, данный United Press, и он сразу же распространился по всему миру. На следующий день мы начали доказывать, что мы действительно это совершим – за каждого уб. итоге еврея мы убьем двух советских дипломатов. Неделями мы подготавливали еще одно 100-часовое пикетирование возле советской Миссии, но теперь мы начали его раньше, опять захватив Park East Synagogue. Теперь члены ЛЗЕ кричали опять и опять: “Кровь коммунистов потечет по всему миру, если прольется хотя бы капля еврейской крови!” Подкрепления полиции были вызваны для того, чтобы окружить Миссию и закрыть улицу с обеих ее концов. Теперь Миссия выглядела так, как будто она находится в осаде: все окна в ней были затянuty шторами, и все жители квартала должны были показывать свои документы.

Пикет начался в воскресенье 27 декабря в 20: 30. Когда я покинул синагогу, в которой я провел весь день, и вошел в аудиторию Hunter College, находящегося на расстоянии одного квартала, я увидел зал, набитый людьми, размахивавшими транспарантами и флагами. Воздух был насыщен электричеством. Толпы репортеров прессы, радио и ТВ набились впереди платформы, и на каждый вопрос я отвечал опять и опять: “Двое советских за одного еврея!” Этот призыв распространился по залу, и еще до начала речей огромная толпа, сотрясая зал, громко скандировала: “Двое советских за каждого еврея!”

Меня представил вице-председатель ЛЗЕ Берт Цвайбон, и когда я встал, чтобы начать свою речь, зал приветствовал меня оглушительным ревом. Я смотрел на набитый людьми зал, на молодых, разъяренных евреев и людей постарше, потерявших свою прежнюю апатию, и я увидел, чего добились ЛЗЕ за прошедшие два года. Вот как сообщала об этом “New

York News”: “Речь Кахане в стиле стаккато буквально наэлектризовала аудиторию. Он заявил, что ‘у нас вырвали три миллиона евреев Советской России. И наша обязанность – нарушить все существующие законы, чтобы спасти их!’

‘Мы, евреи, страдаем от психологической проблемы – респектабельности. Когда президент Рузвельт сказал нам, что он не может бомбить железнодорожные пути, ведущие к Освенциму, мы повели себя респектабельно. И Шесть миллионов погибли. Пришло время похоронить респектабельность прежде, чем она похоронит нас!’

В зале началось столпотворение. Зал ошетинился поднятыми в воздух сжатыми кулаками, и размахивая плакатами и израильскими флагами, толпа начала скандировать, опять и опять: ‘Никогда больше!’ ‘Свободу сейчас!’ и ‘Ам Исраэль хай!’”

Более 2.400 человек выбежали на улицу и прошли по Third Avenue к Миссии СССР, где их уже ждали за баррикадными заграждениями одетые в шлемы конные полицейские. На ралли я сказал толпе: “В Сельме в Алабаме в свое время были арестованы раввины за гражданские права негров. Мы хотим, чтобы нас арестовали за нашу борьбу за освобождение советских евреев. Мы хотим, чтобы люди устроили на улице сидячую забастовку”. Мы пришли туда физически продемонстрировать, что двое советских дипломатов будут действительно убиты за каждого еврея, убитого в России.

Инспектор Джеймс Т.Сулливан, командир Тактической Полиции, Tactical Police Force, приказал толпе разойтись, но я крикнул, чтобы люди продвигались вперед. Заголовок в “News” гласил: “В столкновении с полицией схвачены рабби и еще 6 евреев”.

“Рабби Меир Кахане, – говорилось в сообщении, – пламенный лидер военизированной Лиги Защиты Евреев, и шестеро из его последователей были арестованы этой ночью, когда Кахане побуждал толпу не повиноваться приказу полиции и прорваться сквозь баррикады, охраняющие Миссию при ООН.

Жестокое столкновение между полицейскими и напиравшей, толкавшейся и кричавшей толпой остановило на 10 минут движение на Third Avenue. Столкновение достигло апогея, когда какие-то полицейские и демонстранты выбили два окна...”

Я опять провел ночь в тюрьме, а в это время бутылка с краской, запущенная из Park East Synagogue, попала в Миссию СССР и разбила там окно. Сотрудники Миссии, кипя от ярости, наблюдали, как в жуткий холод на протяжении 100 часов евреи без устали продолжали оскорблять всех выходивших из Миссии. Еще один протест был вручен Госдепартаменту и ООН (мы потеряли счет протестам, которые посылали обозленные дипломаты) “против физического ущерба и морального оскорбления”.

12. Смертные приговоры заменены на тюремное заключение!

На следующий день, 28 декабря, среди нараставших протестов, прибыла новость, которую мы радостно передавали друг другу: смертные приговоры заменены на тюремное заключение! Советские власти отступили. Было ясно, что физические угрозы, означавшие абсолютный конец детанту и разрыв отношений между Америкой и СССР, просто не стоили какой-то горстки евреев. И это должны помнить все трусы и критики и, прежде всего те далекие от знаменитости люди, которые дрожа от холода, неустанно протестовали. Когда вы вспомните, что во время протестов, СССР истерически кричал, что Рабин (бывший посол Израиля в США Ицхак Рабин), вдохновитель и лидер ЛЗЕ, вел все наши “войска”, улыбнитесь, но с гордостью.

Тринадцатилетний Йонатан Оренштейн сказал журналисту: “Я чувствую свою вину перед Шестью Миллионами, которые погибли”; неизвестная женщина-администратор сказала, что ее послали ее старые родители, “чтобы не сидеть молча, как они сидели во время Катастрофы”; член Weathermen (радикальной левой организации) сказал, что “еврейская борьба – это сплошное освободительное движение”; и 19-летний черный еврей Ицхак Леви шел со своими белыми братьями, – это они и, конечно, все другие преданные, неутомимые активисты ЛЗЕ – слишком многочисленные, чтобы перечислить их по именам и не забыть кого-то, – все они спасли две еврейские жизни. Они, а не жирные, насыщенные и самодовольные респектабельные евреи.

В последний день пикетирования я полетел на неделю в Израиль для встречи с бывшими участниками еврейского подполья. Я знал, что отмена смертного приговора спасла две еврейские жизни, но пока ничего не изменила. Борьба должна быть продолжена за освобождение всех советских евреев. Пока я был там, семя, посеянное ЛЗЕ, начало приносить плоды быстрее, чем мы надеялись.

Статья, напечатанная 5 января на первой странице “New York Times”, объявила, что СССР в ноте протеста в Госдепартамент, опубликованной ТАСС, предупредил: ввиду того, что советским гражданам в США не предоставляется соответствующая защита, “Соединенные Штаты должны ожидать, что такие же условия будут предоставлены учреждениям Соединенных Штатов в Советском Союзе”. Угроза была ясная и безошибочная. Советский Союз угрожал отомстить Соединенным Штатам в СССР!

Американцы отвергли утверждение о том, что действия ЛЗЕ предпринимаются при молчаливом согласии американских властей. Представитель Госдепартамента Роберт Д. МакКлоски сказал, что советскому послу Добрынину было заявлено, что США “твердо отвергают” эту ноту протеста. МакКлоски пояснил, что СССР, безусловно, говорит об официально инспирированной мести и это “возмущает” США. Он добавил, что “такие действия советских властей действительно надо рассматривать самым серьезным образом и такие угрозы вызывают у нас самую большую тревогу”.

Случилось так, что США и СССР принудили занять положение, которое угрожало детанту, являвшемуся главной политической целью обеих стран. И это было именно то, к чему стремилась ЛЗЕ, но жаль было видеть, что старый, уставший истеблишмент реагировал на это в той же старой, усталой манере. Отвечая на советские угрозы, B’nai B’rith of ADL возвестила: “Мы считаем полувоенные действия Лиги Защиты Евреев и сенсационное обращение к примитивным эмоциям постыдными, потенциально опасными и совершенно не соответствующими еврейской традиции. Их буйство, связанное с ленинградским процессом, только помешает ответственным, искренним и набожным действиям американского еврейства”.

Поскольку “ответственные, искренние и набожные действия” ADL, B’nai B’rith и прочих помогли Шести Миллионам евреев сойти в раннюю могилу в то время, когда еще не было “постыдной, потенциально опасной” ЛЗЕ, и поскольку лидеры еврейского истеблишмента не узнают еврейской традиции, если они даже споткнутся об нее, мы решили, что они не заслуживают ответа.

И опять нееврейская газета “Daily News” в Нью-Йорке в редакционной статье правильно оценила ситуацию:

“Рабби Меир Кахане и его Лига Защиты Евреев в Нью-Йорке поклялись отомстить советским гражданам и их имуществу... Если у Кремля остался еще хоть какой-то здравый смысл, то там должны воспринять это развитие событий с тревогой”. И далее, в отличие от пугливых еврейских либеральных групп, “News” продолжала с надеждой на то, что это может даже означать “смертный приговор” Советскому Союзу, и заключила: “Хочется искренне надеяться на это, и хотя мы не поддерживаем уличные беспорядки, мы должны оказать всю возможную поддержку всем еврейским бойцам против проклятого красного деспотизма, управляющего Россией”. Сравнение таких редакционных статей с глупостью еврейских лидеров заставляло плакать даже сильных людей.

13. Советские власти начали приводить в действие свои угрозы

Советские власти начали приводить в действие свои угрозы, как видно, надеясь заставить американские власти сокрушить ЛЗЕ. Пять делегаций советских “граждан” посетили американское посольство в Москве и вручили составленное в жестких выражениях ходатайство. В дополнение к этому, ко второму секретарю посольства Роби М.Х.Палмеру, который шел со своей женой, пристали на улице три человека. Один схватил его за лацкан и спросил его, как ему понравится, если его “побьют” и разобьют его машину, как это случилось с советскими дипломатами в Соединенных Штатах. Я прочел об этом инциденте в аэропорту, когда я собирался лететь в Америку, и именно из этой статьи у меня родилась идея о массовом преследовании советских дипломатов. Я не мог дожидаться, пока я воплощу эту идею в действие. Прибыв 8 января в аэропорт им. Кеннеди, я бросился в наш офис, чтобы составить ближайшие планы, как отравить жизнь советским представителям. Но прежде, чем началась эта фаза нашей борьбы, СССР и Госдепартамент настиг еще один удар.

В 4 часа утра 8 января в Советском культурном центре на 18th Street в нижнем Вашингтоне взорвалась бомба. Взрыв выбил окна и забросил чугунную ограду на крышу, находящуюся на расстоянии 250 футов. Звонившие в новостные агентства пообещали: “Это только образец предстоящего. Let my people go. Никогда больше!” Советские власти обезумели от ярости, и сам советский министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко выразил протест американскому послу в Москве Биму, а в Вашингтоне от имени СССР заместителю Госсекретаря Ричарду Т.Дэвису была вручена суровая нота протеста:

“Такое потворство со стороны властей привело к тому, что известные хулиганы и террористы из Лиги Защиты Евреев открыто заявили о своих намерениях продолжать нападения на жизнь сотрудников советских учреждений в Соединенных Штатах”. Нота требовала, чтобы США заплатили за причиненный ущерб. США опять рассыпались в извинениях, а еврейские лидеры назвали взрыв “предосудительным” и “постыдным”. ЛЗЕ опять выразила одобрение тем, кто устроил взрыв. Как сказал Берт Цвайбон: “Мы предпочитаем больше не надеяться только на совесть и мораль мира. Слишком часто эта совесть молчала, когда евреям была нужна защита”.

На следующий день в Москве были повреждены две машины американских дипломатов и к сотрудникам посольства стали приставать на улице. Отношения между двумя странами постоянно ухудшались, и в тот же самый день мы добавили еще толчок к быстро несущемуся под гору детанту. Вместе с сорока членами ЛЗЕ я встал у квартала, в котором расположена Советская Миссия, и объявил, что эта команда сформирована, чтобы “преследовать, допекать вопросами и изводить” советских дипломатов в Нью-Йорке. Я откровенно сказал прессе, что нашей целью является спровоцирование кризиса в отношениях между Советским Союзом и Америкой, который предотвратит их от “наведения мостов над телами евреев”. “Жизнь всех советских здесь будет скверной”, – заключил я.

В то же время состоялся другой митинг, касающийся советских евреев. В Manhattan Center более пяти тысяч ешиботников наполнили до краев зал для молитвы за евреев России. Здесь стоит рассмотреть два важных момента. Первый заключается в том, что информация о демонстрации сорока человек возле Миссии с фотографией и заголовком “Лига Защиты Евреев намерена преследовать советских дипломатов” была помещена на первой странице “News”. Собравшиеся на молитву удостоились одного параграфа в самом низу сообщения о ЛЗЕ. Это говорит о том, как достигается внимание прессы. Второй вопрос заключается в том, что эта молитва сама по себе являлась феноменом.

Главные ортодоксальные раввины так же неистово осуждали действия ЛЗЕ, как и все другие. Как писала Zeirei Agudath Israel (Молодежь Агудат Исраэль), ссылаясь на ведущих директоров йешив: “Всякая провокационная и наглая демонстрация против СССР является очень опасным актом, который может повредить многим”. Сообщалось, что Любавический Ребе, один из ведущих хасидских Ребе, сказал:

“Эти демонстрации будут иметь трагические последствия для евреев. У меня есть конкретные доказательства, что сотни, и даже тысячи евреев, высланы в результате этих вредных действий за границы”.

При всем уважении к Ребе, это было неправдой, и он не смог, сколько мы его не просили, назвать ни одного кто бы пострадал из-за деятельности ЛЗЕ. Нужно также понять, что эти лидеры были против не только насилия ЛЗЕ, но и *против любых публичных протестов*. Время шло, и поскольку действия ЛЗЕ начали приносить несомненные результаты, все больше и больше ешиботников стали принимать в них участие, и это вызвало сначала гнев, а затем и страх у глав йешив. Было ясно, что йешивы просто не могут больше сидеть и ничего не делать. И поэтому на поспешных собраниях директора йешив согласились созвать не “протест”, но “молитвенный митинг”. Нас не заботила семантика. Это была еще одна трещина в молчании американского еврейства, и ЛЗЕ опять послужила катализатором.

Меня особенно заботил ортодоксальный еврейский истеблишмент, потому что я ожидал от них гораздо большего. От наполовину ассимилированных и полностью невежественных людей, которые сходили за лидеров в светском еврейском истеблишменте, никто не может ожидать мужества, теплоты и действий присущих настоящему иудаизму. Но от знатоков Торы и преданных иудаизму евреев? От таких людей мы имеем право ожидать полной преданности другим евреям.

14. “Вы губите русских евреев”

Я вспоминаю субботнее утро, когда я пришел на молитву в йешиву Мир, в которой я учился в течение тринадцати лет, и там получил смиху (посвящение в раввины). После окончания молитвы я подошел к директору и пожелал ему “Гут шабос”. Он взял мою руку и задержал ее, говоря на идиш: “Вы губите русских евреев”. Я не хотел спорить с ним и попытался просто отойти, но он крепко держал мою руку и повторял свои слова: “Вы губите русских евреев”. Я посмотрел на директора йешивы, которого я знал много лет, еще до того, как он достиг своей сегодняшней позиции, и сказал ему:

“Допустим, что вы правы. Допустим, я соглашусь с тем, что протесты и публичные демонстрации наносят ущерб русским евреям. Но я просидел в этой йешиве тринадцать лет и не могу припомнить, чтобы здесь хотя бы раз читали Псалмы для спасения русских евреев. Я не помню ни одного поста, который был бы устроен ради спасения русских евреев. Я не помню, чтобы об этом даже просто говорилось. Безусловно, такие вещи не могут повредить русским евреям”.

Он молча отпустил мою руку. Теперь ЛЗЕ, те, которые “губили” советских евреев, сумели подтолкнуть тех, кто так долго хранил молчание, созвать евреев на “митинг-молитву”, впервые за все годы молчания. Но высшая точка удовлетворения нашими усилиями для того, чтобы разбудить ортодоксальное еврейство, произошла на ралли за освобождение советских евреев на стадионе в Forest Hills в июне 1972 года. Там зять одного из главных экспертов по Галахе (религиозным законам) в мире американских йешив прочел письмо от своего тестя, который в декабре 1971 года сказал репортеру: “Эти демонстрации не спасли ни одного еврея. Наоборот, они очень вредят”. Это была та концепция, которую он воспринял много лет назад от влиятельного рабби из Нью-Джерси, а тот – от невольника советских властей – главного раввина Москвы. Теперь, в его письме, зачитанном на стадионе, говорилось, что “демонстрации были необходимы” и что он

никогда не выступал против них по существу, но просто хотел, чтобы они были “не антисоветскими, а за евреев”. Это уже было неважно, мы знали, что изменило его отношение.

Мы следовали за машинами, выезжавшими из Миссии в Нью-Йорке, а двое-трое членов ЛЗЕ следовали за отдельными дипломатами. Некоторые несли плакаты: “Мы следуем за советской свиньей, которая притесняет евреев”. Советские люди горько жаловались Госдепартаменту, что их называют “свиньями” и “самыми грязными словами в русском языке, состоящими из четырех букв”. “New York Times” и все прочие газеты в Америке описывали эту “жестокую игру”, – такое название, вынесенное в заголовок, дала “Times”. За советскими ходили в супермаркетах, в магазинах, в кино и просто по улицам. “Пошли домой!” и “Свободу евреям!” – были самыми мягкими словами, которые кричали им вслед. По словам репортера “Times” Катлин Телч: “Семьи советских дипломатов говорят, что преследование Лигой Защиты Евреев изменило их жизнь и привело к тому, что они чувствуют, словно живут под вражеской оккупацией”. По рассказам злых и испуганных русских, жены дипломатов боятся выходить в одиночку даже в супермаркет. Детям, а в Миссии жило 150 детей, больше не разрешают кататься на велосипедах в Центральном Парке. “Это просто как тюрьма”, – призналась Наталья Григорьева, а д-р Инесса Авдеева добавила: “Это как психологическая оккупация”.

Волнующе и иронично прозвучало замечание одной из женщин, которая сказала, что ее дантист еврей (кто же еще?) и он поспешил уверить ее, что осуждает ЛЗЕ и что ЛЗЕ “не отражает взгляды еврейской общины Нью-Йорка”. К этому женщина добавила: “Помогло бы, если б и другие евреи высказались более решительно. Только ЛЗЕ выступает активно, а другие молчат, значит, согласны с тем, что происходит”. Мы не могли сдержать улыбки – ибо еврейская апатия к тому, что происходит в России, – всегда была нашей главной мишенью. Теперь мы показали другим, что мы можем использовать и эту апатию для пользы советских евреев.

Не только преследование русских Лигой тревожило Соединенные Штаты. Росла и ответная месть советских властей. Посреди белого дня были повреждены три машины американских корреспондентов: Джея Акселбанка из “Newsweek”, Энтони Астрахана из “Washington Post” и Майкла Р. Джонсона из “Associated Press”. У. Аверелл Харриман, известный специалист по улаживанию конфликтов, внезапно появился в Москве и сказал репортерам, что он порицает деятельность ЛЗЕ, но месть “приведет к обратным результатам”. Он повторил утверждение США о том, что Америка старается предотвратить дальнейшие атаки, но ему не поверили. Это было вызвано непониманием американской концепции правосудия, а также и фактом, что – цитируя высказывания полиции в “New York Times” от 7 января, – “Они (ЛЗЕ) – крутые ребята”.

11 января советский посол в Соединенных Штатах Анатолий Добрынин внезапно вылетел домой не попрощавшись с американскими официальными лицами. Заголовок нью-йоркской “Daily News” гласил: “Добрынин уехал домой, и лед становится все толще”. Разумеется, лед крепчал. И мысль о том, что понадобится только один серьезный удар, например, стрельба в советского дипломата, для разрыва советско-американских отношений, действительно леденила кровь. И когда люди понимали, что все это было вызвано маленькой группой молодых евреев, это было абсолютно невероятно.

В России пресса и радио не переставали злобно нападать на ЛЗЕ, на сионистских экстремистов и на неумение США обуздать их. В издании World Jewish Congress “Soviet Jewish Affairs” за май 1972 года этот период рассматривается в статье Дж.Франкеля под названием “Антисионистская кампания прессы”. Согласно Франкелю, в январе 1971 года “статьи, появлявшиеся почти ежедневно, рассказывали только об одном – о Лиге Защиты Евреев и рабби Меире Кахане...”

“Весь январь 1971 года каждое деяние, которое можно было приписать ЛЗЕ, – сидячие забастовки, налеты, атаки, бомбы – все это освещалось во всех деталях по всей Америке. Евреи писали письма, нападая на Кахане и подчеркивая, что если США позволят и дальше продолжаться этому безобразию, это приведет к ухудшению отношений между двумя сверхдержавами”.

И тогда начались отчаянные, но целеустремленные усилия, чтобы заставить ЛЗЕ прекратить борьбу. Комментируя мою угрозу о преследовании советских дипломатов, представитель Госдепартамента Джон Кинг заявил, что такое поведение было “безответственным” и “мы поддерживаем связь с Департаментом Юстиции”. “Разумеется, мы взяли на заметку некоторые заявления, исходящие от Кахане”, – добавил он, – “и мы вместе с Департаментом Юстиции рассматриваем их для того, чтобы решить, какие шаги возможно будет предпринять против Лиги Защиты Евреев”. Мэр Нью-Йорка Джон В. Линдси, давно ненавидевший ЛЗЕ за оппозицию к его деятельности, объявил, что полиция будет в состоянии боевой готовности и, если нужно, применит силу, чтобы совладать с этой угрозой”. Лига ответила, что надеется на то, что полиция будет более сильной и проявит лучшую боевую готовность, чем она обычно проявляет в борьбе с городской преступностью.

В панике, самые важные птицы еврейского истеблишмента, боявшиеся, что действия ЛЗЕ приведут к усилению антисемитизма, поспешили заявить миру, что они здесь не причем. Совет Управляющих B’nai B’rith 11 января резко осудил

ЛЗЕ, а его президент Уильям Векслер назвал нашу тактику “похожей на ту, что может выработать советский агент-provokator” (тень Яши Казакова!).

15. Ричард Никсон: “Я присоединяюсь к требованию свободы иммиграции для советских евреев”

Окончательный предел был достигнут, когда три ведущих дяди естаблишмента, придворный еврей Никсона и президент Council of Jewish Federations and Welfare Funds (Совет Еврейских Федераций и Благотворительных Фондов) Макс М.Фишер, глава American Conference on Soviet Jewry (Американская Конференция по вопросам Евреев СССР) рабби Хершел Шехтер, и Векслер, сменивший шляпу главы B’nai B’rith на шляпу главы Conference of Presidents of Major American Jewish Organizations (Конференция президентов главных американских еврейских организаций), что-то аналогичное “Король Королей”, – послали телеграмму президенту Ричарду М.Никсону:

“Маленькая группа дерзких и опасных людей совершает нападения на советские учреждения в этой стране и этим самым ставит под удар дело советских евреев. Их возмутительные трусливые действия наносят страшный ущерб мужеству и достоинству советских евреев, которые выступают за свои человеческие права. Такие отчаянные и преступные действия, сопровождаемые насилием, противны всем приличным людям, и только вызывают симпатию к Советскому Союзу.

От имени еврейской общины Америки (sic!) мы осуждаем эту стратегию террора и людей, которые в этом повинны. В то же время, мы подтверждаем нашу решимость работать над формированием международного мнения, которое заставит правителей Советского Союза освободить те миллионы евреев, для которых СССР стал тюрьмой”.

Никто в ЛЗЕ не лишился сна из-за “традиционного подхода” придворных евреев, никогда не проявивших даже одной тысячной рвения против антисемитов, которое они потратили на нас, “возмутителей спокойствия”.

Однако нас взволновало то, что американский президент впервые в истории сделал первое публичное заявление в поддержку свободы советских евреев. И в тот же день Белый дом опубликовал переписку между президентом Никсоном и главными еврейскими лидерами. Получилось так, что 73 еврейских “пастуха” из 27 главных городов Америки послали президенту настоятельные письма, в которых они объявили, что они не виноваты во взрыве в Культурной Миссии СССР, происшедшем 8 января. Как будто кто-то смел вообразить, что они были способны на это! Письма провозглашали, что “надо остановить такие безответственные и преступные действия”.

Никсон выразил согласие: “Все приличные и законопослушные американцы (очевидно, включая президента и вице-президента) разделяют ваше возмущение недавними преступными актами насилия по отношению к советским учреждениям в этой стране”.

А затем президент написал то, что никакой президент до него не писал: “Я присоединяюсь к требованию свободы иммиграции для советских евреев”, добавив, что “акты насилия и беззакония не приблизят нашу общую цель”. Никсон и еврейский истеблишмент просто просмотрели тот факт, что он никогда бы не назвал его “нашей общей целью”, если бы не было “насилия и беззакония”.

Первым шагом властей по усмирению ЛЗЕ явился мой арест 12 января за неявку в суд по делу о моем аресте 27 декабря. То, что я находился в это время в Израиле, было бы оправданием, но это не были обычные времена. Помощник окружного прокурора Франк Роджерс потребовал неслыханный залог в \$7.500, добавив, что “что-нибудь должно радикально изменить его поведение по отношению к суду и государству”. Судья Энтони Марра установил залог в \$3.000 и предупредил меня: “Ведите себя хорошо”. За день до этого “New York Post” вышла с таким заголовком на первой странице: “Линдси приказал принять крутые меры по отношению к ЛЗЕ”. После моего ареста мэрия выпустила заявление, назвав это “просто совпадением”.

Сразу же после моего освобождения под залог я заявил прессе: “Я приветствую враждебные акты, взрывы и все прочие вещи, которые могут помочь спасти 3,5 миллиона евреев в коммунистической России”. Я не только отказался признать, что международное возмущение было отвратительным явлением, но провозгласил, что “впервые за 53 года проблемы советских евреев была выставлена на первые страницы прессы по всей стране, и этого добились мы”. В ответ на вопрос, обеспокоены ли мы угрозами федеральных и городских официальных лиц, обещавших принять к нам крутые меры, – Роджерс сказал судье Марре о том, что город намерен собрать Гранд-Джури, Обвинительную Комиссию по важным делам, для рассмотрения двух обвинений, и мэр Линдси поручил Марвину Шикю организовать единый фронт еврейских лидеров города за принятие к нам крутых мер, – я сказал:

“Если они думают, что мы испугаемся угрозы тюремного заключения, тогда они не знают души современного воинствующего еврея-активиста”.

Ларри Файн сравнил внезапное рвение Линдси с нежеланием принять крутые меры к Black Panthers и Young Lords (негритянским бандам) и объявил, что этот “эдикт” не остановит ЛЗЕ. Берт Цвайбон заявил: “Нью-Йорк не является пока царством Линси. У нас пока еще есть наши конституционные права, и мы просто делаем неудобной жизнь коммунистов и будем продолжать это делать дальше”.

Если кто-то сомневался, что Соединенные Штаты лукавят СССР, и не делают все возможное, чтобы остановить ЛЗЕ, то эти сомнения развеялись 13 января, когда окружной прокурор Нью-Йорка объявил, что созывает большое жюри для слушания четырех уголовных обвинений: за беспорядки 27 декабря; предполагаемое нападение ЛЗЕ на Action Committee on American-Arab Relations (Комитет Американско-Арабских Отношений, защищавший арабских террористов убивших восьмерых израильских детей в Кирьят-Шмоне); захват Амторга и взрыв в Аэрофлоте. Сообщение “New York Times” что мэр Линдси “связался по телефону с послом Йостом для обсуждения ситуации”, оказалось правдой.

Ответ еврейских воинствующих активистов был дан прямо на следующий день – в виде разбитого огромного окна в помещении Аэрофлота, в которое два человека бросили большой камень из проезжавшей мимо машины. За нападением опять последовал телефонный звонок, закончившийся словами “Никогда больше!” Советские власти ожесточенно заклеили разбитие стекла, требуя “защиты и создания нормальных условий для работы советских дипломатов”. Соединенные Штаты поспешно предоставили для охраны русских 65 федеральных охранников, членов Federal Executive Protective Service (Федеральная служба охраны безопасности), прошедших специальное обучение для работы в дипломатических зданиях.

16. Губернатор штата Нью-Йорк Нелсон Рокфеллер присоединился к нападкам на ЛЗЕ

А затем в быстрой последовательности произошли следующие события:

Губернатор штата Нью-Йорк Нелсон Рокфеллер присоединился к нападкам на ЛЗЕ, приведя цитату из Торы “глаз за глаз”, и предупредил, что это означает, что СССР может сделать то же самое американцам. Линси назвал последнюю атаку “бессмысленным насилием, которое должны осудить все жители Нью-Йорка”. Генсек ООН У Тан, известный почитатель евреев, устроил разнос ЛЗЕ, заявив: “Все акты насилия достойны сожаления и должны быть осуждены”, так как приводят к обратным результатам. Советские власти послали официальную ноту ООН, перечислив 9 атак ЛЗЕ с третьего по десятое января. Было созвано срочное собрание UN Joint Committee on Host-Country Relations (Объединенного Комитета ООН по Отношениям со Странами Пребывания), на котором ожесточенно атаковали США за неумение остановить ЛЗЕ. Я повторил мое утверждение о том, что “преследование делалось для спровоцирования кризиса, чтобы заставить власти США сделать значительный шаг для освобождения евреев СССР”. 17 января мне вместе с семьей членами ЛЗЕ предъявили обвинение по разным пунктам, включая нападение, подстрекательство к беспорядкам, беспорядки и преступное причинение ущерба.

Если весь мир - сцена, то ЛЗЕ и вопрос о евреях СССР стояли в самом её центре. Больше не было ни одного фермера в какой-нибудь Айове, не знавшего о проблемах советских евреев, о которых писали все газеты и показывали телепередачи. “Time”, “Newsweek”, “US News” and World Report – три самые большие журналы новостей в США уделили этой проблеме много места. “Newsweek” отметил 18 января, что ЛЗЕ “грозила разорвать дипломатические отношения между США и Советским Союзом”. “US News and World Report” озаглавил статью, растянувшуюся на две страницы, – “Можно ли подвергать опасности советско-американские переговоры, касающиеся важнейших международных вопросов, из-за распрей по вопросу обращения с евреями, желающими покинуть Советский Союз?” Эта статья заканчивалась предупреждением: “В случае, если произойдут дальнейшие и более серьезные инциденты, последствия будет трудно предсказать”.

Статья в “Newsweek” от 25 января под заголовком “Командос Кахане” начиналась с предложения: “Суть дела – преследование”. “Time” в тот же день озаглавила свою статью “Частная еврейская война против СССР”. Все осуждали ЛЗЕ и все отдали освещению вопроса о советских евреях за последние две недели больше места, чем за все предыдущие пятьдесят лет. Они также нашли нужным обсудить кое-что другое – феномен “нового еврея”, воинствующего активиста, стойкого и негибкого, знающего карате и потрясающего оружием. Еврея с лозунгом “Никогда больше!”

Все главные газеты анализировали ЛЗЕ, вопрос о советских евреях и феномен “нового еврея”. Роберт Майер из “Newsday”, издаваемой на Лонг Айленде, 14 января написал статью под заголовком “Размышления по поводу ЛЗЕ”, очень запутанный клубок вопросов и выводов. Нападая на ЛЗЕ, он цитировал Пита Хамилла, последователя Black Panthers, Young Lords и

Weatherman, работавшего в “New York Post”, который ядовито назвал ЛЗЕ “балбесами”. Он заявил, что “нападения на мелких советских официальных лиц являются пустым идиотизмом и не принесут ничего полезного. Это вроде бы ясная и простая позиция”. Но сказав это, он продолжил:

“Единственный беспокоящий аспект этого ясного и простого вопроса заключается в том, что ЛЗЕ достигла частичного успеха благодаря своим балбесным действиям. Годами люди говорили и писали о тяжелой судьбе евреев СССР. Эти речи и статьи можно было увидеть в еврейских журналах... Мало кого это заботило. Теперь, благодаря ЛЗЕ и ее тактике, эта тема вышла на первые страницы газет всего мира. Миллионы людей, которые месяц назад ничего не знали о советском антисемитизме, сегодня знают о нем всё”.

И он заключил: “Поэтому некоторые евреи, у которых на руках есть татуировки из нацистских концлагерей, поддерживают ЛЗЕ. И поэтому осуждение тактики ЛЗЕ правильно, но не совсем убедительно”.

Письма читателей обсуждали ЛЗЕ, взвешивая за и против. 20 января в “Newsday” была помещена подборка писем читателей, которые были расположены вокруг блестящей карикатуры, изображающей советского дипломата в высокой шляпе и чернокожего “активиста”-бандита, прижавшихся в страхе к стенке в переулке, в то время как на них наступают толпа злых, потрясающих оружием евреев со знаменем Лиги защиты евреев. В подписи под карикатурой чернокожий говорил: “Это странно! Они совсем не похожи на евреев!”

Но в среде американской еврейской общины дебаты взорвались с такой яростью и гневом, какого не было видно со дней еврейского подполья в Палестине.

Известный по всей Америке еврейский еженедельник “Post and Opinion” в статье от 15 января под заголовком “Отколовшаяся группа принимает вызов мирового еврейства” писал: “Поддержка советских евреев быстро разворачивается в направлении, которое разделило евреев мира и вызвало у них разногласия по вопросу Палестины перед 1948 годом, когда группа Штерна противостояла всем остальным евреям мира из-за нападений на англичан в тогда еще британской Палестине”.

И так же, как тогда, когда еврейские лидеры в Палестине сотрудничали с англичанами, которые боролись против еврейского подполья и выдавали им бойцов ЭЦЕЛЯ и ЛЕХИ, изгоняли сочувствующих им с работы и из школ, точно так же американский еврейский истеблишмент поощряет омерзительных доносчиков, о которых говорится в абзаце, добавленном средневековыми раввинами к ежедневной молитве: “И да не будет надежды доносчикам; и все миним (вероотступники), и все злодеи пусть немедленно сгинут...”

Сообщение United Press International от 15 января 1971 года гласило: “Лидеры еврейской общины США предпринимают лихорадочные закулисные усилия, чтобы не дать ЛЗЕ продолжать кампанию насилия против советских дипломатов. Одна из самых важных их целей была достигнута во вторник, когда полиция Нью-Йорка арестовала рабби Меира Кахане”. Далее статья обсудила публичную позицию, занятую этими лидерами против ЛЗЕ:

“Оппозиция еврейского естаблишмента к Лиге была еще более непримирима:

Главные еврейские лидеры Америки недавно тайно собрались в Нью-Йорке, чтобы обсудить, какие средства давления можно предпринять для обуздания угроз и действий экстремистов – рабби Кахане и его последователей. В результате этого собрания официальным лицам было сообщено, что жестокие меры подавления в отношении Лиги в общем и в отношении Кахане в частности не встретят протеста в еврейской общине. Наоборот, сказали они – их будут только приветствовать”.

Горе общине с такими лидерами!

17. Трагические и позорные действия Правительства Израиля

Возможно, наиболее трагическими и позорными были действия Правительства Израиля, совсем недавно искавших расположение СССР, замалчивавших положение советских евреев и запугивавших еврейских активистов. Управляемый теми же лидерами, чье молчание и бездействие в годы Катастрофы европейского еврейства разоблачил Бен Хехт в своей потрясающей книге “Perfidy”, кабинет министров Израиля опозорил еврейский народ, когда, склоняясь под американским давлением, он заявил 17 января: “Правительство Израиля решительно противостоит использованию актов терроризма в борьбе за советских евреев, которые произошли недавно в США и в других странах”. Так заявило правительство, чьи антитеррористические отряды уничтожили арабов в Бейруте, Никозии, Риме, Париже и Норвегии. И это делает понятным мой арест в Израиле и отказ, под давлением США, разрешить мне выезд в Америку, действие, которое мы обычно связываем с Советской Россией.

Но времена меняются, и не все евреи были готовы следовать за истеблишментом как овцы, которыми они в общем-то и были. Глава Союза Израильских Студентов не согласился со своим правительством и послал нам телеграмму о своей поддержке, а член Кнессета Шмуэль Тамир, выступая в дебатах на радио, сказал: “Если ЛЗЕ надоедает советским дипломатам и посольству, то у нас нет причины выступать против этого”.

Группа советских евреев, которые находились в первых рядах борьбы внутри СССР, подвергла резкой критике еврейских лидеров и прислала Лиге письмо, в котором говорилось:

“Мы уверены, что стратегия и действия Лиги являются наиболее эффективными. Советским властям надо дать понять, что освобождение советских евреев предпочтительнее международных осложнений”. Письмо подписали еврейские герои: Дов Шперлинг, Рахиль Гец, Анатолий Декатов, Авраам Шифрин, Мирьям Гербер, Арье Фальков, Йосеф Шнайдер, Борис Шлаен и Мордехай Лapid. Шперлинг добавил, что отмена гастролей Большого Театра было первой публичной капитуляцией советских властей под еврейским давлением.

Даже второстепенные актеры американского еврейского истеблишмента и те были недовольны. Редакторы “Detroit Jewish News”, “The Jewish Week” и “Messenger” в Лос-Анжелесе высказали сомнение по поводу действий еврейских лидеров. Но прежде всего, был **амха**, – это ласковое слово для “еврейского народа”, – **амха** поддержал Лигу письмами в редакцию и чеками. Лучшее мнение амха выразил еврей из East Meadow, который написал в местную газету: “Если бы мы могли прочесть сирийские журналы времен Йегуды Маккавея, они, наверное, тоже сообщали бы, что многие евреи верили в ‘глупость и ограниченность’ этих ‘хулиганов’, а их действия только увеличат антисемитизм. Слава Б-гу, что есть такие ‘глупые мужчины и женщины’, которые готовы вытерпеть насмешки и презрение ‘культурных людей’ ради того, чтобы вызвать внимание к несправедливости”.

Но разумеется, подражание есть самая честная форма лести (самообольщения), однако произошло неожиданное пробуждение мертвых, что явилось главным достижением ЛЗЕ. Неожиданно для всех нас мы увидели их пробуждение. Умершие еврейские лидеры, умершие синагоги, умершие евреи. 25 января семь богатых и влиятельных пригородных синагог Long Island вдруг объявили о молитве перед советским поместьем в Killenworth, чтобы “подчеркнуть наше единство с советскими евреями”. Самой интересной частью этого провозглашения стало заявление некоего Герберта Хаймана, бывшего президента богатого “Temple Sinai”, реформистского “Храма Синай”, не имеющего к Синаю никакого отношения. Г-н Хайман тщательно подчеркивал, что евреи Long Island не будут “махать плакатами и оскорблять”, но “сосредоточатся на величии молитвы”. И еще он добавил:

“Это будет серьезным противовесом некоторым безобразным вещам, которыми занимается ЛЗЕ. Мы считаем, что такие вещи не нужны. Мы не хотим заниматься каким-то воинствующим активизмом, как Кахане, но мы хотим, чтобы стала известна наша сила и значение, и еще мы хотим, чтобы мнение мирового еврейства было услышано в Советском Союзе”.

Добрый, чистый, благородный г-н Хайман! Как хорошо было бы, если бы его силу, значение и мнение оценили бы 10 лет назад, или 10 месяцев назад, или 10 недель назад. Как хорошо было бы для советских евреев узнать, что Хайман жив, и здоров, и заботится о них. Но до этого момента, до 25 января 1971 года – 54 года спустя после начала суровых испытаний – ни один советский еврей не знал о г-не Хаймане, потому что хайманы мира были мертвы и похоронены в мавзолее под названием “Temple Sinai”.

Однако стала известна не сила Хаймана, а “буйная” сила активистов ЛЗЕ, которые помогли г-ну Хайману осознать свою силу и значение; те самые, которые заставили синагоги Чикаго вдруг вспомнить о своем еврействе (спустя более чем полвека перед синагогой в Чикаго вдруг появились плакаты “Let my people go”); и те самые, которые сумели подтолкнуть B’nai B’rith повесить на своем главном здании на Madison Avenue огромный транспарант “Save Soviet Jewry” (“Спасите советских евреев”). В самом деле, ежедневные достижения ЛЗЕ казались все больше и больше сверхъестественными, так как всевозможные американские группы, синагоги и просто люди начали участвовать в борьбе за евреев СССР – сколько смертных могут похвастаться тем, что сумели оживить мертвых? Мы могли только надеяться на то, что г-н Хайман оценит сам факт своего оживления и в Killenworth громко провозгласит слова из ежедневной молитвы: “Благословен Ты, Г-споди, Б-же наш, который оживляет мертвых...” Этот аспект борьбы за спасение советских евреев был несомненно самым большим успехом ЛЗЕ.

18. “Неограниченный мораторий” на преследование советских дипломатов

13 января я четко объяснил прессе, интересовавшейся моей реакцией на нападки еврейских лидеров, которых пресса постоянно называла представителями всей еврейской общины

“Они не важны, они не имеют никакого значения. Их волнует только то, как это отразится на них лично, а не то, как это отразится на евреях Советского Союза. Лидеры некоторых еврейских организаций будут нападать на нас, но они не могут говорить от имени евреев”.

19 января, вокруг нас гремел гром и сверкали молнии, в мире царил возмущение СССР, не дававшей евреям свободу выезда, Вашингтон убеждал Советы либерализовать иммиграционную политику, – в этот момент мы провозгласили “неограниченный мораторий” на преследование советских дипломатов. ТАСС глумилась над этим заявлением, написав: “горбатого могила исправит”.

Данный наш ход был тактическим и был продиктован несколькими причинами:

1. Мы знали, что любой революционный шаг должен быть переварен евреями, которым трудно понять радикальные перемены. Спустя короткое время при тщательном размышлении над результатами наших действий еще недавно робкие и респектабельные евреи начнут понимать, что и для чего мы сделали;

2. Мы понимали, что СССР поддается давлению, если оно угрожает его интересам. В то же самое время, мы знали, что мы не можем заставить его “потерять лицо”. Национальная гордость не может позволить СССР пойти на уступки, когда он получает пощечины, даже если он и хочет пойти на эти уступки. Поэтому мы были готовы пойти на временное прекращение войны и дать им возможность сделать эти уступки тихо и не по принуждению;

3. Мы хотели, чтобы группы еврейского истеблишмента проявили здравый смысл, присоединились к нам в борьбе за спасение советских евреев и сделали то, чего мы не можем сделать. Что я имею в виду? То, что мы могли бы вызволить в 10 раз больше советских евреев, если бы группы еврейского истеблишмента имели бы хоть немного здравого смысла и интуиции, которые есть у их чернокожих коллег. Последние, после каждой атаки, беспорядков или насилия чернокожих хулиганов бежали в Вашингтон и говорили властям: “Видите, мы вас предупреждали. Если вы не пойдете на уступки нам, разумным и законопослушным группам, то все больше чернокожих обратятся к насилию”. Чернокожий истеблишмент, работая, по сути дела, заодно с хулиганами, сумел добиться необыкновенного прогресса для своих общин.

Мы хотели того же от еврейского истеблишмента. После каждого воинственного действия они должны были тихонько пойти в Вашингтон, осудить его и сказать: “Если вы не поможете убедить СССР пойти на уступки, эти воинственные активисты завоюют себе много сторонников и насилие будет продолжаться”. Другими словами, тут требовался мощный союз двойной игры, в котором каждый сделал бы то, чего не мог сделать другой. Поэтому я сказал прессе, что еврейские лидеры уже связались со мной и сказали: “Вы уже высказались. Остановитесь немного и дайте нам что-то сделать через нормальные каналы”.

На самом деле ни один еврейский лидер никогда и ничего не говорил мне, но я надеялся этим подсказать им то, до чего они не могли додуматься сами. В любом случае, я объявил в синагоге: “Этот мораторий не будет постоянным. Если все другое не принесет успеха, ЛЗЕ вернется к прежней тактике, да таким образом, что все, что мы делали раньше, покажется детской игрой”. В последующие дни мы объявили бойкот продуктам американских компаний, которые ведут торговлю с СССР. Мы захватили офис Columbia Artists, который организовывал гастроли сибирских танцоров из Омска. Мы грозили взрывами. Бутылки с аммиаком и скандировавшие демонстранты сорвали выступление танцоров в Carnegie Hall 28 января, а на следующий день мы объявили, что мораторий закончился. Мы также решили позаимствовать у левых их удачную тактику – создание групп-ширм, которые возглавляли люди ЛЗЕ. Мы знали, что они привлекут много молодых людей, по разным причинам боявшихся вступить в ЛЗЕ. Мы назвали группу Student Activists for Soviet Jewry (SASJ – Студенты-активисты за советских евреев) и поставили во главе ее одного из наших людей, Йоси Темпелмана. 14 февраля на объединенном ралли Лиги и SASJ в Hunter college мы официально объявили, что опять начинаем наши демонстрации и преследования. Прошло несколько суматошных дней, в которые мы донимали дипломатов, и меня арестовали за то, что я приставал ко второму секретарю Советской Миссии Владимиру Федорову. Тем временем, танцоры из Омска столкнулись с трудностями не только в Нью-Йорке, но и в Вашингтоне, в котором люди ЛЗЕ прервали их выступление с помощью пневматических гудков и бутылок с аммиаком. На предыдущей неделе озлобленные импресарио были вынуждены отменить гастроли виолончелистки Наталии Гутман и пианиста Юрия Любимова, которые “не смогут приехать, учитывая продолжающиеся эксцессы сионистских хулиганов”.

Еврейские хулиганы теперь нашли еще одну благодатную почву. Обзаведясь списком частных адресов советских дипломатов в Вашингтоне, мы расширили наши атаки. 18 февраля в пригороде Мэрилэнда были подожжены три советских автомобиля. Представитель Госдепартамента Чарльз Брэй осудил “бессмысленные акты вандализма”, а координатор ЛЗЕ Нил Ротенберг заявил, что “мы приветствуем все действия, которые могут привести к свободе советских евреев”.

19. Евреям-активистам после долгих лет отказа выданы визы в Израиль

Они не только могли привести, но они уже привели к свободе некоторых евреев. Несмотря на все предупреждения о том, что действия ЛЗЕ только усугубят ситуацию для евреев СССР, 15 февраля неожиданно было объявлено, что некоторым евреям-активистам после долгих лет отказа будут выданы визы в Израиль. В это число входили родители и семья Яши Казакова (его отец постоянно раздражал советские власти); Давид Драбкин с женой и дочерью; Сара и Эдуард Гуревич, а также Вадим Варшавский с женой и ребенком.

Это было только начало уступок, на которых мы настаивали. 2 марта тридцати еврейским активистам в Москве было заявлено, что они получат разрешение на иммиграцию в середине месяца, и было ясно, что происходит колоссальное и принципиально новое изменение. 16 марта “New York Post” перепечатала сообщение корреспондента “Los Angeles Times” в Москве под заголовком “Русские выпускают евреев с рекордной скоростью”. В сообщении говорилось:

“В среднем, в этой беспрецедентной иммиграционной волне, впервые за пятьдесят три года существования Советского Союза, ежедневно дают разрешение на выезд в Израиль двадцати пяти евреям. Иммигранты относятся ко всем возрастным группам и занимают буквально все возможные посты, кроме самых высоких, несмотря на публичные провозглашения советских официальных лиц, что евреям призывного возраста или занимающим важные позиции не будет разрешено иммигрировать. С начала года разрешение на выезд в Израиль было выдано более, чем 470 советским евреям, – это число намного выше, чем недавно названная Иерусалимом цифра 92. В прошлом году около 1.000 советских евреев покинули СССР, в среднем по 83 человека в месяц. В этом году пока что в среднем выезжают по 188 человек в месяц”.

Потенциальное количество выезжающих должно было стать выше, потому что даже если все были довольны изменением в советской политике, то для ЛЗЕ этого было мало. Мы хорошо понимали, что происходит, потому что мы “запрограммировали” это. Коммунисты, ловкие бизнесмены, находились в трудной ситуации и нехотя предложили самое малое из того, что могли предложить. Мы не стали продавать им мир за такую цену, – это было слишком дешево, цена была слишком низкой.

Самым смешным (или, возможно, совсем не смешным, в зависимости от точки зрения человека) в этом неожиданном волнующем повороте советской политики было замешательство среди уважаемых евреев, в первых рядах нападавших на еврейских активистов, предсказывая при этом, что ЛЗЕ свергнет советских евреев в ужасные бедствия. Их интеллектуальные вывихи и заученные объяснения сияли утонченной красотой. Им было невозможно придти к ужасающему заключению, что воинственность может принести хорошие результаты. И поэтому миру преподносились назидательные разъяснения, что либерализация есть явление кратковременное, которое было вызвано необходимостью по причине 24-го съезда коммунистической партии, назначенного на 30 марта. Другие ученые “советские еврейологи” допускали, что СССР попросту хотел избавиться от их “возмутителей спокойствия” и положить конец агитации, после чего иммиграция замедлит свой ход. Еврейская гениальность громоздилась на еврейскую гениальность, чтобы во что бы то ни стало не допустить победы здравого смысла и доказательства того, что ЛЗЕ была всегда права. Все равно, через короткое время вещи станут еще труднее для докторов философии университета Векслера-Шехтера-American Jewish Congress.

Когда февраль подходил к концу, “Jewish Post and Opinion” поместил статью под заголовком “Лигу Защиты вряд ли можно загнать в угол”: “Несмотря на почти всеобщую оппозицию еврейского истеблишмента, Лига Защиты Евреев кажется преуспевает в создании воинствующей еврейской организации. Два указания на это видятся в собраниях ЛЗЕ, на которых выступал рабби Меир Кахане – в Монреале и в Филадельфии. Несмотря на непрекращающиеся залпы обличений и осуждений, исходящие от еврейских организаций, 1.300 человек пришли послушать его в Монреале и аплодировали ему стоя. 500 человек, в основном молодежь, тоже встретили его бурными приветствиями... Тем временем, взгляды раввинов, кажется, потихоньку меняются, и хотя они не поддерживают методы, применяемые ЛЗЕ, они все же не окончательно отвернулись от воинственной организации... Рабби Барри Дов Шварц из синагоги Бейт Мордехай в Нью-Джерси сказал, что ‘хотя экстремизм всегда опасен в любое время... никакая другая группа не может сравниться с тем, как ЛЗЕ сумела сосредоточить внимание людей на существующей трагической ситуации’”.

А потом был Брюссель.

Глава II.

20. Брюссель

Во вторник, 24 февраля, в 16:00 меня признали виновным в препятствии действиям правительства и распушенном поведении, вызвавшем беспорядки в Советской миссии при ООН 30 декабря 1969 года. Увидев, что я ожидаю с растущим нетерпением, присяжные ушли на более чем на три часа перед тем, как вернуться с обвинительным вердиктом. Моё нетерпение не было связано с вердиктом, совсем наоборот: я просто хотел получить вердикт, независимо от того, что в нем было, потому что я торопился на самолёт, улетающий в 5:30 в Брюссель.

После того, как вердикт был зачитан, а председательствующий, судья Ирвинг Ланг, назначил вынесение приговора на 13 апреля, он улыбнулся, комментируя тот факт, что меня больше интересует возможность выйти из зала суда, чем приговор.

Это было сущей правдой, и после того, как я дал прессе краткий комментарий относительно моих чувств в связи с вердиктом: Это был справедливый суд, беспристрастные присяжные, честный судья и паршивый вердикт, - я помчался в аэропорт Кеннеди.

В течение нескольких недель истеблишмент планировал грандиозную конференцию в Брюсселе с участием всех мировых еврейских лидеров, включая каждую группу, которая значилась в телефонных книгах Вселенной. Сотни людей должны были лететь за тысячи миль за счёт огромных расходов еврейского общества. Вопрос в том, что они там будут делать. Если бы какая-то конкретная, определённая, практическая программа действий (я не говорю о насилии) была одобрена, согласована и приведена в действие, освобождение советских евреев могло бы быть продвинуто на тысячу световых лет. Это была прекрасная возможность, которая, как я знал, будет упущена, если еврейские активисты не смогут убедить делегатов отвергнуть робких респектабельных, которые руководили Конференцией.

Я знал, что там будет много молодых евреев, и прибудет целая баржа делегатов из Израиля, в том числе бывший лидер Иргуна, а ныне лидер оппозиции, Менахем Бегин. Если бы я мог выступить и обрисовать свои идеи, я знал, что со мной согласилось бы большое количество делегатов. Кроме того, даже если сама конференция не одобрит программу активизма — программу, о которой я специально заявил, что она была ненасильственной, то, по крайней мере, множество евреев со всего мира получило бы возможность создать какую-то федеративную группу еврейских активистов для советского еврейства.

Торопясь в аэропорт, я по пути размышлял над тем, что меня только что осудили за протест во имя советских евреев, за один из бесчисленных протестов, в которых подавляющее большинство делегатов, собравшихся в Брюсселе, никогда не участвовали. По иронии судьбы, у меня в кармане лежал отказ в признании меня делегатом, любезно предоставленный Американской конференцией по советскому еврейству. В моем сердце было знание того, что советские евреи столкнулись с определённой возможностью физического уничтожения со стороны Кремля, и что Брюссельская конференция, занимающаяся только банальностями, не сделает ничего, чтобы устранить эту опасность.

Я отправился с надеждой на то, что моё появление там подтолкнёт большинство делегатов, которые верили не в ЛЗЕ, а в право на свободу слова, и побудит конференцию дать мне слово. У меня в кармане была вторая бумага. В ней было десять пунктов, десять конкретных пунктов, которые, как я полагал, помогут принести свободу советским евреям. Я надеялся, что мне будет позволено представить эти пункты делегатам, чтобы они могли услышать их и взвесить, чтобы у них был демократический выбор принять их все или некоторые из них, или вообще ничего не принимать. Вот эти десять пунктов, альтернатива резолюции, которые самым добродетельнейшим образом провозглашали наши надежды на еврейскую свободу:

1. Немедленное прекращение всех переговоров Запада с СССР, включая переговоры по разоружению, космосу, культуре и торговле.
2. Эмбарго на торговлю с Советским Союзом и всемирный бойкот всех фирм, ведущих дела с СССР.
3. Прекращение всякого туризма в Советский Союз, за исключением отдельных туристов, которые едут во имя советских евреев.
4. Прекращение всех культурных, развлекательных и спортивных обменов.
5. Запрещение Советскому Союзу принимать участие в Олимпийских играх и во всех международных организациях.
6. Легальное преследование советских чиновников, включая пикетирование частных резиденций и массовые телефонные звонки в посольства, консульства и т. д.
7. Политическое убеждение антисоветских политиков и политическое давление на тех, кто призывает к разрядке, до тех пор, пока советские евреи не станут свободными.
8. Ненасильственное гражданское неповиновение, т. е., сидячие акции, создание цепочек и т. д., чтобы оказать давление на правительства мира с целью приостановить контакты с Советским Союзом.
9. Обязательные курсы во всех еврейских школах по советскому еврейскому вопросу и факультативные курсы в государственных школах.
10. Ежедневные непрерывные демонстрации возле всех официальных советских учреждений.

Я отправился в Брюссель с членом ЛЗЕ, начальником национального штаба, Сэмом Шошаном, нашим блестящим сотрудником по связям с общественностью. В Брюсселе уже ожидал Берт Цвайбон, и мы знали, что советский еврейский активист, Дов Шперлинг, будет ждать нас в аэропорту с машиной. Полет прошёл без происшествий, и мне удалось пройти через таможню, несмотря на то, что меня на пять минут задержали: Я заметил, что моё имя было на столе, и телефонный звонок был сделан для дальнейших инструкций. Никто не появился, и мы прошли. В 11:00 наша машина подъехала к конференц-залу, где у меня была бы единственная возможность встретиться с моими собратьями-евреями.

Подойдя к дверям зала, я попросил израильского охранника передать записку председателю конференции, раввину Хиршелю Шактеру. Узнав меня, охранник попросил меня войти в вестибюль и написать записку. Репортёры и делегаты сразу меня узнали, и через несколько минут десятки людей окружили нашу группу. Была представлена записка с просьбой о праве быть представителем Лиги Защиты Евреев и сделать доклад. Последовало короткое интервью с прессой. Я заявил, что опасаюсь, что конференция не будет заниматься конкретными мерами, и что у меня есть программа из десяти пунктов. Я сказал им, что не верю, что еврейская конференция проигнорирует элементарную демократическую процедуру и заблокирует меня. Спустя десять минут я понял, что неправ. Охранник вышел с ответом раввина Шехтера: конференция решила меня перекрыть.

Вопрос, почему? Официальный ответ заключается в том, что делегатами могут быть только представители агентств-членов Американской конференции и Конференции президентов. Это ложь и мошенничество. Мы знаем, что Агудат Израэль и Союз ортодоксальных раввинов Северной Америки, которые не являются членами ни одного из вышеупомянутых органов, были приглашены принять участие. Мы знаем, что Отто Премингер, Пэдди Хайецкий, группа Сола Беллоу, и другие старые работники по советскому еврейству были приглашены принять участие и выступить.

Реальный ответ заключается в том, что эти люди, несмотря на то, что они мало что могли внести в решение проблемы советского еврейства, были выбраны из-за того, что их престижные имена могли поспособствовать съезду — престиж и статус, который имеет большее значение для мелких лидеров американского еврейства, чем все остальное. ЛЗЕ была исключена из опасения, что её сила окажет влияние на евреев, что её сила будет способна пробудить их от их летаргии. Это был страх, который толкнул руководство конференции запретить

ЛЗЕ и Дова Шперлинга, а потом освистать Менахема Бегина. Это был страх, который вскоре заставил их согласиться на позорное выдворение еврея.

Получив ответ, я сообщил делегатам и прессе, что уезжаю, потому что я прибыл не для того, чтобы сорвать конференцию. Я объявил, что в 14:30 в моем отеле состоится пресс-конференция, на которой я раскрою программу из 10 пунктов. Пресс-конференция состоялась вовремя, только мне было не суждено на ней выступить.

Выйдя из зала с Шошаном и Шперлингом, когда я уже был в 10 футах от машины, меня схватили три человека в штатском, которые представились сотрудниками полиции. Я стал сопротивляться и потребовал, чтобы они предъявили свои удостоверения. Они предъявили удостоверения сотрудников Sûreté d'État (госбезопасности). Шошан и Шперлинг потребовали, чтобы их тоже забрали, так что нас всех отвезли на машине в здание Sûreté. Внутри нас разделили и допросили. Я отказался отвечать на какие бы то ни было вопросы, пока мне не скажут, почему меня арестовали, и пока я не увижу представителя американского консульства.

Шло время. Кошерной пищи не было, и я, на всякий случай, отказался есть, пока не получу ответов на мои вопросы. Примерно в 14:30 появилась генеральная консулша США, мисс Альта Фаулер, и с сожалением сообщила мне, что по бельгийскому закону, я могу быть задержан на сутки без предъявления обвинения. Только в 17:00 меня позвали в кабинет высшего офицера Sûreté, А. Русса. Чётко говорящий и дружелюбный человек, он извинился за инцидент и заявил: Это не моя вина. Моё правительство оказалось под сильным давлением со стороны конгресса [конференции]. Меня проинформировали, что вы нежелательны.

Я вполне мог понять позицию бельгийского правительства, даже когда я сидел и обдумывал иронию христианина, извиняющегося перед евреем за действия его собратьев-евреев. Я знал об огромном давлении, которому подверглись бельгийцы со стороны Советов. Теперь же, если сами евреи говорят, что кто-то нежелателен, они, безусловно, предпримут необходимые шаги. Он сказал мне, что, если конференция позволит мне войти в зал, он освободит меня. Конференция, ясное дело, отказалась, потому что телефонный звонок от министра юстиции поступил через полчаса, сообщив нам, что Шошан будет освобождён, а я буду депортирован.

Я скажу вам, — улыбнулся Русс, что аэропорт уже наводнён репортёрами. Было мало утешения узнать, что помимо безнравственности и кардинального греха согласия на передачу еврея неевреям, руководство конференции было также повинно в глупости. Даже за миллион долларов мы бы не получили такую рекламу, какую нам предоставили еврейские лидеры, которые работали день и ночь, чтобы уничтожить нас. Однако вряд ли это было так.

Дело в том, что из-за того, что нас остановили, и конкретные программы были изъяты из повестки дня, евреи СССР оказались обречены на горькое разочарование.

Тем временем в конференц-зале, Шперлинг, который был освобожден через час, рассказал делегатам, что произошло. Пандемия разразилась, когда разъяренный доктор Моррис Брафман, член Американской федерации сионистов и не сторонник ЛЗЕ, бросился на трибуну и потребовал сказать, кто просил моего ареста. На фоне криков и потасовки, Брафмана вытолкнули из зала. Он сказал репортёрам, что еврейская молодёжь разочарована и убита горем, потому что это оказалась конференция одной школы мысли. Шум не прекращался. По иронии судьбы, среди тех, кто больше всего протестовал, были те самые престижные имена, которых втянул истеблишмент. Отто Премингер возмутился тем, что действия конференции были столь же презренными, как и действия русских, коммунистов или нацистов. Хаефский назвал это глупым, наглым и неамериканским и охарактеризовал конференцию как свиданье Хадассы в среду вечером.

Это никоим образом не расстроило истеблишмент большевиков, которые управляли Брюсселем так же, как они пытались управлять еврейским миром. Ричард Коэн, пресс-секретарь конференции и давний позор либерального Американского еврейского конгресса, отметил их требование свободы слова для таких, как Анджела Дэвис и Джордж Линкольн Роквелл, и объяснил, что я был заблокирован, потому что мы полностью отвергаем и не признаем философию и практику насилия, провозглашённые и осуществляемые Лигой Защиты

Евреев. Еретическая мысль, что сама конференция должна решить, было ли это тем, что она хотела, никогда не пересекала узкий лоб Коэна. В действительности, конференция была не чем иным, как сценой с суфлёром для американского еврейского истеблишмента и израильского правительства, за которым суфлёр следует по каждому кардинальному вопросу. И что не следует забывать: такие люди, как Векслер и Шактер, которые, конечно же, одобрили случившееся, сделали грязную работу для израильского правительства, имевшего возможность все изменить одним своим словом.

В конце концов, конференция достигла своего постыдного кульминационного момента, поскольку один из героев современной еврейской истории, Менахем Бегин, отклонил резолюцию, осуждающую ЛЗЕ, и обвинил истеблишмент в том, что он заказал мой арест. Он был осмеян с партера, а патриарх Бнэй Брит, Уильям Векслер, оставил своё место и подскочил к трибуне, крича Лжец! Бегин не ответил, но нарушил своё молчание, когда член исполнительной власти Еврейского агентства Роуз Хэлперн, на которой была одна из её знаменитых смешных шляп, крикнула ему: Фашист!

И Бегин — человек, который возглавлял еврейское национально-освободительное движение, Иргун Цвай Леуми на страницах еврейской истории, человек, который каждый месяц и каждую минуту рисковал своей жизнью, человек, бежавший от англичан, и чья семья жила в постоянном страхе, в то время как миссис Хэлперн наслаждалась хорошей жизнью в Америке, повернулся к ней и тихо ответил:

Мадам, на вашей голове шляпка, а на моей — цена.

Они освистали Бегина, эти мелкие мужчины и женщины (шляпки миссис Хэлперн — это её единственное притязание на славу, и они составляют то малое, что заключено в ее голове). Запланированная и запрограммированная конференция продолжалась. Такие стойкие борцы за свободу евреев СССР, как профессор Ханс Моргентхау, со всей своей тевтонской осторожностью, рекомендовал тихую дипломатию, а не насилие. Отобранная вручную, советская еврейка, Крайна Шур, подбирала слова, которые, как израильское министерство иностранных дел было уверено, она скажет на конференции: евреи должны быть активными, но не чересчур. В конце, после того, как американский еврей из евреев, Артур Гольдберг, в своей обычной динамичной манере, взволновал зрителей призывом к совести человечества, конференция приняла единственное оперативное решение, помимо осуждения ЛЗЕ. Она призвала Москву предоставить своим согражданам право следовать их религиозным обычаям, а если они решат, то иммигрировать в Израиль. Это был грандиозный результат конференции, который взволновал даже Пэдди Хайефского, который сухо заявил, что он ожидал большего, чем еврейские ритуальные душещипательные крики и дань уважения нашим brave братьям, в результате чего Newsweek признал бледность документа.

Для меня конференция закончилась накануне, когда три члена Sûreté пригласили меня в машину и повезли из здания Sûreté через улицы Брюсселя к заднему входу в аэропорт. По пути к самолёту British Airways, мы были окружены журналистами и кинооператорами. В течение нескольких секунд между прессой и полицией произошёл матч по толканию друг друга. Потом все закончилось. Я был в самолёте, который направлялся в Лондон. Для меня и советского еврейства брюссельская конференция закончилась. Она началась в предсказуемом стиле с похвалы советской армии от рабби Шактера. Она закончилась похвалой советским евреям. Ни Красная Армия, ни советские евреи не получили много пользы от слов, сказанных на Конференции.

Я отправился в Брюссель, потому что для евреев Советского Союза оставалось очень мало времени. То, что произошло в Брюсселе, было поражением не Меира Кахане или Лиги Защиты Евреев, а советских евреев, у которых уходило время.

Семьсот пятьдесят еврейских лидеров были собраны с четырёх концов земли и привезены в Бельгию. Они проделали тысячи километров за большие еврейские деньги. Наконец, после всех тихих лет и всех запущенных и пропущенных возможностей, конференция была созвана в момент кризиса, в момент истории, когда время истекает для евреев Безмолвия. Насколько велика была возможность, и насколько большим было разочарование! Нам не нужна важная конференция, которая началась в величии, а закончилась меньше, чем ничем.

Я поехал в Брюссель, потому что боялся, что конференция будет довольствоваться банальностями. Так оно и было. Я отправился в Брюссель, потому что понял, что конкретные программы даже не будут включены в повестку дня. Они и не были включены. Я отправился в Брюссель, потому что, если бы драматурги и продюсеры, а также авторы и архитекторы, у которых было небольшое или вообще не было никакого участия в борьбе за советское еврейство, были допущены к священной двери, представители организации, которая буквально пролила свою кровь на баррикадах и отправлялась в тюрьму во имя наших угнетённых братьев, имели моральное и естественное право говорить.

Я не был допущен на конференцию. Лига Защиты Евреев и другие, в том числе советский еврейский герой, Дов Шперлинг, который провёл два года в лагере, не были допущены. Конференция, призванная отстаивать права инакомыслящих евреев в Советском Союзе, отказалась признать право демократического инакомыслия в своих собственных залах.

Так было в Брюсселе, где инакомыслие было задушено, где испуганные люди избегали еврейской воинственности, где еврей был схвачен бельгийской полицией и силой выдворен, по осведомлённости и с одобрения евреев. Такова была история в Брюсселе. И ещё — это была история еврейского истеблишмента и причина, по которой возникла Лига Защиты Евреев.

Глава III

21. Еврейский истеблишмент

Евреи попали в Америку в 1654, вместе со своими страхами и своей исключительной религией. Спустя 300 лет, евреи все ещё были подвержены страхам, тогда как их руководство посвятило себя тому, чтобы гарантировать, что эти страхи никогда не станут реальностью, даже если для этого надо будет отказаться от своей исключительности и от всяких логических оснований для своего сохранения как евреев. Процесс гоизации в Америке является одним из логических шагов, которые начались, когда Французская революция открыла эпоху, известную евреям как Эмансипация. Сначала во Франции, а затем в остальной части Западной Европы стены гетто рухнули, и евреям была предоставлена первая возможность за, примерно, 1700 лет совершить что-то, что приблизило бы их к равенству и возможностям.

Евреи этого жаждали и воспользовались предоставленным им случаем, даже зная цену, которую за это требовали. Когда Наполеон составил свою версию Синедриона и попросил французских раввинов и лидеров отказаться от своего статуса нации, они на это согласились. По словам своего представителя, Авраама Фуртадо: Мы больше не представляем собой нацию внутри нации. Франция — наша страна. Евреи, ваши обязанности изложены, счастье ждёт вас.

И так оно и было бы, если бы в понятие счастье вкладывать материальное значение: богатство, стремление к положению, возможность вести себя, как гоим, и копировать их, и шанс ассимилироваться и стать «мячом наций». Еврейская национальная идентичность была отброшена с освобождением от вины гонителей еврейской свободы, и по всей Западной Европе стали распространяться разного рода граждане мозаичных убеждений.

И это не было концом, потому что на этом не могло все закончиться. Отказавшись от бремени национализма, евреи начали теперь делать свою религию безвредной, незаметной и гойской, насколько это возможно. Реформа иудаизма породила храмы, органную музыку, одетых в чёрное раввинов и не соблюдающих религиозных евреев. Кастрация евреев была завершена. Результатом стала задыхающаяся стремительная эволюция людей, которые всего лишь короткое историческое мгновение тому назад считали себя отдельным, избранным Богом народом, а теперь стремительно бегущим вперёд к национальной ассимиляции и исчезновению. В девятнадцатом и начале двадцатого века Западная Европа увидела, как евреи выбрасывают за борт своё наследие, поскольку они направились к закату исключительного иудаизма и рассвету хорошей жизни в счастливом равенстве с гоим.

Это было наследие, заложенное в новой стране, называемой Соединёнными Штатами, поскольку первые крупные волны иммиграции начались из Германии и соседних стран, на которые в значительной степени влияла немецкая культура. Еврейское население Америки взлетело с 15 000 — до 1849, до четверти миллиона в 1880, и как по численности, так и по культуре была завершена тевтонизация американской еврейской общины. Германские евреи принесли с собой свою реформу, свою ассимиляцию и свою «гоизацию» еврея. С восхитительной германской прямоотой и организацией в 1885 в Питтсбурге была разработана декларация принципов, которая разъяснила американский реформистский иудаизм. Она отвергла все законы Моисея, которые не соответствовали взглядам и привычкам современной цивилизации [sic] и заявила, что мы считаем себя уже не нацией, а религиозной общиной.

Немецкие евреи, которые приехали в Америку чужаками без гроша за душой, замечательно преуспели. За несколько десятилетий они американизировались и стали успешными, богатыми и полными решимости продолжать схваченную ими хорошую жизнь.

Появившиеся лидеры носили такие имена, как Адлер, Шифф, Маршалл, Селигман, Леб и Варбург. Созданные ими организации были названы Бнэй Брит, а более мелкие — Антидиффамационная Лига, Американский еврейский комитет и различные филантропические федерации, которые собирали и распределяли деньги среди бедных восточноевропейских евреев, вышедших из России, Польши и Галиции. Запуганные, но теперь уже уважаемые американские евреи Верхнего Ист-Сайда поспешили к своим более низким глубинкам с фондами, предназначенными, прежде всего, для американизации нецивилизованных и отсталых бедных кузенов, и переделку их по своему образу и подобию.

Американские евреи оказались плодовитыми и размножались, оказываясь в своём большинстве весьма и весьма успешными. Их лидеры никогда не колебались в своей решимости быть хорошими американцами Мозесовского исповедания и, с этой целью, делали все возможное, чтобы расплавиться. Никто не верил в плавильный котёл больше, чем американское еврейское руководство, и никто не боролся за его успех так, как они. Государственная школа была прославлена, а еврейская дневная школа, ешива, очернялась. Велись громкие и дорогостоящие баталии за то, чтобы евреям было разрешено снимать номер в гостинице гоя и делить с ним его не кошерную пищу. Велись также баталии в суде, чтобы еврей мог вступить в загородный клуб гоя, чтобы его сын, в конце концов, женился на дочери неверующего.

Евреям это удалось. Их дети расплавились и медленно стали растворяться. К 1968, мы могли видеть американскую еврейскую общину, в которой шесть миллионов её членов усеяли американский пейзаж, чтобы любой беспристрастный наблюдатель мог справедливо сказать, что:

1. Никогда в истории еврейского народа не было такой большой по численности и такой богатой общины со столькими богатствами и собственностью, но в то же время столь устрашающе неуверенной, боязливой, сбитой с толку и дезориентированной, страдающей от сильнейшей национальной амнезии, бредущей ощупью, ища ответа на вопросы: Кто я? Зачем я?
2. Никогда в истории еврейского народа такое большое по численности сообщество не было проклято через руководство, столь обделённое талантом, столь невежественное в иудаизме, с такой нехваткой мужества и воображения, столь боящееся принять спорное решение, и которое бы так безмолвно руководило национальной гибелью любого значимого и исключительного еврея, а вместе с ним -- и поколения молодых евреев, а в большинстве случаев — ещё и активно инициировало его.
3. Никогда со времён Великой депрессии антисемитизм не проявлялся настолько ясно и нагло. В 1968 ассимиляция в Америке достигла пугающих масштабов. Это был не просто еврей, который крестился или женился на не еврейке и исчез из еврейского народа. Гораздо многочисленнее были евреи, которым было просто все равно. Они, возможно, женились на еврейках, но это было просто потому, что не было подходящей кандидатуры из гоев. Это был не принцип, а случай, который не представился. Однако, даже когда они оставались официально в пастве, их субъективные связи со своим народом и верой просто не существовали. Их еврейство было для них не более важным, чем любые другие аспекты их физиологического или биологического бытия, которые были дарованы им без какого-либо их желания или просьбы. Если они и были евреями, то

только потому, что таковыми были их родители. Они не могли найти никакой другой причины или смысла своему наследию. Они были продуктом плавильного котла, государственных школ, а также стремления к равенству и однородности, за что еврейский истеблишмент сражался так долго и трудно.

Более того, храмы и синагоги, созданные этими лидерами, отражали такую же ассимиляцию, замешательство и лицемерие, религиозную разновидность идеи дайте нам наш еврейский пирог (о кошерности речи не идёт) и ешьте его тоже! Рождавшиеся религиозные теории американских евреев включали бренд Реформа, чьё отличие от христианского унитаризма было заметно только самым сильным учёным или филологам. Это было названо Конструктивизмом, который был продуктом Мордехая Каплана (Пример: Б-г — функционален, а не существует, обозначая, таким образом, силу в космосе, в том числе и человека, который осуществляет спасение людей и народов). Сюда же входил и Консерватизм — скользкая богословская теория, которая означала все на свете для всех евреев, которая побудила Джулиана Фримена из Индианаполиса, видного консервативного мирянина, пожаловаться на то, что у десяти разных консервативных раввинов будет десять различных идей консервативного иудаизма.

Так что американская еврейская община в 1968 никоим образом не могла объяснить, почему евреи в эпоху прогресса, универсализма и братства должны оставаться отдельными и обособленными, без каких бы то ни было логических обоснований для их существования как гордой и исключительной общности. Её синагоги были построены из атавистической и эмоциональной необходимости сохранить хоть какую-то идентичность (никто не мог сказать, зачем) и ещё более эмоционального и жестокого страха перед тем, что дети могут заключить браки с не евреями (ещё одна необъяснимая вещь в мире еврейского либерализма). Идеология совсем не играла роли в синагоге, поскольку невежество среднего американского еврея в своей религии была легендарной. Большинство из них стали консервативными евреями, потому что это было современнее ортодоксии, и более еврейским, чем Реформа — объяснение, более грустное, чем смешное.

Неудивительно, что еврейские юноши, вышедшие из пары двух таких алогичных и иррациональных родителей, с отвращением смотрели на них, называя ханжеством их самих и их веру. Будучи чисто американским продуктом, и не будучи никогда воспитанными в традиционных еврейских районах или домах, они поступали в американские государственные школы, впитывали либерализм, гуманизм и универсализм, бежали от ужаса продлённой религиозной школы и оргии бар-мицвы, и решали стать не иудеем, а человеком. И поэтому на более поздних этапах ассимиляция усилилась. Еврейский интеллектual мог спокойно и флегматично анализировать свою незаинтересованность в иудаизме или еврействе, сказав, как и писатель, профессор Самюэль Шапиро: Я не то, чтобы сознательно отвергал традиционный иудаизм, а просто отходил от него... Я действительно не знаю, будем ли мы давать им (нашим детям) религиозное воспитание. В любом случае, мне это не очень важно... Я испытываю большую симпатию к гражданам Израиля, но ещё больше я испытываю стремление сделать все возможное, чтобы помочь в бедственном положении тем людям, среди которых я жил — негров Гарлема и жертв нищеты и угнетения в Латинской Америке.

Шапиро является честным и типичным еврейским интеллектualом, который просто не видит причин заботиться о евреях, как таковых. Он и сотни тысяч молодых евреев шли маршем за права черных граждан, пуэрториканцев, чикано, вьетнамцев, зимбабвийцев, ангольцев и за гражданские права любых потерянных, замороженных в регионах Антарктиды людей. Еврейские юноши обнаруживались среди живых и здоровых (а также убитых) за гражданские права в Миссисипи, но советское еврейство оставалось для них вещью, лишённой всякого интереса. Левым и радикалам, которые жгли американский флаг, было гарантировано, что они поведут за собой все больше сынов Завета. Рубин, Хоффман и др. представляли лишь верхушку еврейского радикального айсберга. Каждое иконоборческое безумие находило себе еврейских вербовщиков и знаменосцев, а также хиппи, которые в своём авангарде имели своих евреев. У новых левых был свой Марк Раддс, тогда как у старых левых были свои еврейские троцкисты и про-русские. Бесчисленные молодые евреи были не только не евреями, но и анти-евреями, которые с энтузиазмом шли маршами за дела, которые явно имели цель уничтожить еврейскую силу, влияние и выживание. Арабы кричали, что Израиль — империалист и колонизатор, а из тысяч глупых еврейских глоток раздавалось: Правильно! Евреи были хозяевами трущоб и торговцами-вымогателями, которых надо сжечь, кричали нацисты Чёрной силы, и сто тысяч повстанцев Форест

Хиллс скандировали Аминь!. Это была еврейская идентичность в 1968, в период сбора плодов плавильной политики еврейского истеблишмента.

А почему бы и нет? С каждой реформистской и консервативной кафедры евреи слышали бесконечные проповеди о Миссисипи и Вьетнаме. Когда им было узнавать о евреях Советского Союза или Сирии? Реформистские и консервативные раввины пошли маршем в Миссисипи и похоронили свои отговорки в отношении беззакония арестов в Сельме и Джексоне, гордо распевая Мы победим. Какой еврейский лидер отправился в тюрьму ради евреев Безмолвия за железным занавесом? Салонные либералы Лонг-Айленда бесстрашно собирали деньги на борьбу за гражданские права и дрожали от волнения, приглашая в свои дома боевиков и экстремистов, поскольку они не были евреями.

Я храню, как сокровище, газетную вырезку со статьёй из газеты Great Neck Record от 25 мая 1967. Процитирую её полностью:

В воскресенье здесь был Стокли.

Несмотря на то, что в пятницу он не смог приехать в северную среднюю школу Грит Нека, Стокли Кармайкл, бывший глава Ненасильственного студенческого координационного комитета (НСКК), появился в воскресенье в доме г-на и г-жи Сеймур Лихтенштейн, 144, Кингс Пойнт Роуд под эгидой Комитета по правам человека Грит Нека.

Здесь [фото] он показан, обращающимся к толпе в гостиной Лихтенштейнов. Рядом с ним — Мо Тендлер, советник антисемитского Конгресса Расового Равенства (КРАР). Это было мероприятие по сбору средств. Вход стоил \$5 с человека. Было объявлено, что Лихтенштейны дали \$5000, их дети — \$25, а Форум Грит Нека пожертвовал \$1000.

Я вынужден добавить сноску. Рядом с этой статьёй в моих файлах есть ещё одна статья из газеты Нью-Йорк таймс от 27 августа 1967 под заголовком Кармайкл предлагает сражаться за арабов. В ней, в частности, говорится: Осуждая как Соединённые Штаты, так и Израиль, Кармайкл сказал, что он и другие негритянские боевики готовы взять оружие, если необходимо, чтобы помочь арабам освободить Палестину.

Интересно, что случилось с Моу из КРАР или Сеймуром из Грит Нека, или с их детьми...

Более того, хотя евреи умирали от духовного голода и национальной амнезии, новый ужас поднял свою уродливую голову из другого, более прозаического источника. Начал проявляться уродливый, открытый и беззастенчивый антисемитизм, и для еврейского истеблишмента и либералов он возник с совершенно неожиданной и решительно неблагодарной стороны. Это были негры, настаивающие теперь, чтобы их называли черными — сообщество, обратившееся против своих благородных и щедрых благодетелей с ненавистью и яростью, повергло в ужас всех евреев, которые с недоумением указывали на все преимущества Грит Нека, на все деньги Розенвальда и на усилия, предпринимаемые ради школ для негров, на усилия всех еврейских президентов Национальной Ассоциации за продвижение цветного населения (НАПЦН). Однако, видимо, это мало повлияло на ненависть к евреям, а, возможно, даже усугубило ее.

В 1966, Антидиффамационная Лига от Бнэй Брит сделала ещё один вклад в защитное одеяло американских евреев, проведя исследование черных бунтов 1964 и обнаружив, что чернокожие как группа, как правило, меньше подвержены антисемитизму, чем белые. К великому облегчению каждого еврейского торговца в Гарлеме и евреев, которые жили в расово смешанных районах, оно показало, что антиеврейские высказывания чернокожих часто отражают негативные чувства к белым, а не антисемитизм. Короче говоря, чернокожие не выделяли евреев и меньше проявляли к ним нелюбовь, чем к белым. Это было типично для еврейского истеблишмента, проблема которого заключалась не столько в глупости, сколько в нежелании признать, что ненависть к евреям существует в серьёзной форме, где угодно, а также в отказе от веры в то, что заветные многолетние либеральные аксиомы и убеждения ложны.

Поэтому они игнорировали всякое явные проявления. В 1966, Клиффорд Браун, глава отделения КРАР в Верноне, Нью-Йорк, встал и крикнул, что Гитлер убил недостаточно евреев. Евреи возмутились и потребовали

опровержения, но все поспешили заверить всех остальных, что это был изолированный случай. Даже Пит Хэмилл из газеты New York Post мог написать в июле 1966: Конечно, ненависть и недоверие к евреям уже давно существуют в таких местах, как Гарлем. Их, несомненно, учили белые люди. Но в последние годы язык стал более широким и более опасным, а цели — более конкретными. Никто в Бнэй Брит не слушал. Чёрный националистический журнал Liberator в апреле 1966 писал: Еврейские общины безжалостно эксплуатируют черных в течение многих лет... Осуществление политической, экономической и социальной тирании, вызванной сионистским влиянием, заставило молчать голоса многих стойких чёрных сердец, но больше этого не случится.

АДЛ была воодушевлена своим опросом.

На Национальном съезде по новой политике в Чикаго в сентябре 1967 Дик Грегори сказал: В Америке, каждый еврей, старше тридцати лет, знает другого еврея, который ненавидит негров, и, если мы ненавидим евреев, то это даже справедливо, бэби. Съезд под давлением черных, осудил Шестидневную войну как империалистическую сионистскую войну. В том же году СНКК осудил Израиль за его агрессию против арабов, а в совершенно несвязанном событии, бывшая глава НАПЦН Филадельфии, Сесил Мур, поднялась со своего места в суде, чтобы выкрикнуть Давиду Бергеру из Совете по образованию: Вы и остальные евреи, пойдите вон из моего бизнеса! Американский еврейский конгресс был занят дракой и лизанием рождественских марок.

Внутригородские еврейские торговцы каждого городского сообщества стали мишенью преступления и порочного открытого антисемитизма. Их поджигали во время расовых беспорядков, и они стояли в своих магазинах с пистолетами в руках и страхами в сердцах всякий раз, когда открывалась дверь, и кто-то входил. Сразу был вопрос: покупатель или убийца? Уничтожение мелкой еврейской торговли, сопровождаемое неприкрытым антисемитизмом, заметила даже газета National Observer, издаваемая материнской компанией умеренной консервативной газеты Wall Street Journal. В мае 1968, она напечатал крупную статью, озаглавленную Чёрный антисемитизм: разорение мелких торговцев в охваченном хаосом Вашингтоне. В ней описывалось ограбление еврейского владельца винного магазина чернокожим, державшим битое горлышко бутылки у его горла и говорящим ему: У тебя большие проблемы, жид....

Такое происходило не только в Вашингтоне. Так было в Бостоне, Кливленде, Балтиморе, Детройте и Нью-Йорке, где множество еврейских магазинов было мамочками и папочками — продовольственные магазины, лавки сэндвичей и магазины одежды, где человек, выживший в концентрационном лагере, был застрелен за то, что у него не оказалось яблочного пирога. Союз американских еврейских конгрегаций, реформистский еврейский истеблишмент не комментировали подобные еврейские проблемы — они были слишком заняты борьбой за гражданские права негров Миссисипи.

Еврейские кварталы в центре города после заката. Районы, где десятки тысяч евреев жили, трудились, строили жизнь и карьеру, синагоги и школы и были синонимами теплоты, близких отношений и корней, стали внезапно местами ужаса и кошмара. Улицы, когда-то свободные и безопасные во все часы ночи, стали опасными в дневное время. Дома, двери которых никогда не запирались, стали крепостями страха. И начался исход, и началась волна паники. Богатые евреи давно уехали в поисках более высокого статуса, а теперь и средний класс отступил перед диким кошмаром. Лишь бедные и пожилые люди оставались в ловушке своей нищеты и неспособности уйти. Браунсвилл в Бруклине и Маттапан в Бостоне и на юго-востоке в Вашингтоне стали символами разрушенных еврейских кварталов и мечты, а Американский еврейский комитет был слишком занят публикацией брошюр об экуменизме и межконфессиональных отношениях, чтобы это заметить.

Слепота и невнимание еврейского истеблишмента были преступными. Все нападения на евреев в Америке сопровождались решительным стремлением покончить с системой заслуг, при которой одни евреи в годы депрессии получали рабочие места, открытые для них, несмотря на антисемитизм — должности государственных служащих. Большое количество евреев на преподавательских должностях и в других правительственных службах можно объяснить тем, что многие из них не могли стать тем, кем они бы хотели. Единственным критерием были заслуги, гарантирующие сотням тысяч евреев низшего среднего класса возможность зарабатывать на жизнь. Теперь чернокожие (а, следом за ними, и другие этнические группы), потребовали прекращения этой системы, и стали призывать к обратной дискриминации и квотам, к

возвращению к многочисленным европейским статьям, которые ограничивали возможности евреев процентом от населения в целом. Вряд ли было нужно глубоко размышлять над тем, что это все это могло означать для американских евреев, которые составляли всего 3% от американского населения.

22. Бессилие истеблишмента против антисемитской дискриминации

Школьная система в Нью-Йорке стала полем битвы за квоты, а порочный антисемитизм и нападение на еврейские права были очевидны каждой еврейской организации задолго до того, как появилась ЛЗЕ. В сентябре 1966, на демонстрациях средней школы 201 в Гарлеме, директор школы, Стэнли Лиссер, стал мишенью выкриков: У нас слишком много учителей и директоров по фамилии Гинсберг и Розенберг и Пусть едет в Израиль!. Лиссер смирился с постоянным шквалом ненависти к евреям. В Бруклине, местный филиал КРАР, возглавляемый головорезом по имени Сонни Карсон, уже в апреле 1967, потребовал показать, сколько человек из персонала частной школы 246 были евреями, и в тот же день учителя обнаружили в своих почтовых ящиках записки, в которых говорилось: Ты, паршивый жидовский ублюдок, убирайся из школы. 13 сентября 1967 член антисемитского Конгресса Расавого Равенств (КРАР) вошёл в частную школу 9 в Бруклине и крикнул: Почему вы, жида, не уходите из этой школы и не учите хороших белых еврейских мальчиков в ешиве?

На апрельском совещании в кабинете школьного инспектора района Бруклина 13, Исайя Льюис из КРАР сказал: Мы хотим, чтобы евреи покинули район Бедфорд-Стуйвесант! В мае 1967, в частной школе 40 в Квинсе, еврейский директор школы, Гарольд Барон стал мишенью для демонстрации во главе с его помощником, черным экстремистом, Германом Фергюсоном (осуждённым позже за убийство умеренного негра, Роя Уилкинса). Белые учителя вошли в здание и стали мишенями выкриков: Почему вы, белые евреи, не вернулись в Грит Нек? В сентябре 1967, директор школы, Луис Фуэнтес, недавно назначенный на пост директора частной школы 155 Бруклина, при обсуждении вопроса об окончании системы заслуг, сказал еврею, помощнику директора: Почему бы вам не изменить своё имя на Гонзалес? Ваш народ всегда так делал.

Таким образом, школьный кризис, разразившийся в районе Бруклина Оушен-Хилл-Браунсвилл, где 18 еврейских учителей были уволены со своих постов новым местным правлением, не был первым или сотым выстрелом в войне против прав евреев. Потребуется много и много страниц для подробного изложения всех случаев документально подтверждённой ненависти против евреев, отмеченных во время школьного кризиса. Достаточно сказать, что открытая, субъективная ненависть к евреям и угрозы жизни евреев и их собственности имели место за несколько месяцев до нескольких лет до того, как возникла ЛЗЕ, и, что ещё хуже — началось объективное разрушение еврейского политического, социального и экономического статуса, т. к. система заслуг подверглась атаке, потому что разразились требования квот, еврейские кварталы были разрушены, и еврейские торговцы существовали под риском нападений. И все это время еврейский истеблишмент присутствовал при этом, борясь за дела кого угодно, кроме бедного маленького еврея.

Рассмотрим следующее. В 1968, когда еврейский государственный служащий низшего среднего звена был вытеснен требованиями чернокожих и других меньшинств относительно квот, съезд Б'най Б'рит, проводившийся в роскошном отеле Конкорд на курорте Борщ-Белт, принял резолюцию в пользу льготного режима для чернокожих претендентов на новые рабочие места на государственной службе, в противоположность евреям заявителям. Когда президент Ассоциации еврейских учителей, покойный доктор Герман Мантелл, потребовал разъяснений, они ему были предоставлены 24 июня 1968, Моррисом С. Сассом, региональным директором Нью-Йоркской Антидиффамационной лиги от Бнэй Брит. По словам Мантелла, Сасс заявил, что позиция АДЛ заключается в том, что если еврейские и черные претенденты с равной подготовкой будут искать одну и ту же работу государственной службы, то предпочтение следует отдавать чернокожему претенденту. Председатель АДЛ, Дори Шари, на трехлетнем съезде Бнэй Брит в шикарном отеле Шорехем в Вашингтоне 8 сентября 1968 требовал не преувеличивать опасения по поводу негритянского

антисемитизма. Давайте будем предельно ясны, — сказал он, Заявления немногих нельзя относить ко всему народу. Негритянский антисемитизм не так опасен, как фашизм. Это же либеральное безумие повторил Американский еврейский конгресс в декабре 1968, после того, как ненависть черных к евреям была уже очевидна даже самому тупому кретину, и проявлялась в сотнях случаев. После распространения в Гарлеме листовки, в которой говорилось, что Гарлем не будет в стороне, пока эти расистские, беспощадные сионистские бандиты [Объединенная федерация учителей] вытесняют нас из наших собственных общин, Американский еврейский конгресс энергично запротестовал, а затем начал нас убеждать, что мы уверены, что такие взгляды не представляют сколько-нибудь значительного числа жителей Гарлема, а всего лишь крошечной группы дискредитированных маргиналов. Листовка была выпущена Джесси Греем, который в следующем году выиграл демократическую номинацию члена городского совета от Гарлема...

Это было характерно для менталитета евреев, которые управляли еврейской общиной. И они никогда ничему не учились. Когда крупная и дорогая реклама от десятков чернокожих боевиков, в том числе, профессионалов, министров и политических активистов, была помещена в Нью-Йорк Таймс с горькими нападками на Израиль (1 ноября 1970), Национальный совет по связям с еврейскими общинами (NJCRAC) — зонтичная организация для всех основных еврейских групп, поспешно информировал еврейскую общину, что он удовлетворен тем, что подписавшие объявление были радикальной и крошечной группой маргиналов черной общины и никоим образом ее не представляют.

Это была слепота и безумие еврейского истеблишмента и либерального представителя, чье отношение было совершенно невероятно суммировано в статье газеты New Republic под названием Раздувание угрозы черного антисемитизма.

Насколько отличается восприятие и откровенность нацистского лидера Джорджа Линкольна Рокуэлла, который в своем Докладе Рокуэлла еще 1 марта 1963, писал: И в последние два-три года негры миллионами становятся антисемитами ..., ситуация с американскими неграми - уже динамит для евреев.

Реакцией еврейского руководства было неверие. Спустя годы после того, как Мэттапан, Дорчестер и Роксбери, когда-то шумные, гордые и счастливые еврейские общины в Бостоне, перестали существовать, когда богатые и удачливые евреи бежали в Бруклин и Ньютон, еврейский представитель Boston Jewish Advocate, который не жил в зоне бедствия и не чувствовал террора, преступления и кошмара, мог написать в выпуске от 26 декабря 1968, что трудно привести конкретные примеры анти-еврейских манифестаций, и что Бостонская проблема черных и евреев получила самое пристальное внимание в понятном [sic] стремлении негров получить в своё распоряжение синагоги и другую еврейскую институциональную собственность там, где сейчас находится чёрный анклав. Раввин Бернارد Вайнбергер, удобно устроившийся и высокооплачиваемый чиновник в программе по борьбе с бедностью, мог посмотреть на еврейского торговца, который всю свою жизнь вложил в бизнес, жил в этом районе по крайней мере, столько же, сколько там были черные, и видел, что его жизненно важная работа находится под угрозой, и спокойно ему сказать: Может, это и болезненно, но я знаю, что, если у еврея есть магазин в центре Бедфорда-Стивезанта, то ему самое время оттуда убираться. Рабби Морис Айзендрат, один из самых больных лидеров евреев-самоненавистников, мог прожить жизнь, ни разу не возвысив свой голос за угнетенного еврея, но ещё в октябре 1969, говорил еврейской реформистской группе, что он пришёл к выводу, что настало время, чтобы оказать массивную помощь неграм, таким же путём, каким еврейская помощь предоставляется Израилю.

Проклятием евреев в Америке стало его руководство, которое не проживало в районах, охваченных кризисом, которое не работало на кризисных рабочих местах или в магазинах, которому не было непосредственной угрозы от ненавистников евреев, и оно не чувствовало боли евреев, которые страдали. Как я когда-то писал:

Провал престижного еврейского руководства и организаций в разрешении опасных еврейских проблем, при почти бесчувственном отношении к самим евреям, терпящим бедствие, был предметом большой критики здесь и в других местах. Вопрос в том, почему?

Мы должны понимать, что наш еврейский истеблишмент давно перерос свою узкую еврейскую роль и будет действовать по общенациональным проблемам. Это гораздо важнее и престижнее.

Почему важная еврейская организация должна тратить свои таланты и усилия на проблемы, неважные и не делающие заголовков, такие, как еврейская нищета в Браунсвилле или Уильямсбурге, когда действие на национальной арене связано с делом гражданских прав и т. п.? Высказывания о войне во Вьетнаме, или об абортах, или о Южной Африке, не могут быть частью первоначальных рамок основы существования и не могут иметь ничего общего с евреями, но, безусловно, когда это делает группа еврейского истеблишмента, это гораздо больше захватывает, и, вероятно, получит гораздо больший охват нееврейской сети, чем простая пресс-конференция о преступности в еврейских кварталах или проблемах сирийских и иракских евреев.

Насколько увлекательнее заниматься национальными проблемами, регулярно встречаться с национальными лидерами и говорить о них с гражданами страны, чем оставаться узкой, провинциальной, шовинистической еврейской организацией или лидером.

Итак, если кто-то хочет понять, почему Федерация еврейских благотворительных организаций Нью-Йорка поглощена общими социальными целями, а не еврейскими проблемами, то причину нетрудно диагностировать. Когда она концентрируется на не секторальных еврейских больницах и не секторальных еврейских лагерях и является частью полностью национальной сцены социальных услуг, Федерация избегает узкого ограничения еврейством. Сейчас она играет важную социальную и экономическую роль в делах Нью-Йорка и его столичной области. Теперь она превзошла свои начинания и перешла к более крупным, лучшим и более престижным горизонтам.

Остерегайтесь толстых, богатых сидельцев у восточной стены синагоги! Они не будут вступать в опасные и отчаянные битвы за нуждающихся евреев, потому что они сами не нуждаются, и они не будут охотно рисковать в отчаянной борьбе за еврея, который этого не сделал. Они также не будут довольствоваться тем, что останутся в узких границах еврейства, когда настоящий престиж и настоящий национальный гламур лежат в не еврейских национальных проблемах. Этим лидерам нужны свои организации и свои члены, потому что они являются транспортом, который впечатляет не еврея. Последний действительно считает, что группы еврейского истеблишмента говорят от имени значительного числа евреев, и поэтому смотрят на руководителей этих групп как на лидеров и представителей, которые имеют возможность поставлять голоса, власть или людей. Короче говоря, еврейские лидеры используют свои организации и их членов в качестве лестниц к более высокой и более разреженной атмосфере общенационального внимания.

В начале 1968 я был помощником редактора крупнейшей англо-еврейской газеты в стране, The Jewish Press, а через несколько месяцев стал служить раввином в синагоге в Квинсе. Когда письма и телефонные звонки стали поступать от простых евреев, которые рассказывали об инцидентах, никогда не освещавшихся в прессе, и о том, что крупные еврейские организации полностью молчат, у меня стал расти гнев и мрачные предчувствия. С одной стороны, еврейские лидеры руководили гибелью еврейского сознания и идентичности молодых евреев, поскольку они построили свою собственную подделку — ассимилированный брэнд лицемерного иудаизма. Именно еврейское руководство было прямо и во многом ответственно перед теми еврейскими юношами, которые шли маршем вместе с левыми против Израиля, или которые искали ответы в безумии Дзэн, Иисуса, наркотиков и бегства от реальности.

С другой стороны, они спокойно стояли, изрекая благочестивые банальности об уничтожении простого еврея и маленького еврейского квартала, оправдывая и потворствуя антисемитизму, который на них не влиял, и о котором они, в своём глупом эгоизме, никогда не думали. Не было еврейской группы, которая принципиально посвятила бы себя борьбе только за евреев с благородными, респектабельными и бесполезными средствами. Не было группы, которая бы извлекла уроки из своего преступления и греха Второй мировой войны, когда её страхи и респектабельность позволили ей быть безучастным зрителем, пока умирали шесть миллионов, в то время как гневные и жестокие демонстрации поставили бы неосведомлённую Америку перед фактом, что миллионы евреев ежедневно травят газом и сжигают, а бомбардировки союзниками лагерей смерти, дорог и мостов, которые вели к ним, спасли бы бесчисленные жизни. Тот же недостаток еврейского чувства, способности ощущать боль другого еврея, снова проявились у тех же баронов ассимиляции, которые не знали, что такое еврей, и которые из-за своего невежества испытывали сами к себе такое чувство ненависти.

Мне было больно слышать аргумент о том, что разрушение еврейского квартала не было проблемой евреев, потому что мотивацией этих нападений якобы был не антисемитизм, или тот же аргумент, который поднимался в случаях квот и обратной дискриминации. Отбросив в сторону слепоту, которая не давала увидеть ненависть к евреям как центральную причину, я крикнул, что пришло уже время, чтобы еврейские группы поняли, что еврейская проблема возникает всякий раз, когда еврею угрожают по какой-то причине.

23. Принципы Лиги Защиты Евреев

Поскольку недели проходили, а кризис все рос, пока еврейские группы оставались пассивными и молчаливыми, я решил, что настало время создать новую организацию, первое по-настоящему еврейское движение. Она должна была стать известной как Лига Защиты Евреев (ЛЗЕ).

Лига Защиты Евреев должна была совершить радикальную революцию в мышлении и практике еврейской общины; совершить возврат к первоначальному, традиционному, еврейскому мышлению, основанному на следующих принципах:

1. Еврей отвергает любые попытки сплавления или интеграции в нееврейское общество, чуждое иудаизму. Еврей — это гордая, отдельная и исключительная сущность с отдельной судьбой и направлением.
2. Еврейские интересы находятся на переднем плане в любом порядке еврейских приоритетов. Никто не поможет евреям, кроме других евреев, и каждый еврей обязан чувствовать боль и помогать любому обеспокоенному еврею в беде, все евреи составляют одну неделимую еврейскую нацию. (Мы были убеждены в том, что апатия и отказ американского еврейства сделать то, что должно было быть сделано во имя евреев Европы во время Второй мировой войны, стало прямой причиной их уничтожения, так же как мы знали, что многие евреи были бы спасены, если бы они слушали слова тех, кто призывал их в предвоенные годы «научиться стрелять». Мы были полны решимости не повторять ни одной из этих ошибок).
3. При оценке любой проблемы, главным вопросом для евреев является: хорошо ли это для евреев?
4. Евреи слишком долго подвергались трагической и лживой пропагандистской кампании со стороны своих ассимиляционных лидеров, которые заставляли их поверить в то, что Америка является позитивным, окончательным решением для евреев. Мало того, что это не так, это вполне может оказаться самым негативным из окончательных решений. Для этого евреи должны научиться защищать себя, использовать огнестрельное оружие и изменить образ еврея от робкого, испуганного существа до такого, который готов дать по голове своему ненавистнику, как любой, кто физически защищает свои права.
5. Еврейское экономическое, социальное и политическое влияние должно использоваться для создания истинного еврейского влияния во имя еврейских интересов. Политиков следует интервьюировать и спрашивать о том, что они намереваются сделать для евреев, и их следует поддерживать или не поддерживать, в зависимости от их ответов на этот вопрос.
6. Следует поощрять еврейскую гордость, особенно среди молодёжи, путём массовых усилий по созданию и поддержке еврейских школ и отхода от государственной школы. Нужно преподавать еврейскую традицию духовно голодающему мальчику, а также — еврейскую националистическую историю, в частности подвиги еврейского подполья в Палестине.

Из этого, в конечном счёте, появилась философия Лиги Защиты Евреев. Это была настоящая революция, но, по иронии судьбы, не такая, которая должна была создать «нового» еврея, а скорее, такая, которая воссоздала старого. В отличие от других еврейских групп, чьи корни и начала происходили из ассимилированных, нееврейских концепций, ЛЗЕ должна была стать чисто еврейским движением.

Самое главное, что в отличие от других еврейских групп, которые были прагматичными, а не идеологическими организациями, ЛЗЕ должна была стать чем-то намного большим. Это было создание не организации или движения, а идеи — оригинальной еврейской идеи, которая была искажена изгнанием и испорчена

эмансипацией. Это было новым утверждением подлинной религиозной нации с её гордым исключительным путём и судьбой. Вот что должна была сказать ЛЗЕ американским евреям:

Еврейский народ — это религиозная нация, которая возникла на Синае. Это особый народ с особенным наследием и учением, чья судьба состоит в том, чтобы жить в стране Израиля и создавать общество святости и величия, которое станет вдохновением и примером для всего мира.

24. АХАВАТ ИСРОЭЛ

Ахават Изроэл — любовь к евреям. Еврейский народ, где бы он ни был; каждый еврей, где бы он ни был, каким бы ни было его мировоззрение, каково бы ни было его место жительства, каков бы ни был цвет его кожи, какой бы ни был его язык; все евреи являются частью великого тела Израиля. Мы все братья, сестры, а любовь брата к брату и сестре — это любовь одного еврея к другому. Это первый из принципов движения Лиги Защиты Евреев.

Боль еврея, где бы он ни был — это наша боль. Радость еврея, где бы он ни был — это наша радость. Мы полны решимости приходить на помощь нуждающемуся еврею без различия, не спрашивая, какой он еврей. Как великие учителя хасидов никогда не уставали подчёркивать единство и равенство всех евреев, так и мы с глубочайшей любовью принимаем всех евреев и обязуемся всегда помогать им.

Разве это не суть еврейской традиции, которая цитирует самого Всемогущего, как сказано: Дети мои, что я прошу у вас? Я прошу только, чтобы вы любили друг друга и уважали друг друга (Тана Двей Элияху).

Однако мы делаем больше, чем устная услуга для концепции любви к еврейству. Мы работаем над этим. Нет ограничений на то, как далеко нам придётся зайти, если будет нужно, чтобы помочь собрату-еврею. Мы должны быть готовы приложить свои усилия; предоставить наши деньги; и, в случае необходимости, мы должны быть готовы отдать жизнь еврейскому народу. Однако, есть и ещё кое-что.

Говорят, однажды, бедняк пришёл в дом великого раввина Йосефа Дова Бер Соловейчика, раввина Бриска, чтобы спросить его о ритуале на Песах. Поскольку он не мог позволить себе купить вино, он спросил: Выполняют ли еврей свою обязанность пить четыре бокала вина во время Седера, через питье молока?

Раввин Соловейчик покачал головой и объяснил, что еврей не может выполнить своё обязательство молоком. Потом он полез в карман и дал человеку двадцать пять рублей, что было большой суммой, и велел ему купить для себя вина.

Когда человек ушёл, реббицин, которая слышала разговор, спросила своего мужа: Ведь вино может быть куплено за два или три рубля. Почему ты дал ему такую большую сумму?

И великий рабби улыбнулся и ответил: Скажи мне, когда еврей спрашивает, может ли он использовать молоко во время Седера, разве не очевидно, что он также не может позволить себе мясо?

Некоторые рассказы более чётко показывают истинную сущность еврейской концепции Ахават Исроэл (любви к евреям). Любовь к собрату-еврею означает кинуться ему на помощь, когда она ему нужна, но это означает и нечто большее. Это значит так заботиться, так опасаться за благополучие еврея, как мать за ребёнка, т. е. мы предугадываем и интуитивно понимаем потребность нашего собрата.

Раввин Давид из Львова учил своих хасидов сути Ахават Исроэл, пересказывая историю двух фермеров, которые поклялись в бессмертной любви и дружбе. Если так, — сказал один, что мне нужно? Откуда мне знать твои потребности? — спросил другой. В таком случае ты меня по-настоящему не любишь, потому что, если бы любил, ты бы понял, чего мне не хватает, без того, чтобы я тебе сказал....

Если в этом заключается суть Ахават Исроэл, мы можем только грустно признать её великолепие и красоту, когда мы смотрим на наше осиротевшее поколение и видим её отсутствие.

В наше время неспособность наших лидеров и организаций по-настоящему понять боль евреев и действовать во имя их, лучше всего иллюстрируется реакцией или, вернее, отсутствием реакции нашего руководства в

период Холокоста. В то время как погибали шесть миллионов, и известие о лагерях уничтожения возникло перед ужаснувшимся еврейским миром, наше еврейское руководство, которое действительно любило евреев и действительно заботилось о евреях, любило их недостаточно и заботилось о них недостаточно, чтобы делать все, что угодно, и что должно было быть сделано, чтобы спасти их.

Преступление президента Франклина Д. Рузвельта, состоящее в отказе бомбить железнодорожные пути, ведущие к Освенциму, или в отказе разрешить грузовому судну с беженцами высадиться в Соединённых Штатах, было встречено не призывом к пяти миллионам американских евреев выйти на улицы, не призывом к сидячему и гражданскому неповиновению, не массовым маршем раввинов к тюрьмам. Оно было встречено только обычными честными и искренними протестами, в которых не было ни сути, ни силы. Отказ от мантии респектабельности, даже когда дело доходило до спасения жизни евреев, было признаком неспособности к полному пониманию истинного смысла Ахават Исроэл. Истинную степень этой неудачи можно лучше всего понять при изучении таких книг, как работы рабби Дова Вейсманделя, книги Предательство Бен Хехта и истории судебного процесса над Кастнером в Израиле. Тот, кто их читает и осознает полный провал, начинает понимать, что наши еврейские лидеры никогда не смогут сказать: На нас нет этой крови.

Советский еврейский вопрос является ещё одним ярким примером неспособности почувствовать боль евреев. За более чем полвека духовного и национального истребления евреев в Советском Союзе, имелись широкие возможности для давления на Советы, чтобы добиться от них уступок. Много раз за эти пятьдесят лет Советы были в пролёте, в состоянии слабости, нуждались в западной помощи и утешении. Тем не менее, еврейское руководство, а в действительности, большинство евреев свободного мира, не отреагировало на призывы своих собратьев и на представившиеся возможности. Своей апатией, безразличием, неспособностью собраться на улицах, кричать и двигать мир, они помогали и подстрекали к уничтожению советского еврейства.

А в Соединённых Штатах, когда возникают кризисные условия для еврейских торговцев, учителей и государственных служащих, для еврейских кварталов, которым угрожает преступность и террор, для студентов, зависимых от квот и обратной дискриминации, энергичный голос еврейского руководства заглушен. Приходится бороться, чтобы добиться того же рвения в отношении евреев, какое оно проявляет по отношению к другим.

И по самому животрепещущему вопросу — угрозе физической безопасности и выживанию евреев, поддержке и планам иммиграции в Израиль, в лучшем случае наблюдается тишина, а в худшем — отрицание проблемы. Это не путь Ахават Исроэл.

Отсутствие Ахават Исроэл в его наиболее полном выражении наблюдается также в феномене еврейских организаций и федераций, выделяющих огромные суммы денег и щедрое количество времени и энергии во имя нееврейских дел. Давайте чётко разъясним, что еврей на протяжении всей истории находился рядом с угнетённым не евреем и боролся за социальную справедливость для него в соответствии с раввинской концепцией, что, помогая не еврею, еврей помогает себе. Тем не менее, порядок приоритетов ясен.

Именно еврейские проблемы должны быть первыми у евреев точно так же, как (и по праву), проблемы черных должны быть первыми у черных, или проблемы ирландцев должны быть первыми у ирландцев. Это норма, это правильный путь, чтобы кто-то сначала позаботился о тех, кто ближе всего к нему, а те, кто этого не делает, -- опасные, ненавидящие себя люди, тайно желающие скрыться от своего наследия, от тех и того, с кем и чем они были рождены. Мы заявляем, что евреи обязаны работать сначала для решения еврейских проблем, а еврейские организации возникают, в первую очередь, из-за того, что существуют еврейские проблемы, которые необходимо решить. Еврейские фонды, время и энергия, по всем этическим и моральным стандартам, должны направляться в первую очередь на решение еврейских проблем. Есть еврейские бедняки; есть еврейские экономические и социальные страдания. Они должны иметь приоритет. Это также является Ахават Исроэл.

Есть несколько ещё более возмутительных аргументов, чем тот, который снова и снова намазывается маслом еврейскими лидерами и группами, и он состоит в том, что якобы: Такого рода действия, на самом деле, не являются проблемой евреев. Они нацелены на класс людей, который просто включает евреев в свои ряды. И

поэтому мы обнаруживаем, что нападения на торговцев, по преимуществу евреев, на самом деле являются не «еврейской проблемой»; что обратная дискриминация и квоты, которые затрагивают больше еврейских студентов, бизнесменов и рабочих, чем других, на самом деле, являются не «еврейской проблемой»; что преступность в еврейских кварталах нацелена, на самом деле, не на евреев, как таковых, а, следовательно, не является «еврейской проблемой».

В этих аргументах есть ирония, исходящая от групп и людей, которые во имя евреев принимают участие в таких еврейских проблемах, как Вьетнам, рождественская марка, реформа аборт, Южная Африка и т.д. Существует также трагедия. Это трагедия отсутствия чувствительности к еврейской боли, а также трагедия лишения еврейских проблем их еврейского характера, т. е. трагедия банкротства еврейского истеблишмента. Если евреи как часть общей несправедливости или общего раздражения, или общего преследования, страдают, то это еврейская проблема именно потому, что затронуты евреи. Независимо от того, де-юре это, или де-факто — сие несущественно для чувствительного еврея, который поглощён Ахават Исроэл. Беда в том, что наши еврейские лидеры — это ассимилированные евреи, которые потеряли связь с простыми евреями. Они делают попытки полностью раствориться в языческой среде.

Если бы они жили в царской России, они бы заявили, что общая русская кампания по русификации меньшинств в российских границах, включая поляков, украинцев и русских, а также евреев, была не еврейской проблемой. Горе народу с такими лидерами!

И, тем не менее, нет места для Синат Хинам (беспричинной ненависти). Именно беспричинная ненависть между евреями привела к разрушению Второго Храма (второго еврейского государства) и началу долгого изгнания. Только избыток любви между евреями приведёт к восстановлению еврейского народа и его новому подъёму к величию.

В нашей концепции Ахават Исроэл в стране Израиля для нас есть особое место. Не нужно официального сионистского движения, чтобы иметь особую привязанность, любовь и преданность к земле Израиля. Еврейская родина — это концепция, которая включает в себе свободу, безопасность и возможность вести еврейскую жизнь во всей полноте. Такую страну следует поддерживать и стремиться к ней. Член Лиги Защиты Евреев — это тот, кто любит Землю Израиля и который посвящает себя её защите и её поддержке. Она имеет особое место в наших сердцах, что никоим образом не отменяет нашей лояльности странам, в которых мы живём.

У еврея нет большего стремления, чем стремление жить в еврейском государстве. Особенно в наши дни, когда тучи антиеврейской ненависти начинают темнеть на горизонте, и приходит ясное понимание того, что для еврея нет безопасности за пределами его родины, и что алия в Израиль становится первостепенной в нашей концепции Ахават Исроэл. В ней заключён предел безопасности и вся наша надежда.

Наконец, Ахават Исроэл подразумевает глубокое уважение к Израилю. Лига Защиты Евреев является нерелигиозной организацией и открыта для всех евреев. Однако не требуется быть религиозным евреем, чтобы понять, что гордость еврея связана с величием еврейской культуры и традиций. Мы глубоко уважаем традицию, которая дала миру абсолютную концепцию социальной справедливости, Единого Великого Творца, дисциплины человека, которая возвышает его над животным. Неотъемлемой частью величия еврейской нации является её культурное наследие. В нем наша гордость, мы его ценим и оказываем ему то уважение, которого оно заслуживает.

25. АДАР (אדר)

Адар — это достоинство и гордость. Понятие Адар — концепция, которую великий еврейский лидер, Зеев Жаботинский, пытался привить угнетённым и деградировавшим массам Европы, по-прежнему остаётся принципом, который мы несём в себе во всякое время. Ненависть и презрение антисемита — это попытка унижить еврея. Это попытка привить ему чувство неполноценности. Это попытка, которая часто бывает успешной в развитии еврейской ненависти к себе и стыда, стремления избежать еврейства. Адар — это гордость. Адар — это самоуважение. Адар — это достоинство быть евреем.

Словах Жаботинского отражают величие:

«Адар! Еврей, даже бедный, - принц.

Слуга или раб, но ты был создан как царский сын

Коронован короной Давида;

В свете или тьме помни корону».

Гордость, которую мы чувствуем за наше еврейство, за нашу историю, за наши страдания и за наш триумф над этими страданиями, не искусственная. Она не отрицательная, а та, что богата и заслужена. Мы гордимся тем фактом, что именно еврей дал миру концепцию единого Б-га, который является милосердным Б-гом, и одного Б-га, который создал человека, чтобы тот достиг концепции святости. В мире, который был наполнен духами и демонами, и местными провинциальными божествами, именно еврей появился и встал один, чтобы провозгласить исключительность Всомогущего. Это стало началом величия цивилизации, которую мы знаем сегодня. Это была идея, которая должна была покорить людские умы. Этим мы гордимся - идеей: Слушай, Израиль, Господь - Б-г наш, Господь один. Мы гордимся тем, что Б-г поднял нас над посредственностью и провозгласил для нас трудную, но великолепную задачу: И будете вы Моим народом, царством священников и народом святым. И эта миссия, ставшая еврейским наследием, суммируется в учении нашей Торы. От посредственности - к святости. Это отличительный признак еврея, ибо сказано: Обратитесь к собранию сынов Израилевых и скажите им: Будьте святы, ибо свят Я, Господь Бог ваш (Ваикра-Левит, 19: 2)

Из мира деспотизма, тирании, несправедливости и жестокости, из мира ненависти, появился еврей, чтобы провозгласить концепцию святости, ибо сказано в Мидраше: В страхе ходи путями Его. Это пути Святого, будь Он благословен, ибо сказано: Боже, Боже милостивый и милосердный, долготерпеливый и обильный добротой и правдой, как это возможно, чтобы человек уподоблялся Святому, да будет Он благословен? – «Так же, как Всомогущий называется милостивым и милосердным, так и ты будь милостив и милосерден. Подобно тому как Всомогущий называется праведным, будь и ты праведным. Точно так же, как Он преисполнен доброты, будь и ты преисполнен доброты. Подобно тому, как Всомогущий называется Святым, будь и ты свят». Этим призывом к святости, печатью еврея, мы гордимся. Заповеди Торы, которые являются средством достижения этой святости, трудные, но красивые заповеди, являются частью еврейского наследия, которое также призывает к Адару. Шаббат налагает на еврея огромную самодисциплину, которая требует отвлечься от мыслей о материальном и посвятить один полный день чему-то более возвышенному, например, размышлениям о том, что его материальное процветание зависит от воли Б-га.

Законы кашрута выводят человека из животного состояния и переводят его базовые инстинкты выживания через еду на духовный уровень.

Законы ритуальной чистоты берут самый движущий инстинкт человека, связанный с полом, и поднимают его до величайшей концепции, которая когда-либо была создана — любви.

Все это добавляется к гордости, к Адару, тем, что мы чувствуем себя евреями. Однако, возможно, Адар достигает своего зенита, когда мы размышляем со смесью сокрушенности и восхищённой гордости об упорном отказе евреев покинуть свою веру, не поддаваясь ни страху смертной казни от наших врагов, ни их уговорам. Список врагов евреев кажется бесконечным: египетский фараон, Ассирия, Вавилония, Аман персидский, Антиох греческий, Адриан римский, христианские фанатики со всей Европы и Малой Азии, мусульманские фанатики Северной Африки и Ближнего Востока, и, наконец, двойной ужас нашего времени, нацистская Германия и Советский Союз. Они представляют собой постоянную угрозу выживанию еврейского народа — угрозу, которую мы встретили с упрямством, силой целеустремлённости и упорством, созданными внутри нас Адаром.

Разве неясно, почему в нас такое самоуважение и достоинство быть евреями? Мы считаем, что еврей с его богатой и великолепной историей, цивилизацией и культурой, с его великолепным талантом, является интеллектуальным монархом и культурным аристократом. Мы гордимся упорством, которое еврей проявил в своей битве за выживание. Мы считаем, что для того, чтобы быть евреем, нужно получить устрашающий вызов

величию, и такое самоуважение, такая гордость и достоинство должны быть воплощены в образе жизни и стиле поведения в повседневной жизни члена Лиги Защиты Евреев.

Полное отсутствие Адар Исроэл, гордости за еврейство, находит своё мрачное выражение в неспособности еврейского юноши в галуте, в диаспоре, иметь какую-то уверенность в себе, гордость за свой народ, за его наследие, его историю и его будущее. Его место занимает ненависть к себе и отчаянный поиск целей в жизни. Таким образом, мы находим еврейского юношу, выражающего своё восхищение нееврейскими героями, даже такими, и даже в такое время, когда они являются анти-еврейскими и преданы делу уничтожения Государства Израиль.

Тот, кто ничего не знает о своей истории и своих героях, пытается найти себе чужих. Тот, кто не знает о вещах, которые могут придать ему гордости за себя самого и свой народ, будет искать другие ценности и нести в себе мазохизм и ненависть к себе, родителям, религии, раввинам, синагоге и к своему народу.

Отсутствие Адара не ограничено еврейским юношей. Оно находит своё выражение, хотя и более тонкое, в его родителях — поколении, которое пыталось убежать от явного еврейства, которое заменило истинные еврейские ценности американской синтетической версией, которое заменило трудное, но славное наследие, культурой, которая состояла, в основном, из еврейской кухни, щедрой бар-мицвы и курортных отелей в Катскиллсе и Майами-Бич. Такая ограниченность ума, такая пустота оставляет свой след как на родителях, так и на детях. Они оставляют вакуум, который, если его не заполняет Адар Исроэл, будет наполнен ненавистью ко всему еврейскому.

Прежде всего, когда нет корней, когда нет никакой гордости за наследие, историю и людей, не может быть гордости за себя, не может быть самоуважения. Остаётся ненависть к себе. Эта ненависть к себе, эта безнадежность, это отсутствие корней должны привести к желанию самоуничтожения. Должно возникнуть желание смерти. Время от времени это желание смерти остаётся частью еврейского индивида, что приводит его к саморазрушению. В другое время, и это становится все более распространённым явлением в наше время, оно приводит к понятию «Пусть моя душа умрет вместе с филистимлянами», а ненавидящий себя индивидум оказывается охваченным бездумной и беззащитной анархией, желая уничтожить столько других, сколько возможно, чтобы забрать их с собой. В одном случае мы видим, как молодой еврей обращается внутрь себя. Он ищет спасения, ищет саморазрушения через наркотики, через гедонизм или через самоубийство. В другом -- он ищет своей смерти и смерти всех, против кого он выступает, вступая в революционные группы и становясь «сумасшедшей взрывчаткой».

Как грустно! Какая потеря и трагедия! Если бы еврейский юноша хотя бы понимал, что он имеет, и что он выбрасывает! Лига защиты евреев стремится искупить нашу молодежь любовью и гордостью - Адаром.

Для члена ЛЗЕ, Адар также означает революцию в его собственной жизни. Еврей должен быть нравственным, и член ЛЗЕ должен практиковать это в своей повседневной жизни. Он делает это в своём поведении с другими людьми; в том, как он говорит, мягко и вежливо; в том, как он ходит, гордо, но не высокомерно; в том уважении, которого он требует от других и которое сам оказывает другим.

Адар также выливается во взаимоотношения между членом Лиги Защиты Евреев, его руководством и философией. Лига защиты евреев представляет собой идеал и философию, и поэтому, будь то офис или сотрудник организации, уважение должно быть одинакового оказано статусу и идеалам, которые они представляют. Лидер Лиги Защиты Евреев был выбран для руководства. К нему нужно проявить уважение, которого требует его пост.

В свою очередь, лидер Лиги Защиты Евреев должен проявить уважение к тем, кого он обучает, чтобы каждый руководитель, достойный своего звания, проявлял это уважение к тем, кого он формирует и обучает.

И, конечно же, существует своя гордость в знании того, что ты находишься среди тех, кто понимает и воспринимает реальность еврейской жизни; кто был призван к исполнению долга и жертвам; кто ответил на этот вызов в силу внутренней любви к людям. Будьте горды тем, что вы находитесь в авангарде, и пусть слова

Лига Защиты Евреев станут отрадой и утешением, которые происходят из знания, что ваша жизнь посвящена святой цели.

Жаботинский великолепно разъяснил это понятие, когда писал о простых солдатах Еврейского Легиона первой мировой войны*:

«... Еврейский народ не благодарил эти пять тысяч; они не нуждаются в благодарности. Но в их внутреннем сознании живет чувство гордости, которое я объяснил; придет время, когда еврейские дети будут постигать эту истину вместе с алфавитом. И каждому из пяти тысяч я говорю то, что я однажды сказал своим последователям, прощаясь с ними в нашем последнем лагере в Ришоне: Далеко, в вашем доме, вы когда-нибудь прочтете прекрасные новости о свободной жизни евреев в свободной еврейской стране: о фабриках и университетах, о фермах и театрах и, возможно, о депутатах и министрах. Тогда вы задумаетесь, и газета выскользнет из ваших рук; и вам представится картина долины Иордана, пустыни Раффа, холмов Эфраима. Тогда вы встанете, подойдете к зеркалу и с гордостью посмотрите на своё лицо. Скажите: «свершилось!» - и приветствуйте себя за то, что вы это сделали.

26. БАРЗЕЛЬ

Барзель — это железо. Галутный образ еврея как слабака, на которого легко напасть, и который не сопротивляется, нужно изменить. Мало того, что этот образ причиняет немедленный вред евреям, но он самовоспроизводится. Раз еврей убегает, и раз он позволяет на себя нападать — это гарантия того, что в будущем другой еврей подвергнется нападению из-за образа, который был увековечен. Кроме того, убегая, еврей начинает верить, что он действительно слабак, что он — настоящий трус. Он сам начинает терять последние капли своей уверенности и своего самоуважения. Он гарантирует, что в следующий раз он снова убежит, а после этого — ещё и ещё. Так много ненависти к самим себе, которую мы находим среди нашей еврейской молодёжи, проистекает из их презрения к той слабости, которую они считают своей собственной и общееврейской.

Недостаточно просто говорить о Холокосте. К постоянному упоминанию самого Холокоста и убийства евреев, добавляется образ еврея как слабого, незащитного существа, презрение еврея к самому себе и своему народу, что создаёт ненависть к себе, которая сегодня является феноменом еврейской молодёжи.

*История Еврейского легиона (Бернард Акерман, Inc., 1945), стр. 182.

Итак, Барзель, железо, является основным элементом идеологии Лиги Защиты Евреев, создавая физически сильного, бесстрашного и мужественного еврея, который может бороться. Мы меняем образ, рождённый две тысячи лет назад в Галуте, образ, который должен быть похоронен, потому что он похоронил нас. Мы тренируемся для защиты еврейской жизни и еврейских прав. Мы учимся, как бороться физически, потому что лучше знать, как, и чтобы это не понадобилось, чем, чтобы понадобилось, но при этом не знать, как.

Уроки Жаботинского, уроки еврейского подполья в Палестине, уроки еврейских партизан в Восточной Европе, уроки Государства Израиль — это уроки, которые возникают из Барзеля. Когда еврей в Израиле осуществляет возмездие своими самолётами со своими командос, в этом нет ничего не еврейского. Напротив, есть осознание того, что, когда речь идёт об Эсаве, он должен использовать оружие Эсава. Руки — руки Эсава, а голос — голос Якова. Это правильная концепция. Тем не менее, наш отец Яков понимал, что бывают случаи, когда он должен принять философию и практики Эсава. И поэтому мы узнаем, что наши мудрецы говорят нам, что, готовясь встретиться с Эсавом, наш отец Яков подготовился тремя способами: молитвой, подарками и подготовкой к войне. И наши мудрецы говорят нам далее: Если кто-то придёт, чтобы убить тебя, опереди его и убей.

Барзель — это действительно еврейская концепция. Она всегда была и всегда будет, так долго, как долго мы будем жить в мире, где еврей является объектом нападения. Те евреи, которые не соглашаются с такой

концепцией — это, как правило, те, на которых не нападают. Это, скорее, люди, одержимые неуверенностью, своим страхом, родившимся в Галуте, покупкой любви не еврея любой ценой, чтобы сохранить свои материальные ценности. Они не могут добиться успеха. Они никогда ничего не получают, кроме презрения не еврея.

Барзель подразумевает, что прежде чем получить любовь, человек должен получить уважение, но человек не может просить уважения, не может купить себе уважение, потому что человек его заслуживает, проявляя чувство собственного достоинства. Наши страхи и неуверенность порождены и выросли в галуте. Только земля Израиля порождает Барзель и нормальное состояние, а еврейская история изобилует еврейскими героями, которые являются частью её мейнстрима. Это Моисей, использующий Барзель, когда убивает египтянина, оглядываясь предварительно вокруг и видя, что нет никого, желающего сделать то, что нужно сделать. Это Авраам, собирающий своих рабов, чтобы сражаться за Лота. Это Еошуа, Шаул, Давид, Маккавеи, Бар Кохба — настоящие герои еврейской истории, люди мира, люди духа, а когда для этого настанет время — люди железа.

Тем не менее Барзель остается революционной концепцией для галутных евреев. Это концепция, которая говорит об объявлении войны в ответ на нападения на еврейские права, на еврейскую собственность и на жизнь евреев. Она говорит, конечно, о политическом оружии, судах и всех других традиционных методах защиты. Но она выходит за рамки этого, ибо в ней провозглашается, что еврей должен быть физически сильным и использовать эту силу для сопротивления, если будет необходимость. Эта концепция и это учение, чуждые галутному еврею, потому что он стал ассимилированным, неуверенным и неспособным признать горькие истины, являются революционными. Она — та, на которую нападают робкие и боязливые, но именно её нужно привить сердцам, умам и телам галутных евреев.

Она будет названа не еврейской. Провозглашающие эту глупость будут неизменно людьми, чьё еврейство было отмечено в возрасте тринадцати лет, и которые потом станут «настоящими знатоками еврейского богословия». Если, однако, научить еврея давать сдачи, быть сильным, мстить, если положить конец понятию, что еврейская кровь дешёвая, и если все это не по-еврейски, то, несомненно, государство Израиль остаётся самым не еврейским из всех государств. Разумеется, когда оно отправляет своих командос в аэропорт Бейрута, чтобы совершить Авдалу (имеется в виду зажигание послесубботней свечи) более тринадцатью самолётами, то это тоже «не по-еврейски».

Евреи когда-то имели в качестве еврейской концепции идею силы для защиты жизни и собственности евреев. Те, которым это стало неудобно, усвоили слишком много постороннего.

27. МИШМААТ ИСРОЭЛ

Мишмаат Исроэл — дисциплина и единство евреев. Именно отсутствие дисциплины и единства евреев постоянно приводило к разрушению еврейского народа. Единство и самодисциплина евреев приведут к торжеству еврейского народа.

Когда более 3000 лет назад юный Моисей убил египетского угнетателя своего народа, он был потрясён тем, что его ругали другие евреи, Датан и Авирам, угрожавшие все рассказать фараону. В пустыне Корах расколол народ из-за ревности и зависти. Еврейское царство разделилось на две части: Иудею и Израиль, что привело к исчезновению десяти колен.

Великое изгнание на 20 веков произошло из-за гражданской войны в Иерусалиме. Это всегда было так, и раввины долгое время читали библейский стих, который гласил: Твои собственные разрушители и вредители выйдут из тебя.

Еврей — ничто, если он не индивидуалист, но, как и всё чрезмерное, разрастание индивидуализма может довести до разрушительной анархии. В такие кризисные периоды евреев объединяет только дисциплина и единство, что гарантирует нам успех нашего выживания. Итак, каждый член ЛЗЕ обладает Мишмаат (дисциплиной). И прежде всего, у него есть самодисциплина, которая позволяет ему мобилизоваться, когда это требуется.

ЛЗЕ — это дисциплинированная и централизованная организация. В эти кризисные времена причины этого очевидны. Мы обеспечиваем быструю мобилизацию наших членов. Мы можем быстро устранить всех неустойчивых людей, которые могут оказаться пассивными. Мы можем гарантировать, что базовая философия активной Лиги Защиты Евреев не изменится. Мы гарантируем, что местный филиал понимает, что он является частью национальной организации, а не просто живёт своими конкретными и ограниченными проблемами. Мы снимаем проклятие еврейского существования — внутреннюю борьбу и раскол.

И, наконец, есть дисциплина идей. Не все, что делается, будет всегда и всем нравиться. Жизнь — это цепь компромиссов и договорённостей, пока не задет принцип. Независимо от политических взглядов и различий, в борьбе за выживание евреев должен быть найден общий знаменатель. В этом — смысл Мишмаат. Это означает отказ от мелких личных желаний; это означает подчинение их великой цели; это означает совместную работу со всеми людьми, независимо от того, насколько они отличаются друг от друга, за величие еврейского выживания.

Это отражает силу быть другим, выстоять в одиночестве, если это необходимо. Это означает следовать по стопам первого еврея, Авраама ХаИври, Авраама-иудея. Слово иври происходит от еврейского слова эвер или сторона. Авраам пришёл с «другой стороны», стоял на одной стороне, в то время, когда весь мир стоял на другой. Такое одиночество! Такая вражда! Такая оппозиция! Тем не менее, Авраам ХаИври, выстоявший в одиночку, создал еврейский народ. Так происходит и с нами.

Член Лиги Защиты Евреев должен иметь в себе железо и сталь, чтобы продвигаться вперёд через препятствия, которые будут постоянно возникать на его пути; двигаться против бури жестокой оппозиции; смотреть в лицо личным нападениям и оскорблениям; противостоять прашам и стрелам своих оппонентов, и протестам даже тех, кого он любит. Мелкие люди не могут вынести гигантов духа, потому что они всегда напоминают им об их слабости. В силу того, что член ЛЗЕ несёт в себе видение и величие, он будет подвергаться нападкам. Внутри него должно быть негибаемое железо и сталь, чтобы решительно двигаться вперёд, несмотря на эти атаки. Он должен иметь внутреннее чувство ценностей и понимать, что действительно важно, поскольку не хлебом единым жив человек. Он будет обескуражен и разбит своими неудачами. Он должен научиться терпению, которое исходит от железа. У него должна быть уверенность, исходящая от стали внутри него.

В этом скрыто больше жизни, чем работы; больше бытия, чем пищи. Человек превосходит своё животное начало способностью выбирать величие, самопожертвование, привязанность к идеалам. Понимание этого и концентрация железа для воплощения этого понимания в практику, несмотря на нескончаемые препятствия, — это то, что необходимо приобрести.

28. БИТАХОН. Начало Лиги Защиты Евреев

Битакон — вера в несокрушимость еврейского народа. Мы верим, что еврейский народ несокрушим. Народ, который страдал от жестокости, угнетения и Холокоста во время страшных, долгих ночей изгнания, которое опустилось на них на много веков и, тем не менее, он пережил каждого из своих более могущественных врагов, не может быть уничтожен.

... Мы верим, что еврейский народ, хотя и побитый штормами истории и пощипанный стервятниками и шакалами всех времен, должен жить. Именно это твердое убеждение повторяется каждый год на пасхальном столе Седера: «В каждом поколении они поднимаются, чтобы уничтожить нас, но Святой, Благословен Он, спасает нас от них».

... И это выживание осуществляется без союзников, поскольку у евреев нет союзников. В лучшем случае, нации мотивированы корыстными интересами, а мы, самый маленький из народов, мало что предлагаем тем, кто практикует *realpolitik*. В худшем случае, существует глубокая и постоянная антипатия к евреям, их делу, их земле. Кому евреи могут доверять? Никому, кроме самих себя. К кому он может обратиться за страховкой и гарантиями? Только к себе.

Именно эта вера в постоянство и выживание еврейского народа, в свою очередь, придаёт веру в окончательный успех Лиги Защиты Евреев. Независимо от того, насколько сложной, насколько невозможной будет задача, если

это хорошая задача, если это священная задача, она будет успешно решена, потому что она должна быть решена. Сторонники Лиги Защиты Евреев несут эту веру в свой народ, в его выживание. Это огонь, который, зажжённый однажды, никогда не будет погашен. Это уверенность, это гарантия. Они твёрдо верят в это, и потому, что они в это верят — это так и есть. А поскольку это так, ЛЗЕ и её философия должны выйти победителями.

Я был убеждён, что ЛЗЕ — это идея, время которой пришло, и решил создать движение. В один субботний день в мае 1968, я попросил двух прихожан синагоги, где я молился — юношей из Лаурелтона (тихого, мирного района Нью-Йорка по имени Квинс — района, из которого потом произошёл массовый исход большинства евреев и белых), чтобы мы встретились в синагоге. Там я сел с Бертом Цвайбоном, адвокатом с хорошим пониманием ситуации и естественным стремлением к активности, а также с Морти Долинским, с которым я познакомился много лет назад, когда мы оба были членами военизированного сионистского молодёжного движения Бейтар. (Впервые, меня арестовали в возрасте шестнадцати лет, когда я с другими членами Бейтара участвовал в жёсткой демонстрации против прибытия в Соединённые Штаты антисемита, британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина). Я говорил о проблеме и решении, которое я себе представлял. И Цвейбон, и Долинский согласились с тем, что ЛЗЕ должна быть сформирована.

На следующей неделе я разместил рекламу в Jewish Press, используя название Корпус защиты евреев (после пересмотра было решено, что, учитывая нынешнюю коленную дрожь евреев от страха перед всем, что звучит воинствующе, слово «лига» является более подходящим). Реакция была отличной, и 18 июня состоялось первое заседание нового движения. Тем, кто ответил на объявление, было отправлено на номер ячейки почтового отделения Jewish Press, краткое приглашение на собрание. В нем говорилось:

Дорогой друг,

Информационное и брифинговое заседание Лиги Защиты Евреев (Корпуса) состоится во вторник, 18 июня, в 8:30 вечера в Еврейском центре Вест Сайда, 347, 34-ой Вест стрит, Нью-Йорк.

Лига защиты евреев была запущена. К её первой скромной деятельности имел отношение Джон Ф. Хетчет.

В ноябре 1967, Джон Хетчет был учителем в государственной школе №68 школьной системы Нью-Йорка. Поскольку чернокожий расизм и ненависть к евреям всё усиливалась, он опубликовал статью в номере Форума за ноябрь-декабрь 1967, официальном издании Организации афроамериканских учителей (ОАУ), которая представляла черных учителей в государственных школах города. Статья, главная в выпуске, была озаглавлена Феномен евреев против чернокожих и чернокожие англосаксы. Начиналась она так:

«Сегодня в Нью-Йорк Сити мы наблюдаем феномен, который означает смерть умов и душ наших черных детей. Это систематическое пришествие эры евреев, преобладающих и контролирующих образовательную бюрократию системы государственных школ Нью-Йорка и их подражателей, жаждущих власти, черных англосаксов. Очевидно, что эта коалиция или сговор, или назовите, как хотите, является одной из основных причин, почему наши черные дети образовательно кастрированы...»

Статья Хетчета не вызвала ни порицания, ни увольнения из Совета по образованию, и он остался с растущим числом других черных расистов, чтобы создавать атмосферу ненависти в государственных школах. Наконец, нарушив определённое распоряжение Совета по образованию, он взял студентов в программу, откровенно направленную против белых, памяти чёрного учителя Малколма Х, который был уволен лишь для того, чтобы невероятным образом в июле 1968 оказаться в должности директора нового афроамериканского школьного центра имени Мартина Лютера Кинга младшего, на которую он был назначен Нью-Йоркским университетом.

Крупные еврейские организации протестовали против этого назначения, в то время как Нью-Йоркский союз гражданских свобод, два университетских попечителя-еврея — Джек Сейлман и Герберт Сильверман, и военизированная группа черных из КРАР его защищали. Виктор Соломон из КРАР поддержал статью Хетчета, сказав, что он просто напал на власть имущих, но оказалось, что большинство из них — евреи.

По мере роста разногласий, чернокожие студенты Нью-Йоркского университета и еврейские радикальные левые стали угрожать насилием. Ректор университета, Джеймс М. Хестер, попросил самого известного еврея в Америке, Артура Гольдберга, изучить этот вопрос и высказать своё мнение. Нам было ясно, что Гольдберг, придворный еврей, был выбран, чтобы придумать спасительное решение для Нью-Йоркского университета, чтобы сохранить Хетчета, и, таким образом, избавить себя от реакции радикальных учеников, указав тот факт, что еврей предложил план. Гольдберг подготовил своё решение. Хетчет дал интервью газете Village Voice, шикарной радикальной газете, которая позволяла либералу иметь воображаемый революционный трепет, без необходимости участвовать в опасностях настоящего события. Хетчет сказал интервьюеру, Летиции Кент, что он только выделил евреев в качестве образовательных кастраторов черных детей, потому что они в большинстве состояли из учителей и инспекторов. Он торжественно добавил, что, если бы он хотел напасть на Департамент санитарии, он бы напал на итальянцев. Мисс Кент так и не спросила его, что бы он сказал о статье, атакующей насильников, которая бы проклинала негров...

После разных других комментариев, в том числе факта, что в Нью-Йорке проживает 4 миллиона евреев (на деле, меньше двух миллионов), он завершил интервью. Я надеюсь, вы все же не думаете, что я антисемит. Я хочу сказать, что врач, дантист и адвокат нашей семьи — все евреи.

Статья появилась 8 августа, а на следующий день Гольдберг опубликовал свой доклад. Для ЛЗЕ это не было сюрпризом. Придворный еврей рекомендовал оставить Хетчета. В своем письме к Хестеру, обнародованном университетом, Гольдберг заявил, что встретился с неоднозначным назначенцем и в результате моей откровенной и искренней беседы с г-ном Хетчетом, я считаю, что теперь он понимает несправедливость и опасность его критики, как он её озвучил в своей статье. Г-н Хетчет категорически отрицает, что он антисемит, хотя выражения в его статье можно расценивать именно так.

Это был гольдбергизм, совершенно типичный для многих евреев и еврейского истеблишмента. Его фальшь стала сразу же очевидной, когда Хетчет стал настаивать на том, что Гольдберг не увидел ничего антисемитского в этой статье, и что моя критика в отношении системы государственных школ Нью-Йорка остаётся в силе. Нью-Йоркский университет искал выход из угрозы хаоса и насилия в отношении части чернокожих и радикалов, и Гольдберг дал им его. Возможно, другие еврейские группы были довольны, но мы — нет. В августе группа из пятнадцати членов Лиги Защиты Евреев появилась в Нью-Йоркском университете и пикетировала школу, требуя увольнения Хетчета. Едва ли это было сенсацией, но это означало разрыв с тактикой еврейского истеблишмента. В отличие от традиционной еврейской реакции, которая проявлялась в пресс-релизах и закулисных усилиях, мы вышли на улицу, и на следующий день первое публичное упоминание о новой ЛЗЕ появилось в скромной новостной статье в The New York Times. Газета и её читатели мало подозревали, что в течение короткого периода времени новая группа станет самой известной еврейской организацией в мире.

Из нашего скромного офиса на Пятой авеню, 156 в нижнем Манхэттене, мы медленно организовывались и пытались сохранить ЛЗЕ в течение первых месяцев жизни. Первые лидеры включали меня, Цвейбона, Ирвина Кальдерона, Мюррея Шнайдера и Хаима Бибера. В эти первые трудные месяцы мы собирали и платили членские взносы, опустошая наши карманы. А как только мы поняли, что выживаем, мы предприняли первую акцию в стиле ЛЗЕ.

29. НИКОГДА БОЛЬШЕ!

Старое кладбище Монтефиори в районе Спрингфилд Гарденс в Квинсе было местом нападения вандалов, которые осквернили большое количество еврейских могил в ночь на Хэллоуин в 1967. Особенно настораживал тот факт, что полиция в этом районе, включая человека номер два в отделе, Санфорда Гарилека, не предприняла эффективных действий против групп черных хулиганов. Опасаясь повторения инцидента и решив его остановить, мы отправили тридцать пять человек на кладбище в ночь на Хэллоуин. Руководимые Бибером, огромным и невероятно сильным человеком, они расположились на площадке с дубинами, битами и трубами.

Около 150 юношей, многие из которых держали в руках винные бутылки и находились в возбуждённом состоянии, подошли к кладбищу для повторения прошлогоднего празднества. Бибер и члены ЛЗЕ дали им понять, что они не тронут ни одну надгробную плиту. Молодые люди выглядели озадаченными и стояли за пределами участка, размышляя над ситуацией. Никто не пытался выяснять, что евреи имели в виду. Это было успешное начало политики ЛЗЕ по изменению еврейского имиджа, и оно стало признаком готовности евреев использовать силу для защиты еврейской жизни и собственности. В последующие месяцы и годы эта политика должна была стать предметом ожесточённых дебатов среди евреев в Соединённых Штатах и в мире, поскольку они оспаривали справедливость еврейского насилия.

Нам было наплевать. Я не помню точно, когда в ЛЗЕ стало использоваться словосочетание «никогда больше», но я помню, как оно впервые было использовано публично. Берт Цвейбон, обращаясь к собравшимся на гражданском совещании в Бронксе, подошёл к кафедре, посмотрел на аудиторию и начал своё выступление, нарочно медленно выкрикивая: «Никогда больше!». Эффект был потрясающим. Это был призыв, который положил конец апатии, страху, стыду и мрачным чувствам. В черновике статьи, которую я опубликовал в мае 1969, под заголовком «Где мы были?», я писал:

Звонки стали поступать, спустя неделю. Студенты городского колледжа Нью-Йорка и Бруклина, которые внезапно встретились лицом к лицу с дьяволом; жители Уильямсбурга, которые неожиданно столкнулись с реальностью расовой конфронтации; домовладельцы в Ист-Флэтбуше, окрестности которого стали настоящим адом; раввин Джеймс Фолрман, который внезапно столкнулся с угрозой в своей синагоге.

Общий знаменатель, пробившийся через все эти звонки в офис Лиги Защиты Евреев, был: нам нужна помощь, помогите нам.

Мы получаем то, что заслуживаем. Это неоспоримый факт. Эта мысль прорывалась через все звонки. Эта и ещё одна: где вы были раньше?

Обычно наша собственная кровь побуждает нас к движению; мы редко проливаем кровь для других. Обычно наши собственные страдания наносят нам рану, но мы редко оплакиваем чужие жертвы.

Еврейские учителя зевали на Лигу Защиту Евреев, пока не оказались лицом к лицу с Лесли Кэмпбелл. Это была угроза их собственной шкуре, которая внезапно побудила их к действиям, а не всплеск вновь обрётённого идеализма. Это была локальная проблема, заставившая их и их соседей вступать в группу самообороны, а не заниматься проблемами других мест. Мы смотрим внутрь; мы живём для себя; мы обычно палец о палец не ударяем, пока солнце озаряет наши собственные судьбы.

Переломный момент ещё не наступил; еврейское спасение ещё впереди. Почему? Потому что мы все ещё не выучили урок еврейского единства — урок, в котором говорится, что еврейское тело должно чувствовать боль, независимо от того, где находится повреждённая конечность. Мы до сих пор не поняли, что Бронкс не живёт для себя, или, что учитель не сам по себе, или, что религиозный еврей не является отделённым и чуждым.

Переломный момент ещё не наступил, и победа не на горизонте, и солнце не начнёт сиять сквозь тёмные облака, пока телефон не начнёт звонить, и голоса не скажут: мне не на что жаловаться, но у моего брата-еврея — проблемы, и я хочу помочь.

Грит Нек доволен, а Кроун Хейтс содрогается — такова реальность еврейского упадка. Майами — в роскоши, а Бруклин — в агонии, и это центр распада.

Все, кто рассуждает, пока наш современный Рим горит, все бессердечные или слишком робкие, чтобы присоединиться к группе, которая борется за сохранение евреев — это все те, кто когда-нибудь придёт и будет умолять защитить евреев.

Но будет слишком поздно, и вопрос, который будет жечь их души, будет: где вы были раньше? А эпитафия, которая будет выбита в камне, будет гласить: «Мы получили то, что заслужили».

Те, у кого нет времени, и те, у кого нет энергии; те, у кого нет денег, и те, у кого нет боли, чтобы мыслить правдивыми категориями; те, кто закрывают глаза или, что ещё хуже, сердца, никогда не смогут по праву обратиться за помощью.

Те, кто не слышал воплей других, не могут надеяться, что другие услышат их собственные вопли.

Глава IV.

Насилие: «Разве так должны вести себя хорошие еврейские мальчики?»

30. Объявление в газете Нью-Йорк Таймс

История о двух евреях, захваченных антисемитами. Когда их поставили к стенке, им завязали глаза, и один из них крикнул: Повязка слишком тугая! На что другой с отчаянием прошептал: Тихо, не наклей бед....

24 июня 1969, в газете Нью-Йорк Таймс было напечатано объявление. Над снимком группы молодёжи с обрезками труб в руках красовался вопрос:

Разве такое поведение подходит хорошему еврейскому мальчику?

Вопрос нисколько не ждал ответа. Он последовал сразу: вполне возможно. Возможно, бывают времена, когда нет другого пути, чтобы убедить экстремиста, что еврей вовсе не лох, как тот думает.

Возможно, есть только один способ дать чёткий ответ людям, которые угрожают захватом синагог и вымогательством денег. Возможно, хорошие еврейские мальчики не всегда могут добраться до тех, кто угрожает вынести учителей в сосновых гробах и сжечь торговые лавки.

Возможно, некоторые люди и организации слишком добры. Возможно, в кризисные времена еврейские мальчики не должны быть такими добрыми. Можно предположить, всего лишь предположить, добрые люди своей добротой строят себе дорогу в Освенцим.

Далее в тексте говорилось о возникших проблемах и о нетривиальных силовых решениях для них. Он заканчивался словами: Мы говорим о выживании евреев.

Объявление было размещено Лигой Защиты Евреев, которая решила «накликать беду», и после его появления, еврейская община уже больше никогда не была прежней. Реакция, мягко говоря, была подобна взрыву.

Уже на следующий день Антидиффамационная Лига (АДЛ) под крышей от Бней Брит взорвалась от ярости, что, вероятно, ошеломило её членов, которые за многие годы ни разу не видели такого озлобления против евреев. Генеральный адвокат АДЛ, Арнольд Форстер, заявил: Лига Защиты Евреев — это самозванная группа дружинников, в защите которой еврейская община не нуждается или не хочет её. В течение менее двух лет Форстер получил известность как один из трёх главных функционеров еврейских учреждений, которые отказались находиться в одной комнате с ЛЗЕ во время трансляции программы Давида Саскинда. Шутники из ЛЗЕ, помня о похожих отказах арабов сидеть рядом с израильянами, немедленно распространили слухи о том, что Форстер в действительности был иракцем. АДЛ продолжала обвинять ЛЗЕ в «подражании бессмысленной тактике расистских хулиганов». Чтобы поддержать своего сотрудника, председатель национальной АДЛ, Самуэль Дальзиммер, сказал: Мы считаем военизированные операции группы и сенсационное воззвание к голым эмоциям препятствием и потенциальной опасностью.

Зонтичная группа, которая представляла все еврейские группы по связям с общественностью и Национальный совет по связям с еврейскими общинами (НССЕО) осудили все группы, которые угрожали «тактикой насилия и принуждения в защиту безопасности и интересов евреев, таким образом, возрождая воспоминания о похожих нападениях на бывшие еврейские подпольные группы Иргуна и Штерна. НССЕО выбрала некоего Джордана Бэнда своим председателем. Спустя два года группа получила известность, появившись на ещё одной конференции НССЕО, чтобы пожаловаться на то, что евреи стали слишком много заниматься своими внутренними делами, сделались слишком сепаратистскими и местечковыми (читай: слишком еврейскими и слишком пекущимися о

еврейских проблемах). Затем он посоветовал им прекратить эту тенденцию и начать заботиться о том, что происходит с нашим воздухом и водой, с нищетой (конечно, не еврейской) и злоупотреблением наркотиками.

На следующий день после появления рекламы в Таймс — действие, которое принесло нам больше гласности, членов и денег, чем то, что мы могли бы получить за три года напряжённой работы, сделало крошечную ЛЗЕ предметом редакционной статьи. Редакция заявила:

«Тридцать самозванных дружинников, вооружённых цепями, свинцовыми трубами и бейсбольными битами, демонстративно собрались перед молельным домом в Манхэттене, чтобы оградить его от воинственного негритянского вымогателя, которого раввин и его конгрегация были готовы мирно встретить».

Несколько недель спустя ещё один отряд головорезов, как их верно назвал президент Союза американских еврейских конгрегаций, раввин Морис Н. Эйзендрат, сорвал парад, который проводился в ознаменование годовщины Израиля.

«Разве так должны вести себя хорошие еврейские мальчики?» — спрашивала вчерашняя реклама в Таймс.

Ответ решительный - Нет, ни еврейские, ни христианские, ни белые, ни черные мальчики, и вообще, никакие мальчики не должны себя так вести».

В тот же день Таймс опубликовала крупную статью о Лиге. Похожая статья появилась массовым тиражом в газете Лонг-Айленд Пресс. Журнал Тайм поместил одну статью под заголовком Еврейские дружинники. Газета Нейшнл Обзервер напечатал огромную статью, а радио- и телевизионные команды пришли к нам. Неплохо для одного объявления.

В чём была причина такого возбуждения? Строго говоря, оно стало результатом инцидента в престижном Храме Иману-Эль в Манхэттене с участием ЛЗЕ и чернокожего боевика. В широком смысле и в большей степени — это все касалось евреев и насилия, или, точнее, заголовка объявления: «Разве так должны вести себя хорошие еврейские мальчики?».

Когда-то евреи не были членами Антидиффамационной Лиги (АДЛ), ни по форме, ни по духу. Евреи не играли роль Махатмы Ганди, когда сражались в Массачусетсе; люди Бар-Кохбы и Иуды Маккаби никогда не ходили на встречи квакеров. Евреи старых времён, знающие свою религию, вместо того, чтобы подставлять щеку по-христиански, принимали концепцию Книга и Меч. Только в результате ужасов гетто, с их страхами, неврозами и неуверенностью, евреи стали реагировать испугом, а не чувством собственного достоинства. Вот что гетто сделало с евреями.

И такое анти-еврейство стало исповедуемым официально, когда рухнули стены гетто, и евреи начали бежать от своей веры к «великому свету эмансипации и ассимиляции». Мало того, что они стали теперь активно избегать еврейских концепций, но их невежество в отношении чего-либо еврейского, в сочетании с влиянием на них нееврейской культуры, сформировали в них интеллект ассимилянтов. Это привело их, в их невежестве и невежестве их лидеров, к вере в то, что многие либеральные пацифистские и универсалистские идеалы — идеалы еврейские. Но на самом деле, они были чуждыми, нееврейскими и в полном разногласии с истинным иудаизмом. Действительно, ассимиляция начинается не с любви к «шиксе», а с нееврейской Идеи, и не счесть евреев, которые из-за невежества стали чужаками и ассимилянтами в душе. Но об этом позже.

31. Инцидент с чёрным шантажистом Форманом

Непосредственной причиной такой реакции на рекламу стал инцидент, происшедший перед престижным Храмом Эману-Эль в шикарном Верхнем Ист-Сайде в Манхэттене, расстояние от которого до братьев евреев, борющихся в нижнем Ист-Сайде, измеряется не в милях, а в световых годах.

Там, в 5:00 дня в пятницу, 9 мая 1969, собралась самая, что ни на есть, невероятная группа евреев, какую только можно себе вообразить. Если бы они простояли перед Храмом ещё несколько дней, цена недвижимости на

Восточной 65-й улице и вдоль Центрального парка упала бы. У некоторых были бейсбольные биты, у некоторых — железные трубы, никто не улыбался. Все стояли и ждали Формана...

Этим Форманом был Джеймс Форман, чёрный боевик, который потряс Америку, потребовав от церквей полмиллиарда долларов в счёт репараций за ошибки, допущенные в отношении негров, и добавив угрозы насилия, если только... Хотя многие сердито ворчали, Форман заявил, что он придёт в престижную церковь Риверсайда, чтобы выступить с кафедры и высказать своё требование. Он появился, ему разрешили говорить, и, в конце концов, целый ряд церквей дал ему деньги. Аналогичный запрос был сделан в Филадельфии местным неандертальцем, неким Мухаммедом Кениаттой, который вошёл в церковь и снёс с алтаря различные предметы, в том числе вино (Мухаммад И. Кениатта, урожденный Дональд Брукс Джексон (3 марта 1944 года - 6 января 1992 года), был афроамериканским профессором, лидером борьбы за гражданские права и политиком — прим. пер.).

У нас уже были свои собственные чувства к форманам мира и к их требованиям к церквям, когда боевик внезапно объявил, что он включил также синагоги и иудеев в своё вымогательство. И, если ведущий реформатор, раввин Морис Эйзендрат, столь благоприятно цитируемый газетой Таймс, заявил, что Формана вправе требовать, наша позиция состояла в том, что вполне возможно, что предки Эйзендрата были баптистскими рабовладельцами, поэтому у него комплекс вины, но, как я сказал прессе: Большинство евреев пришли сюда гораздо позже освобождения черных. Черным от нас ничего не полагается, и это то, что они получают. Я добавил: Если кто-то говорит о репарациях, и если кто-нибудь их заслуживает, то мы, евреи, первые в очереди. Крестоносцы, инквизиция и резня евреев католиками и Мартином Лютером не будут забыты нами никогда.

Мы не собирались требовать репараций, а ещё меньше — выплачивать их вымогателю, который был из той школы боевиков, которые играли на комплексе вины неевреев и на их трусливой готовности платить репарации, чтобы избежать неприятностей. Если церкви хотели платить — бедных прихожан, у которых такие лидеры нам было жалко, но это было их дело. Когда же угроза была высказана в адрес синагог, оно стало нашим.

Итак, когда в четверг, 8 мая, мы узнали, что Джеймс Форман связался с самым большим и богатым Храмом Иману-Эль, и сообщил им, что в пятницу вечером он выступит и заявит о своём требовании, мы решили, что этому не бывать, и проинформировали раввина Храма, доктора Натана А.Перлмана (Перлман был фактически только одним из нескольких раввинов, которых Храм содержал, и раввины к этому привыкли). Доктор Перлман был очень недоволен новостями и предпринял некоторые усилия, чтобы отговорить нас от прихода. Было очевидно, что он принадлежал к школе «Тише, не накликай беды».

В то же время мы попытались связаться с Форманом, а когда не смогли, то попросили СНКК (Студенческий ненасильственный координационный комитет), с которым он обычно связывался, сообщить ему, что, если он предъявит свои вымогательства, то мы ему ноги переломаем.

Пусть будет понятно, почему мы все это делали. Начнём с того, что инцидент с Форманом должен был получить известность на фоне многолетнего растущего насилия и ненависти к евреям в значительной части чёрного сообщества. Это вылилось в серьёзную забастовку учителей в ответ на открытый и вопиющий антисемитизм, который протекал в форме преследований, поджогов и убийств еврейских торговцев, работавших преимущественно в черных общинах, в преступлениях, которые превратили еврейские окраины в места кошмарного насилия и страха, а также в требования черных и пуэрториканцев предоставить им квоты в школах, что уничтожило бы систему заслуг и в корне подорвало бы еврейские права и влияние. В тот момент городской колледж Нью-Йорка, бывший одной из лучших школ в стране, предоставлял достойной молодёжи, в соответствии с системой заслуг, возможность принести пользу, как себе, так и стране. Теперь же он был на месяц захвачен чернокожими студентами, которые наблюдали за бессилием робкого президента Буэлла Галлахербанда справиться с беспорядками, в ходе которых несколько еврейских студентов получили по голове свинцовыми трубами.

Реакция на все это была ещё более страшной, чем сама проблема. Мэр Нью-Йорка Джон В. Линдси, при его стремлении к президентству, ушёл от столкновений после своих далеко идущих попыток завоевать репутацию человека, который сделал этот город крутым. Цена, которую он заплатил, была не из его кармана, а из карманов простых граждан и, в частности, евреев. В общем, белый англосаксонский протестантский истеблишмент, управлявший городом, был бы более чем счастлив, если бы сгорел магазинчик еврейского торговца, а не Уолл-стрит, и он оплачивал шантаж черных еврейскими деньгами.

Однако реакция еврейского истеблишмента была ещё более ужасающей. Его комплексы гетто и жуткие неврозы сочетались с либеральным комплексом вины и неспособностью поставить еврейские интересы выше «универсальных». Мы начали платить очень неплохой гонорар за «гоизацию» еврейской общины. Такие люди, как Эйзендрат, ободряли и поощряли ненависть к евреям и символизировали трагедию еврейской общины.

Нас не интересовало, был ли готов Храм Иману-Эль капитулировать. Ещё меньше нас интересовало, хотел ли Храм Эману-Эль или нет, чтобы мы там находились для его защиты. Честно говоря, меня не слишком беспокоило то, что происходило с ассимилированными евреями, которые десятилетия назад отвернулись от Иудаизма и Традиции, и которые готовы были удовлетворить требования Формана без особого труда. Мы там были не для того, чтобы защищать Храм Иману-Эль, как таковой, а скорее — синагогу как концепцию. Форман не знал разницы между Иману-Элем и любой другой синагогой, и ему было все равно. Он её выбрал потому, что она была знаменитой, престижной и богатой. Если бы Иману-Эль капитулировал, как они хотели и могли, так как было гораздо проще оплатить шантаж, чем иметь проблемы, то был бы установлен прецедент, и другие синагоги, не желавшие и не способные платить, стали бы следующими мишенями. В любом случае, форманам мира нужно было усвоить, что никакая синагога и ни один еврей никогда не станут мишенью угроз, не вызвав реакции.

Так что, в 17:00, в пятницу, 9 мая 1969, была замечена пёстрая, задиристая и небывалая группа евреев, собравшихся возле синагоги Иману-Эль. Следует добавить, что Иману-Эль всегда проводила пятничный канун субботы в 5:30, будь то суббота, которая начинается в 16:30 зимой или в 20:00 в конце весны. Причина заключалась в том, что они транслировали свои «службы» по радиостанции принадлежащей газете The New York Times, чья семья молилась в Иману-Эле. Радиостанция не могла менять свой график, поэтому суббота должна была уступить радиостанции и была заморожена на 17:30 круглый год.

Здесь же была полиция, побуждая нас перейти через улицу. Мы продолжали отказываться, настаивая на том, что мы пришли молиться. Полицию по численности перекрывала только небольшая группа журналистов и представителей радио и телевидения, которые пришли поглазеть на невероятное зрелище: еврейских хулиганов. Каждому я говорил одно и то же: Да, если он сунется, мы ему ноги переломаем.

Он так и не появился, несомненно, по самой правильной теории, что он всегда может найти каких-то других лохов евреев, так зачем рисковать своими ногами? Подобный ход мысли, по-видимому, достиг сознания Кениатты в Филадельфии, потому что он больше не осмеливался делать синагогам то, что он делал церквям.

32. Борьба еврейского истеблишмента с ЛЗЕ.

Нет, крики пошли не от гоим, а от евреев. В течение недели Эйзендрат опубликовал подробный отчёт Совету попечителей Союза американских еврейских конгрегаций (СПАСАЕК). СПАСАЕК является руководящим органом реформистского еврейства, который был больше всех виновен в преступной неспособности бороться за права евреев, в то же время вкладывал средства и усилия в дела всего мира. В докладе, который заслужил полных полторы колонки в Нью-Йорк Таймс, Эйзендрат назвал нас громилами, которые совершают нападения и оскорбительные действия. Он добавил:

Евреи с бейсбольными битами и цепями, тесно стоящие, подобно отрядам громил, перед синагогами под предводительством раввинов, не менее оскорбительны, а, по сути, ничем не отличаются от белых, одетых в

балахоны с капюшонами, под предводительством самозванных служителей Евангелия, стоящих перед горящими крестами.

Если бы этот аргумент касался существования самозванного раввина или еврея, Эйзендрат был бы таким примером. Человек, чьё невежество в иудаизме превосходило только ещё большее хамство его прихожан, что представляет собой истинную судьбу большинства раввинов-реформаторов, в прошлом написал книгу против идеи еврейского государства (в 30-е годы, конечно); высказывался и собирал деньги на каждое нееврейское дело, осуждая любого еврея, который не проливал кровь за весь мир; ни разу не выступил за советских евреев, арабских евреев, бедных американских евреев или страдающих евреев Браунсвилла (можно задаться вопросом, знал ли человек, который так ориентировался в делах Ханоя, каким кошмаром были бруклинские еврейские кварталы); и скончался в 1973, перед тем, как он должен был выступить с речью, осуждающей американских евреев за то, что они не стали выступать с нападками на президента Никсона просто потому, что боялись, что это может повредить еврейскому государству, против которого был Эйзендрат.

Когда Эйзендрат утверждал, что ни евреи, ни христиане, ни Америка не нуждаются в таких защитниках, он, разумеется, не говорил о евреях из неблагополучных кварталов, где он не жил, и которых он не видел в течение многих лет. Он, конечно, не говорил о жертвах преступлений в южном Бронксе, о тех, кто боялся насильников и грабителей в Уильямсбурге, или о тех, кто боялся выходить на улицу после наступления темноты в Краун Хейтсе. Он, конечно же, не говорил с еврейскими учителями, учениками и государственными служащими, которым угрожали; с простыми евреями из средних и низших слоёв. Он не говорил с такими людьми, он никогда не должен был и не хотел говорить с ними. Эйзендраты и прочие лидеры еврейского истеблишмента жили в своём собственном мирке, в позолоченном гетто, окружённом невидимыми стенами, которые подпитывали иллюзию, что гоим их любят. Они предпочитали компанию и лесть гоим, чем богаче, виднее и престижнее, тем лучше. Если они никогда не могли присоединиться к белым англосаксонским протестантам (БАП), они могли, по крайней мере, стать белыми англосаксонскими евреями (БАЕ). Эти люди не имели отношения к иудаизму, к евреям и кризису. Поэтому мы их игнорировали и переходили от беззакония к беззаконию.

33. Забастовка учителей и её последствия

Лига Защиты Евреев начала серьёзно и конкретно вступать в борьбу за еврейские права, поскольку забастовка учителей в 1968 навлекла Нью-Йорк и евреев в такую ненависть, которая не закончилась даже с официальным завершением забастовки. Учителя и ученики школ оставались объектами ненависти открыто и официально. Так, газета Форум, в своём ноябрьском выпуске 1968, опубликовала редакционную статью Афроамериканской Ассоциации Учителей (ААУ), где заявлялось: Как долго черные и пуэрториканские общины Нью-Йорка будут сидеть и позволять Объединённой федерации учителей, наводнённой евреями, уничтожать все наши усилия по спасению наших детей от некомпетентных учителей, единственная цель которых — удушить их интеллектуальный рост? В течение многих лет мы шёпотом говорили, что стыдно, что так много евреев закрепилось на высоких постах в образовательной иерархии. Не потому, что они евреи [sic], а потому, что их отношение к нашим детям крайне враждебно...

Восемьдесят пять процентов учителей — евреи. Девяносто процентов директоров школ — евреи. Именно эти лица должны нести прямую ответственность за систематическое отторжение чернокожих и пуэрториканцев от должностей учителей и директоров школ. Мы знаем, что нынешняя мода утверждает, что никто не смеет критиковать евреев. Можно критиковать кого угодно..., Кого угодно, кроме евреев...

И еврей, наш вчерашний великий либеральный друг, чьи тоскливые крики все ещё звучат от степей России до теннисных кортов Форест Хиллс, теперь является нашим эксплуататором! Он не даёт нашим женщинам и мужчинам становиться учителями и директорами школ и держит наших детей в невежестве.

Этот разговор официальной группы учителей в городских школах не привёл ни к какой реакции от Линдси или города. Присутствие в школьной системе таких людей, как Лесли Кэмпбелл, которая написала статью (также на Форуме), называя белых дьяволами и угрожая еврейским учителям во время забастовки, вызвала также лишь молчание города и уговоры о терпении еврейского истеблишмента и еврейских либералов в целом. Так что председатель АДЛ, Дора Шари, согласно Нью-Йорк Таймс от 9 сентября 1968, предупредила американскую еврейскую общину не преувеличивать страхи по поводу негритянского антисемитизма.

Давайте будем предельно ясными, — сказала Шари, заявления нескольких нельзя относить ко всему народу. Негритянский антисемитизм не представляет такой опасности, как фашизм. Затем Шари продолжала осуждать Чикаго за его перегиб во время уличного насилия на Национальном демократическом съезде. Представитель АДЛ, Шульц, предупредил против еврейских экстремистов в школах. Г-н Альберт Ворспан, директор Комиссии по социальным действиям реформистского еврейского движения, осудил подстрекательские реакции евреев, которые привели нас на грань истерии. Группа, назвавшая себя Советом евреев за расовую справедливость, осудила боязнь антисемитизма и одобрительно процитировала статью некоего Майкла Скотта, который объяснил антисемитизм, сказав, что чернокожих припёрли к стенке, и он сравнил их действия с еврейскими подпольными группами в Палестине, а затем спросил: Почему мы требуем, чтобы черные были намного лучше нас? Джейсон Эпштейн, интеллектual и еврей само-ненавистник, работающий в Нью-Йоркском Книжном обозрении, злобно напал на книгу о забастовке, которая осмеливалась предположить, что антисемитизм имел место. Наконец, The New Republic, либеральная до мозга костей, опубликовала статью Джозефа Фезерстоуна под названием Раздувание угрозы чёрного антисемитизма.

Вся эта толерантность происходила на фоне угроз вынести евреев из школ в сосновых гробах, злобных антиеврейских листовок, брошенных в почтовые ящики еврейских учителей, программы афроамериканского общества Чёрная неделя в городском колледже Нью-Йорка, где был показан театр угнетённых людей, пьесу, в которой среди прочих была бессмертная реплика Гитлер сжёг недостаточно евреев, и многое другое.

34. Срыв передачи чёрного расиста Лестера

26 декабря 1968, Лесли Кэмпбелл появился на радио в программе Юлиуса Лестера. Лестер — это ненавистник белых, который когда-то приветствовал новости о том, что полиция была расстреляна в Сент-Луисе. В программе Кэмпбелл читал то, что, как он утверждал, было стихотворением, написанным его 15-летним учеником под названием Альберту Шанкеру (главе Объединенной федерации учителей - ОФУ), Антисемитизм. Оно гласило:

Эй, еврейский парень с кипой на голове / с бледным еврейским лицом / Я желаю, чтобы твои сдохли / Я вижу тебя, еврейский парень, ты теперь не сможешь спрятаться / Ты у меня на мушке / да, еврей, ты сдохнешь.

Далее следовало одобрение ненависти, после чего Лестер прокомментировал — прекрасно. Да, уж.

Месяц спустя, Лестер показал ещё несколько угнетённых чернокожих на своём шоу, которые позволили г-ну Гудману, АДЛ, газете The New Republic, господам Шари, Скотту, Шульцу, Эпштейну, Ворспану и всем евреям узнать, что стихотворение отражает чувства большинства чернокожих учеников, которых они знают. Двое из них были Джоном Маршем, председателем Ассоциации афроамериканских студентов, и Джоном Марсоном, учеником средней школы Сэмюэля Тилдена в Бруклине. Предположительно, у них было несколько больше знаний о чернокожих юношах, чем у всех вышеупомянутых джентльменов, чей опыт с чернокожими был ограничен Роем Уилкинсом, с одной стороны, и местным мальчиком по доставке — с другой.

В то время как Лестер соглашался со своими двумя молодыми друзьями, что стихотворение Кэмпбелла было истинным выражением чувства, широко распространённого среди чернокожих студентов в Нью-Йорке, появился третий участник дискуссии, джентльмен по имени Тайрон Вудс. Объявив себя студентом Нью-Йоркского университета, он произнёс следующее образованное высказывание:

То, что сделал Гитлер с шестью миллионами евреев — ничто по сравнению с тем, что было сделано с чернокожими. Что касается меня, то я за большую власть Гитлеру. Он не сделал из них достаточно абажуров. Он не сделал из них достаточного количества поясов.

Перед лицом такого рода понятной реакции, ЛЗЕ, неспособная к пониманию, приняла совершенно иной подход к ситуации. ЛЗЕ объявила о том, что она собирается устроить демонстрацию там, возле офисов афроамериканских учителей по улице Фултон 1064. Благодаря вызванному там появлением ЛЗЕ шторму, школа №271 в секции Оушн Хилл в Бруклине (школа Кэмпбелла) оглашалась шумными криками, призывами к увольнению президента Афроамериканской ассоциации учителей (ААУ), Альберта Ванна и Кэмпбелла из государственной школьной системы. Наш комментарий в прессе был: Попытайтесь представить себе, что эти два учителя были бы евреями и сделали бы подобные комментарии по отношению к чернокожим.

Мы также потребовали приостановить аттестацию ААУ как представителя черных учителей до тех пор, пока они не извинятся, и призвали к проведению расследования относительно финансирования ААУ Фондом Форда. Прежде всего, мы приняли безжалостную позицию в отношении мэра Линдси и Совета по вопросам образования за бессилие и безразличие к антисемитизму.

Две недели спустя, когда Кэмпбелл был приглашен местной Партией свободы и мира, бывшей под контролем коммунистов, в Рокдейл-Виллидж, Квинс, чтобы выступить в местной школе, ЛЗЕ сорвала собрание и прогнала Кэмпбелла и его телохранителя со сцены. Это был первый случай, когда боевик бежал от евреев, и история стала новостью на первой странице газеты Лонг-Айленд Пресс. Тот факт, что в то время я был раввином в Рокдейл-Виллидж, также создало небольшую сенсацию. Разве это достойное поведение для хорошего еврейского раввина?

26 января около 50 демонстрантов появились у радиостанции Лестера на восточной 39-й улице Манхэттена. Накануне губернатор Рокфеллер высказался в связи с тревожным ростом поджогов и нападений на еврейские учреждения, самым серьезным из которых было полное уничтожение знаменитой синагоги Шаарей Тфила в Фар-Рокавей в январе. Это убедило нас, что необходимо предпринимать решительные шаги. Пока ЛЗЕ демонстрировала снаружи, я сидел с менеджером радиостанции Фрэнсисом Миллспау и требовал, чтобы шоу Лестера было отменено, и чтобы радиостанция извинилась перед своими слушателями, и что она обязуется, что такая ненависть не будет транслироваться снова.

Я сказал прессе, толпившейся снаружи: Мы надеемся, что Федеральная комиссия по СМИ примет надлежащие меры, или это сделают возмущенные жители Нью-Йорка.

На следующий день совет директоров радиостанции отклонил наши требования, как мы и предполагали, на том основании, что (1) антисемитизм существует, и функция станции — дать выход враждебности для общественного обсуждения и (2) в то время как антисемитизм был глубоко отвратительным, Первую поправку нельзя нарушать.

Наш ответ состоял в том, что (1) существование Освенцима никоим образом не даёт возможности преступникам распространять своё послание, а скорее призывает их сойти с публичной сцены, (2) пришло время переопределить свободу слова, поскольку она не должна применяться к ненавистникам и людям, призывающим к убийству других людей, и (3) мы проведем самую гневную демонстрацию, какую евреи когда-либо проводили в Нью-Йорке, в ночь следующей передачи Лестера.

Ночь 30 января была холодной и влажной, но буквально сотни евреев собрались перед радиостанцией с шумным протестом. Я и ещё 10 членов ЛЗЕ ждали на крыше начала передачи Лестера, чтобы ворваться в студию и остановить её. К нашему несчастью, полиция, обеспокоенная враждебной толпой, обыскала крышу и нашла нас. История должна зафиксировать, что первым арестованным членом ЛЗЕ был Ирвинг Кальдерон. Внизу, когда прибыл Лестер, разразился бунт, и полиции пришлось провожать в здание испуганного боевика. Возле соперничающей группы, состоявшей из левых, большое количество евреев пикетировало в защиту радиостанции и против еврейских фашистов. Началось яростное столкновение, и четыре человека были

арестованы до того, как подкрепление полиции разняло рукопашную схватку и закрыло улицу. Это была самая жёсткая еврейская демонстрация в то время.

Результаты столкновения были предсказуемы. Втихаря, радиостанция приказала прекратить всякие высказывания ненависти, что привело, примерно, год спустя, к протесту со стороны различных левых против мягкости станции. Это была первая из многих демонстраций ЛЗЕ, показавших, что насилие никогда не бывает хорошим, но иногда необходимо.

35. Спасение декана Гольдберга

В том же месяце чёрный антисемитизм проявился ещё в одном месте — Музее искусств Метрополитен, где была объявлена выставка Гарлем моей памяти. Предисловие к каталогу выставки молодой чернокожей девушки, Кэндис Ван Эллисон, среди прочего, говорило: За каждым препятствием, которое афроамериканцам ещё предстоит преодолеть, стоит еврей, который его уже преодолел, а уже и так эксплуатируемые черные попали под ещё больший гнёт евреев.

В последующие недели ненависть к евреям в школах ухудшилась. Безвредное стихотворение Кэмпбелла неожиданно появилось в средней школе 258 в Бедфорде-Стуйвесанте, когда учитель седьмого класса по имени Пол Энтони, задал своим ученикам дословно переписать это стихотворение. Мы появились в школе для демонстрации, и я сказал белой, враждебно настроенной, испуганной директрисе, Мэри Макэсси, что мы ожидаем, что Энтони будет уволен. 24 февраля мы получили запрос от учителей местного отделения ОФУ, школьного округа 15 в Бруклине. Чёрные боевики, возглавляемые некой Глорией Оливер, угрожали сорвать заседание правления в попытках выиграть контроль над сообществом, что, по мнению еврейских учителей, означало бы увольнение большинства из них. Разразился бунт, в котором миссис Оливер ударила кого-то бутылкой по голове, но, когда председатель правления, в ужасе, хотел отменить совещание, мы приказали ей сесть. Это именно то, что они хотят от вас. Не смейте закрывать совещание. Совещание продолжалось.

25 февраля мы вошли в главный офис Совета по образованию, который уже несколько раз был захвачен боевиками, требующими контроля над общиной и прекращения системы заслуг. На этот раз мы решили показать, что тоже можем играть в эту игру. Мы ворвались в главную комнату, где заседал совет, и когда испуганные участники покинули её, мы взяли бразды правления и провели заседание совета, на котором осудили старый совет за безразличие к использованию школ расистами, ненавистниками белых и евреев, а также разрушению наших государственных школ. Затем мы провели слушания, на которых было обнаружено, что Кэмпбелл и Ванн все ещё преподают в школьной системе, и потребовали, чтобы их уволили. В этот момент мы прервали совещание на послеполуденное богослужение Минха, что, разумеется, совершилось впервые на улице Ливингстон, 110. Девять из нас были арестованы, когда мы отказались уйти.

Воодушевлённые импотенцией мэра Линдси, президента Совета по образованию Джона Доара и управляющего школами, Бернарда Донована, ненависть и расизм продолжали усиливаться. Еврейские учителя были в панике, многие из них готовились немедленно покинуть систему, а другие считали дни, месяцы или годы, оставшиеся до срочного выхода на пенсию. Как я сказал газете Манхэттен Трибьюн (15 марта 1969): Мы организовались из-за невероятного отсутствия реакции со стороны правительственных чиновников, ... нежелания встретить эти беспорядки с надлежащей силой. Такие люди, как Джон Доар, Билл Хаддад (член совета) и мэр Линдси, придают правдивость словам Эдмунда Берка: Все, что требуется для победы зла — это, чтобы хорошие люди молчали. Это то, что дает Кэмпбеллу и Ванну ту силу, которая у них есть.

В старшей школе Томаса Джефферсона в Бруклине было написано стихотворение, в котором говорилось о белых свиньях. Еврейские учителя вышли в гнев и страхе, поскольку новоиспечённый чёрный руководитель стоял на том, что он ничего не может сделать. В средней школе восточного округа, в районе Уильямсбурга в Бруклине, в когда-то великолепной школе, выпустившей тысячи евреев-иммигрантов, которые прекрасно абсорбировались в Америке, в начале марта вспыхнул бунт, в котором 200 разъярённых студентов разрушали

школу, громили офисы декана, Дидеона Гольдберга, и требовали, чтобы человек, который более 20 лет прослужил на этой должности, был уволен. Против Гольдберга была распространена нецензурная, жестокая литература. Кроме того, здесь произошёл феномен.

В это воскресенье, в офисе ЛЗЕ зазвонил телефон, и голос на другом конце назвал себя Дидеон Гольдберг. Испуганный школьный чиновник обратился к нам за помощью. Это был первый случай, когда такое произошло что ознаменовало в наших глазах серьёзный поворотный момент. Он не позвонил в полицию: он уже давно усвоил урок, что полиция, находясь под строгими политическими приказами не ухудшать ситуацию, не даст выйти на боевиков. По понятным причинам, он не вызвал группы еврейского истеблишмента. Ко времени, когда они бы закончили изучение ситуации и выдали свой протест, его бы уже не было в школе, да и школа перестала бы уже существовать.

На следующий день три члена ЛЗЕ отпросились с работы и поехали в дом Гольдберга, чтобы отвезти его в школу. В школе их ожидали ещё тридцать членов ЛЗЕ. Невероятно, но не было видно ни одного полицейского.

Бледного и испуганного Гольдберга буквально поддерживал эскорт ЛЗЕ. Все тридцать членов ЛЗЕ прошли в здание, где ожидали более ста учеников. Не было ни слова, ни инцидента. Мы отправили Гольдберга в его кабинет, а я пошёл поговорить с директором, Фрэнком Стюартом, одним из тех стальных людей, которые своей жалкой трусостью и страхом помог разрушить город. Стюарт попытался решить проблему путём, обычным для департамента по образованию, велел Гольдбергу доложить в главный офис совета, и ничего не будет сделано, а для какого-нибудь чёрного будет открыт путь занять его должность. Я сказал Стюарту: Если вы надеетесь подставить Гольдберга из страха, ...мы придём и сделаем все то, что делают эти боевики, только лучше. Я дал понять, что мы разрушим школу.

На два дня мы оставили Гольдберга на попечение Хаима Бибера, огромного, могучего человека, который выглядел устрашающе и был способен разбить головы сразу пяти ученикам. Гольдберг остался, но и расизм и антисемитизм остались, однако, в пассивном состоянии и в целом начали отступать.

Хаосом были охвачены не только начальные и средние городские школы, но и городские колледжи, которые теперь увидели союз черных и пуэрториканцев при поддержке горстки еврейских левых, которые требовали, чтобы система квот была основана на проценте этнических групп в городе. В Сити колледже это повлекло бы за собой добавление тысяч чернокожих и прочих цветных, которые не могли поступить на работу в школы на основе своих профессиональных качеств, и увольнение тысяч евреев, которые могли. Часть Сити Колледжа Нью-Йорка была захвачена неграми, а когда вспышка насилия стала усиливаться, директор Нью-Йоркского Сити Колледжа, Буэлл Галлахер, из трусости закрыл всю школу. В течение более месяца, студенты не могли учиться, а расизм торжествовал. Хотя боевиками в кампусе проводился митинг за митингом, никто не осмеливался открыто выступить против системы квот. В мае, я и ещё 20 членов ЛЗЕ провели открытый митинг в центре кампуса против расизма и прямой дискриминации, в окружении сотен черных боевиков и их еврейских сторонников. Ораторов прерывали, и непристойная брань сотрясала воздух. Когда мы стояли, тесно прижавшись друг к другу, толпа вдруг двинулась вперёд, и я, не стыдясь, признаюсь, что испугался. Однако, когда мы двинулись на них, толпа распалась, и митинг продолжился. Вероятно, это была маленькая победа, однако, после митинга пришли четверо учеников-христиан и сказали: Ну, ребята, у вас и характеры... Это первый митинг такого рода, который мы когда-либо видели. Можно нам присоединиться к ЛЗЕ? Они отлично поняли, что произошло. Они присоединились, и сразу 4 процента наших членов оказались не евреями.

36. «Хоть не могу попасть по мячу – в квоту хочу!»

Мы рассматривали события в Сити Колледже Нью-Йорка как часть возможной катастрофы для евреев Америки. Если система профпригодности будет отменена, то это произойдёт не только в школах, но и на рабочих местах во всех областях жизни. Евреи со своими тремя процентами от общей численности населения Соединенных Штатов столкнутся с такой же невозможной ситуацией, с какой они столкнулись в своё время в Европе.

Еврейские возможности и влияние были бы разрушены, и это именно то, о чем предупреждал Даниэль Мойнахан много лет назад, — чем заработал нападки ряда либеральных евреев. И поэтому мы стали сражаться с этим явлением на нескольких уровнях.

Возможно, самым интересным и странным был тот день, когда мы решили довести квоты до предела их логического абсурда, провокативно объявив, что требуем, чтобы нью-йоркская бейсбольная команда Мец немедленно согласилась принять евреев в команду в количестве, равном 26,2 процентам от её состава. Мы предполагали, что это был процент евреев от числа жителей Нью-Йорка. В письме покойному Джонни Мерфи, генеральному менеджеру команды Мец, я писал:

Евреи в течение многих лет страдали из-за бессилия еврейских матерей, настаивавших на том, чтобы их дети получили образование. Из-за этого они оказались в невыгодном положении и не в состоянии конкурировать с другими группами в лёгкой атлетике. В рамках системы профпригодности, они безнадежно отстранены от полноценного участия в американской жизни. Мы требуем, чтобы Мец немедленно согласился со списком, в который войдут 26,2% евреев.

В июне, когда ежегодный отбор талантливых игроков состоялся в нью-йоркском отеле Американа, появились демонстранты ЛЗЕ, в том числе, двое в бейсбольной форме, и толпа, вытаращив глаза, читала такие баннеры, как: Мец - расист, колонизатор, империалист, фашист! и Мерфи-шмерфи, даёшь нашу квоту!, в то время как те, что были в форме, несли плакаты Хоть я не могу попасть по мячу – в квоту хочу! и К черту второй состав! Хватит болтать! Я хочу подавать. В качестве дополнительного стимула, у нас был один болгарин, который потребовал, как часть своей квоты, чтобы 0,03 процента команды Мец были болгарами.

Вероятно, самая смешная часть этого дела состояла в том, что многие приняли все это за чистую монету. Сотрудник службы CBS написал нам разъярённое письмо, в котором он нас сравнивал с боевиками, которые требовали квот, а сам Джонни Марфи позвонил мне, чтобы объяснить, что наши требования невозможны, но, если мы знаем хороших еврейских игроков в мяч, он будет рад их рассмотреть. Таково безумие нашего времени.

37. Использование судов в борьбе за еврейские права

Наряду с кнута и пряником, мы использовали также суды. В мае нам удалось получить судебное предписание, чтобы президент Галлахер открыл Нью-Йоркский Сити колледж. Однако, если это облегчило дело в одном месте, то следующим полем битвы стал теперь Бруклинский колледж. Школа с набором кадров по системе профпригодности включала около 75 процентов евреев и стала теперь жертвой восемнадцати требований студентов третьего мира и их сторонников из левых евреев. Действующий президент Пек был недвусмысленно информирован боевиками о том, что они захватят его офисы на следующий же день, если он не согласится с их требованиями. Мы под фанфары прибыли в кампус с жалким количеством людей — не больше пятнадцати человек. Небольшая стычка с членом SDS (отделения социальных и естественных наук -прим. пер.) показала, что наш знаток каратэ, Алекс Штернберг, занял первое место за рекордное время, и мы вместе с другими тридцатью пятью еврейскими студентами, не бывшими членами ЛЗЕ, отправились в офисы президента. Там декан, уверенный, что имеет дело с евреями, которых он всегда знал, сообщил нам, что президент Пек занят и не может нас принять. Мы сказали декану, что, если он только что видел пятьдесят человек с той стороны, то сейчас он увидит пятьдесят — с этой. Было согласовано, что у ректора есть действительно несколько минут для нас. Когда мы собрались вокруг, я сказал Пеку, что мы — рассерженные евреи, готовые совершить поджог, если администрация прогнётся перед боевиками и расплатится с ними еврейскими правами. Я добавил, что, если студенты третьего мира захватят его офисы, как они угрожали сделать, то мы ожидаем, что он позвонит в полицию, а, если он этого не сделает, то мы вернёмся и вытаскиваем их сами.

На следующий день офисы были действительно захвачены боевиками. Мы уведомили местную полицию о том, что бруклинский колледж является городским, и что, если они не смогут защитить закон, то мы придём к 9:00

вечера сами. Присутствие полицейских в кампусах было всегда поводом для ужасных угроз со стороны воинственных учеников, и сотрудники колледжа всегда уклонялись от их вызова. Но никогда раньше они не сталкивались со встречной угрозой насилия, так что на этот раз они не могли больше уклоняться от обязанности. В 17:00 полицейские прибыли в кампус бруклинского колледжа и силой очистили канцелярию ректора.

Угрозы насилия и насилие со стороны ЛЗЕ за евреев и еврейские дела продолжались. Во время ежегодного празднования Дня Израиля, 1 июня, когда тысячи евреев смотрели парад еврейских групп, ЛЗЕ также приняла участие. Хотя организаторы нам не разрешили, мы все равно прошли маршем. Появился ряд членов неонацистской Национальной партии Возрождения с плакатами, один из которых гласил: Травите евреев газом!. Разъярённые члены ЛЗЕ напали на нацистов, в результате чего 8 из них оказались в больнице. Оргкомитет парада сдержал свой гнев, поклявшись, что в следующем году ЛЗЕ не будет участвовать (а мы участвовали), и ярость других групп, признавших, что мы (1) омрачили парад, и (2) напали без необходимости на небольшую, ничтожную группу нацистов, которая была защищена гарантией Первой поправки о свободе слова.

На первый аргумент мы ответили, что во время парада, посвящённого Израилю, именно евреи, которые не отреагировали на достойных Освенцима нацистов, омрачили этот день. Второй аргумент мы рассматривали как более важный, так как он символизировал философию еврейского истеблишмента, с которой мы находились в полном разногласии. Никто в этом городе не будет носить такие плакаты, - сказал я журналу Esquire в августе 1970. Мы категорически не согласны с теми, кто утверждает, что, поскольку группа маленькая, её следует игнорировать, указав на очевидный исторический факт, что все ужасы начинались с малого, и, что эра Гитлера началась с двенадцати человек. Нет такой вещи, как немного беременная, и нет такой вещи, как немного нацизма или немного нацистской опасности. Если бы Гитлер был уничтожен в самом начале, сколько миллионов было бы спасено и скольких страданий мир мог бы избежать!

Что касается невероятно либерального отношения к свободе слова, то с самого начала мы ясно дали понять, что эта концепция, в её нынешнем виде, не является для нас священной коровой, дающей право нацистам засунуть меня в печь. Как либералы могут гарантировать, что нацистам не удастся убедить людей? А если им это удастся? А если опасность вдруг окажется действительно ясной и существующей, то как Верховный суд сможет помочь им остановить опасность? Если вы видите антисемитизм, немедленно раздавите его, как только он поднимет голову, - говорил я часто нашим молодым людям. Недоверие к здравому смыслу народа, среди которого жили евреи, всегда было единственной гарантией их выживания.

Насилие против евреев и угрозы еврейскому равноправию распространились на многие области жизни города, включая программу борьбы с нищетой. Эта схема была создана для предоставления льгот нуждающимся. На практике она превратилась в огромные откаты шантажистам для того, чтобы умиротворить их агрессивность. Благодаря черным и пуэрториканским боевикам каждый район бедноты в городе имел свою долю от представительства третьего мира в советах по борьбе с нищетой, в то время как евреи, составлявшие треть по величине группу бедноты, были представлены только в двух кварталах: Уильямсбург и Кроун Хейтс, преимущественно ортодоксальных.

В течение нескольких месяцев черные боевики Кроун Хейтса пытались запугать еврейское бюро по борьбе с бедностью, Совет еврейской общины Кроун Хейтса и евреев в целом. Район представлял собой джунгли с запуганными евреями и жестокими уголовными преступниками. В 1968, местные выборы районных руководителей программы типовых городов (орган, который выделял средства для программ в этом районе) были сорваны боевиками, которые угрожали евреям и, по крайней мере, в двух случаях физически запретили им голосовать. Местным главным головорезом был Сонни Карсон, сотрудник школы неандертальцев, который получил историческое уведомление, когда появился в шоу Давида Сасскинда. Крошка Давид, — джентльмен, либерал и настоящий лемминг, слушал, как Карсон объявляет, что он, Сасскинд, свинья, и называет его свиньей в течение двух часов. Улыбчивый вежливый отказ Сасскинда дать Карсону по носу был явным доказательством того, что этот ярлык имеет какое-то оправдание. Во всяком случае, именно эта тварь терроризировала Кроун Хейтс. Весной 1969, он и группа его сторонников захватили офис Еврейского совета. Быстрый телефонный звонок привел двенадцать наших людей туда, где произошло столкновение с Карсоном.

Один из наших парней, Джош Джофф, сидел за столом, держа в руке кофеварку с кипятком. Один из головорезов Карсона стал его подкалывать, говоря, что накануне вечером он сказал еврейскому учителю, рассказывавшему на школьном собрании о шести миллионах евреев, чтобы тот сел, иначе будет шесть миллионов и один. Джош, выглядевший жутким уродом, когда он этого хотел, посмотрел боевику в глаза и сказал: Если бы ты сказал это мне, я бы тебя порезал на мелкие куски. И выплеснул всю кофеварку. Резать уже не было надобности.

В июне 1969 года мы получили дикий телефонный звонок от еврейского совета Кроун Хейтса. Нам сказали, что на следующий день будут снова проводиться выборы руководителей программы Типовые города, и евреи уже получают открытые угрозы, что тот, кто пойдёт голосовать, будет убит. Совет был убеждён, что, если ЛЗЕ открыто не защитит евреев, многие не пойдут голосовать, не будут контролировать программу, и средства перейдут в руки боевиков. С минуту поразмыслив о том, не обращался ли Совет к Американскому еврейскому конгрессу, мы решили отправить наших людей в этот район.

На следующий день, евреи, бывшие за пределами Кроун Хейтса, отпросились с работы и из школ, чтобы охранять каждое избирательное место. Автомобили с громкоговорителями объявляли на идиш и английском: Идите голосовать! Здесь ЛЗЕ!. Только в одном избирательном участке, где евреям не дали голосовать в прошлом году, была вновь предпринята попытка помешать им принять участие в голосовании. Двадцать наших парней пришли на место и сказали смутьянам, чтобы они отошли в сторонку, потому что мы пройдем через них или над ними. Не было никаких проблем, и евреи получили шестнадцать из двадцати четырёх мест.

Три года спустя, на следующих выборах, ЛЗЕ снова попросили помочь сообществу по причине угроз и листовок с ненавистью, например, таких, которые гласили: Корпорацию общины Кроун Хейтса сейчас полностью контролируют евреи, хотя черные составляют 90 процентов сообщества [ложь]. Евреи не думают, как мы, не выглядят, как мы, им наплевать на нас. Они используют нас и сосут нашу кровь... У еврейских детей есть дневные лагеря, летние лагеря, автобусные экскурсии и многое другое. Евреи взяли все себе. Они смогли это сделать, потому что контролировали все программы по всему городу (евреи вообще не были представлены в двадцати четырёх из двадцати шести советов по вопросам бедности). Выходите 25 июля! Проголосуйте против евреев и за черных!

В тот день мы снова патрулировали Кроун Хейтс. Кто хотел, тот голосовал, и вновь еврейское большинство было демократически избрано.

38. Не будь равнодушен к крови брата твоего

Еврейское насилие и угрозы насилия. Еврейские пантеры. Еврейские хулиганы. Это объявлялось квинтэссенцией Лиги Защиты Евреев.

Нам это было не только безразлично, мы поощряли такие ярлыки и репутацию и были воодушевлены ими. То, что не понимали евреи, как те, кто враждебно относился к ЛЗЕ, так и те, кто хотел нам помочь, убеждая нас изменить свой имидж, заключалось в том, что мы хотели создать такой образ, чтобы помочь евреям. Если евреи будут думать, что мы — злобные хулиганы, то и не евреи, и тем более антисемиты тоже будут так думать. Никакому задире, хулигану, антисемиту не доставит удовольствия задевать других хулиганов. Если они будут думать, что ЛЗЕ — очумелая и злобная банда, которая находится поблизости, то каждый еврей, благодаря этому, будет в безопасности. И хотя было естественным разочарование от нападок евреев на нас, и нормальным — желание быть признанными, одним из наших принципов было всегда: если что-то плохо для ЛЗЕ, но полезно для евреев, евреи имеют приоритет. Поэтому, ради безопасности евреев, мы поощряли миф о еврейских пантерах и терпели все другие глупости от простых евреев и бессмысленных и бесхребетных организаций. Слишком долго евреи имели репутацию хороших людей. В общем, нехорошие люди любят общаться с теми, кто слывёт хорошими. Их легче бить, насиловать, убивать, запугивать. Много раз именно такая репутация вызывала нападения, а нападения вызывали страх, что приводило только к закреплению такой

репутации. Мы хотели изменить образ еврея. Мы до смерти устали от не евреев, которые приходят к памятным местам, чтобы восхвалять еврейскую мораль и духовную красоту. Нас уже тошнило от Кадишей, годовщин смерти и слез по благородным евреям. Еврейский императив состоял в том, чтобы жить и, как я часто говорил, ни одна еврейская душа в Восточной Европе не могла выжить без тела. Еврейские Пантеры. Каждый раз, когда уважаемый еврей это слышал, он съеживался. Каждый раз, когда мы это слышали, мы радовались вместо бедного уважаемого еврея.

В то время как подразделения ЛЗЕ патрулировали в ночное время еврейские кварталы, терроризируемые чёрной преступностью и наполненные страхом перед ней, когда начинались конфликты с хулиганами, когда еврейская молодёжь обучалась самообороне, когда она сталкивалась с антисемитами в школах и кампусах, первоначально негативная реакция истеблишмента превратилась в громкие и яростные нападки.

По словам Эйзендрата и Реформы единой программы здравоохранения, ЛЗЕ нарушает всякую этику и традиции иудаизма, а также всякую концепцию гражданских свобод и демократического процесса в американской жизни. Эта самозванная группа дружинников, которая заслуживала единогласного осуждения еврейской общины.

Согласно Национальному консультативному совету по связям с еврейскими общинами (NJCRAC), в заявлении, одобренном Американским еврейским комитетом, Американским еврейским конгрессом, Бнэй Бритом, АДЛ, еврейскими ветеранами войны, Национальным советом еврейских женщин, Союзом американских еврейских конгрегаций (реформа), Еврейским комитетом труда и Объединенной синагогой Америки (консерваторы): Безопасность евреев заключается не в том, чтобы брать закон в свои руки. К сожалению, ЛЗЕ пала жертвой той самой тактики, против которой, по её утверждениям, она выступала. Мы считаем её деятельность тем более вредной и опасной, что она называет себя еврейской.

Мы слушали этих лидеров и еврейские организации, зачатые в невежестве, рождённые в страхе и воспитанные в ассимиляции. Как они осмеливаются говорить за еврейских бедняков и евреев, которых одолела преступность, евреев, напуганных и страдающих, для которых они ничего и не сделали! Когда Бруклин, Бронкс, Маттапан в Бостоне и Уинфилд в Филадельфии умирали, кто позаботился о них? Разумеется, не состоятельные, толстые и по сути не еврейские группы, которые в марте 1970 были так справедливо обозначены еврейским редактором Трюдом Вайсом-Росмарином как более озабоченные престижем и сферами влияния, чем евреями, и занятые карбканьем в офисы в поисках удовлетворения невротического голода по псевдо-власти.

Когда еврейские общины Браунсвилла и Восточного Нью-Йорка в Бруклине истреблялись преступностью и страхом, а те, кто мог бежать, уезжали, бросив старых и бедных, где тогда были голоса и дела еврейских групп, которые теперь осуждают ЛЗЕ за то, что она собирается взять закон в свои руки? Живут в этих жутких кварталах отвратительные типы безразличия, которые притворяются еврейскими лидерами? Познают ли их агонию? Сколько родителей дрожат дома в ожидании возвращения детей из библиотеки или от друзей, с каждой минутой опоздания всё больше впадая в панику в районе, где тёмные улочки чреваты бедой? Преступления деятелей еврейского истеблишмента отвратительны, не менее, чем их наглость.

Те евреи, которые жили в зажиточных кварталах, и которым это было безразлично, были осуждены такими людьми, как раввин Джеральд Целермейер из агонизирующего еврейского квартала Маттапан в Бостоне. Целермейер подвергся нападению кислотой со стороны трёх негров в своём собственном доме. Вот что он сказал о богатых евреях Бостона, которые бежали в Бруклин и Ньютон, бросив бедняков:

Печальный факт заключается в том, что окружающая среда озвучила реквием нашему району при почти полном безразличии к нашему бедственному положению. Самые богатые сбежали, и остались только те, кто не богат и нуждается в помощи.

Можно было бы умножить Матапан на десятки еврейских районов, а их население — на десятки тысяч. Беднота бруклинских трущоб, которая в страхе и ожидании смерти запиралась в своих квартирах, не могла рассчитывать на помощь в переезде от Американского еврейского комитета, который, однако, нашёл время объявить в октябре 1970, что он помог решить проблему бедной маленькой еврейской девушки по имени Барбара

Стрейзанд. Ее проблема заключалась в том, что она никак не могла переехать в 20-комнатную квартиру на Парк авеню стоимостью в \$240 000, и те, которые слышат еврейскими в АЕК, бросились ради неё в суд. Причина проста. Проблема мисс Стрейзанд может прийти завтра к ним, поскольку они все находятся в одной лодке. Но бедные евреи, которые живут в нищете, которые дрожат перед преступностью, были забыты. Хуже того, если кто-то хочет о них позаботиться, помочь, сделать что-то, напуганные маленькие людишки наверху организационной пирамиды начинают вопить: самозванец!

Это то, что делали жители Форест Хиллс в Квинсе. Те самые холеные и довольные, которые были глухи к крикам Южного Бронкса и Браунсвилла, борясь за права черных на юге Миссисипи, третировали ЛЗЕ за любую защиту евреев от черных как расистскую. Как либерально, как универсально, как лицемерно!

Однако Б-г добр и работает отлично. Те, кто ничего плохого не видел в домах жителей с низкими доходами в Браунсвилле несколько лет назад, были внезапно поражены чумой в Форест Хиллс. Ибо Б-г послал им проект жилищной застройки, и либералы Миссисипи запаниковали. А когда они запаниковали, они вдруг по иронии судьбы не увидели ничего плохого в ответном насилии. И как было смешно видеть хороших и уважаемых бюргеров из Форест Хиллс, демонстрирующих против кранов-бульдозеров и дерущихся с полицией и, да, даже смело звонящих в ЛЗЕ, чтобы узнать, нельзя ли сделать что-то радикальное...

Насколько бесчувственны все еврейские лидеры и руководство и, как ни парадоксально, неспособны ощутить боль евреев, если это не их собственная боль! Те же самые люди, которые осуждали тех, кто действительно испытывал по-настоящему боль за евреев Ленинграда, теперь, и по тем же причинам, напали на тех, кто испытывал по-настоящему, боль за евреев Бруклина, Бостона, Филадельфии и Лос-Анджелеса. Насколько же отсутствует у них чувство Ахават Исраэль, любовь к евреям! Как далеки они от своих страждущих братьев! И как трагично, что, когда они сами ничем не помогли, у них не хватило порядочности дать другим помочь. Вот уж действительно, закон и порядок! Как легко требовать закона и порядка, когда у тебя самого нет проблем, и насколько странно слышать такие требования от профессиональных, либеральных евреев, которые и в черных преступниках и в радикальных евреях не видели ничего, кроме реакции и фашизма.

Евреи из районов, охваченных преступностью, ничего не могли ожидать от своего руководства. Еврейские торговцы, которые владели магазинами в теперь уже черных районах, но которые там поселились задолго до того, как они стали черными, ничего не могли от него ожидать. Мелкие торговцы, жившие в Вашингтоне, округ Колумбия, о которых газета National Observer написала под заголовком Чёрный антисемитизм, разорение мелких торговцев в Вашингтоне, охваченном хаосом, - что могли они ожидать от еврейского руководства? Вот именно...

Когда мы брали евреев под защиту, мы это делали потому, что не было никого, кроме нас, кто был бы готов это сделать. Именно поэтому летом 1969, когда в Пассаике, Нью-Джерси, вспыхнули беспорядки, ЛЗЕ ответила на просьбы торговцев и отправила туда людей с оружием, чтобы охранять еврейские магазины. У полиции не было достаточно людей. Когда-нибудь будет обязательным писать на надгробном камне каждого капитана полиции: У него не было достаточно людей. У еврейского истеблишмента было слишком много тех, кто больше заботился о своей уважаемости, чем о боли своих братьев. Поэтому в месте, где не было мужчин, мы решили быть мужчинами. Мы выступили и почувствовали боль, сражались в битвах и рисковали, а иногда и попадали в тюрьму.

Из-за этого нас стали называть противниками черных. Как типично для либеральных маккартистов. Как будто мы были озабочены тем, кто именно был антисемит, и какого цвета была его кожа. Как будто мы не готовы были атаковать белых антисемитов, или ещё не делали этого. Истинными фанатиками были люди, которые отказывали чернокожим в каком-то особом превосходстве, обращаясь с ними точно так же, как с кем бы то ни было другим!

Из-за этого нас стали называть не евреями. Как будто мне нужно было признание раввина-реформиста или консерватора, чьё еврейское образование было невероятно поверхностным и скудным! Было только жаль, что его прихожане понятия не имели, из-за их ещё большего невежества, что означает термин еврейский!

Концепции еврейского истеблишмента относительно насилия и ненасилия слишком часто возникают не из еврейских источников, а из ассимилированных либеральных. Слишком многие из наших лживых, а также невероятно религиозных лидеров получают свои знания и концепции из иностранных, а не из еврейских источников. Наши мудрецы говорят нам, что деяния отцов – это урок для сыновей, и нам надлежит искать именно еврейскую историю и традиции для подходящего ответа евреев на зло и угнетение.

То, что еврей должен или не должен делать по отношению к другим страдающим евреям, основано на великой идее Ахават Изроэл, любви к евреям. Эта великолепная концепция заявлена просто, решительно и недвусмысленно в Торе (Ваикра, 19: 16):

Не будь равнодушен к крови брата твоего.

Талмудический комментарий к этому стиху довольно ясен (Сангедрин 73):

Откуда мы знаем, что тот, кто видит своего ближнего, тонущего в море, или в опасности от дикого зверя или вооружённых разбойников, обязан спасти его?

Нас учат: Не будь равнодушен к крови брата твоего.

Откуда мы знаем, что, если кто-то видит, как некто преследует его ближнего с целью убить его, должен спасти ему жизнь, убив преследователя?

Нас учат: Не будь равнодушен....

То, что мы унаследовали в виде галахической Торы, вряд ли является просто теорией. Со дня, когда наш отец Авраам отправился сражаться с четырьмя царями, чтобы спасти своего племянника Лота, до того момента, когда Моисей убил египтянина, вместо того чтобы создать комитет по изучению коренных причин египетского антисемитизма; от войн Еошуа и Судей (Эхуд, Дебора, Гедеон, Самсон, Ифтах) до сражений Давида; от Маккавеев до учеников рабби Акивы, которые были отпущены с учёбы, чтобы сражаться вместе с армией Бар-Кохбы, еврейское руководство принимало активное и горячее участие в борьбе за свободу.

Нам не нужно было никого, кто бы нам рассказывал, как должен вести себя еврей.

39. Филадельфийская история

Летом 1969, Филадельфийский совет раввинов издал руководящие принципы о том, как вести себя, если боевики попытаются захватить синагогу. Жалкие духовные лидеры не советовали предпринимать насилие, а наоборот, позволить хулиганам сказать своё слово. Моя личная реакция заключалась в том, чтобы написать следующее в моей еженедельной колонке в Еврейской прессе:

Филадельфийская история

Одноактная мелодрама (комедия)

(Сцена — это комната Совета директоров Храма Шалом. Шалом — самая престижная конгрегация в этом районе. Джеймс Форман только что закончил своё обращение к собравшимся после того, как он прошёл с десятью охранниками, вооружёнными мачете, и потребовал дать ему слово до окончания службы. В сочетании с руководящими принципами, изданными Советом раввинов и Советом по связям с общинами, раввин Мертон Гораций Эйзенкопп любезно позволил Форману взойти на кафедру, где тот начал нападать на всех свиней и кровососов Храма и закончил требованием выплатить \$200 000 наличными. Директора только что закончили поздравлять г-на Формана и пошли в комнату во главе с председателем Дж.Б. Колманом).

Член совета А: Вау, вот это была речь! Этот парень должен был иметь смелость прийти сюда и оскорблять нас таким образом.

Член совета Б: Я до сих пор не уверен, что мы должны были давать ему разрешение взойти на кафедру.

А: А что бы вы предпочли, бой в синагоге?

Б: Ну, может быть, и так...

КОЛЕМАН: Джентльмены, джентльмены, давайте отбросим это. У нас есть важное дело, которое надо обсудить, и я бы хотел поговорить о нем до того, как придёт раввин. Он сейчас обменивается богословскими взглядами с Форманом, поэтому давайте поторопимся.

А: Вы правы, Дж. Б., мы должны решить, что делать с этим требованием.

Член Совета С: Я говорю, что у нас нет выбора. Кому нужны неприятности от этого парня? Черта ли в этих \$200 000! Кухня, которую я обновил в прошлом году, стоила столько же. Дайте ему деньги, позовите прессу, и покончим с этим.

Б: А почему вы так уверены, что он удовлетворится этим? Кроме того, уверены ли вы, что члены будут готовы отдать такие деньги Форману?

А: Это не проблема. Мы убедим раввина прочитать им проповедь о социальной справедливости и вине, которая должна быть во всех наших сердцах, и все превратится в ерунду.

Б: Все это дело для меня плохо пахнет. Во-первых, я не хочу отдавать этому парню такие деньги, а во-вторых, я все же думаю, что мы не подставим ему свои задницы.

С: Вы знаете, Сэм, что ваша проблема в том, что вы переживаете. Вы стали уже экспертом по части переживания из-за проблем. Заплатите парню, и он уйдёт. Разговор о деньгах — название игры.

Член совета Д: Я возражаю против всего этого. Прежде всего, я не думаю, что раввин должен был позволить парню говорить, и будь я проклят, если я дам хоть копейку из моих денег этому шантажисту, даже если вы, трусы, решите это сделать.

А: Минуту Гарри, следите, кого вы называли трусом!

Д: Я точно знаю, кого я называю трусом, и я скажу это снова!

А: (повышает голос): Скажите это ещё раз...

Колман: Да ладно, давайте это вырежем. У нас есть проблемы без борьбы между нами.

Сейчас перед нами серьёзная проблема. С одной стороны, если мы ничего не дадим Форману, кто знает, на что он может пойти. Если мы откупимся, среди прихожан начнутся серьёзные разногласия, и мы не сможем избавиться от новых требований.

Поэтому, я думаю, у меня, возможно, есть план, который решит проблему.

С: Звучит заманчиво, Дж. Б., давайте послушаем.

Колман: Я понимаю, что это может показаться безумным, когда вы услышите, но позвольте мне закончить, прежде чем вы что-то скажете (в комнате наступает тишина).

О.К. Чтобы заставить Формана слезть с нашей шеи (делает глубокий вдох), надо его сделать нашим раввином.

(в комнате наступает мёртвая тишина. Все смотрят на Колмана, разинув рот и выпучив глаза. Наконец, тишина нарушена).

А: Дж. Б., должно быть, я схожу с ума. Мне кажется, вы сказали, что, мы должны сделать Формана раввином Храма.

Колман (хмуро глядя в стол) Верно. Это то, что я сказал.

(в комнате начинается бедлам, люди кричат на Колмана, Д. делается багровым, и двое других вынуждены его удерживать).

КОЛМАН (вскакивает, кричит): Хорошо, хорошо, вы заткнётесь, наконец? Позволь мне объяснить.

Пока Форман говорил, мой мозг скакал со скоростью мили в минуту.

Как нам, черт возьми, убрать этого парня с нашей шеи? Потом меня осенило. Он хороший оратор. У него глубокий голос, он высок и широкоплеч — женщины будут его любить. Если мы сделаем его нашим раввином с оплатой \$40 000 в год со всем, что с этим связано, мы сможем не только снять его с себя, но и помочь всем остальным храмам. В конце концов, ни один раввин не будет ходить вокруг да около синагог, которым угрожают.

А: Но, Дж. Б., он даже не еврей!

КОЛМАН: Я это знаю, Джордж, я это знаю. Мы можем сказать прессе, что это наш вклад в экуменизм в мире.

С: (грустно): Да, Дж. Б., но он же ничего не знает об иудаизме.

Д.: (с сарказмом): Ну и что?

Б: А как насчет рабби Эйзенкоппа? У нас с ним контракт, и он такой хороший парень.

КОЛМАН: Я думал об этом. Мы сделаем его почётным раввином и дадим ему почётное членство в гольф-клубе. Он поймёт. Черт, он произнёс достаточно речей ради Формана.

(Совет сидит тихо, размышляя над этой идеей. Смотрят друг на друга. Мрачно кивают.)

КОЛМАН: Хорошо, господа. Значит, решено. Мы немедленно сообщим рабби Форману о его назначении. Теперь, кажется, идёт раввин Эйзенкопп.

(Входит раввин Эйзенкопп, улыбающийся круглый человек с аккуратным ёжиком)

Эйзенкопп: Господа, я думаю, что мистер Форман...

Д: (тихо): Раввин Форман.

Эйзенкопп: Прошу прощения?

КОЛМАН: Да, садитесь, раввин. Есть кое-что, что нужно с вами обсудить...

40. Наш летний лагерь для молодых евреев

Мы хотели создать сильных евреев, твёрдых в вере, гордых и сильных телом. Мы хотели создать евреев, которые бы доказали миру, что еврей — не синоним жертвы. Вот почему в мае 1969, я решил, что мы должны открыть летний лагерь не ради забавы и игр, а для обучения молодых евреев, как быть твёрдыми умом и телом. Здесь у них будут часы еврейской идеологии бок о бок с пятью часами в день обучения каратэ и двумя часами в день обучения использованию оружия, винтовок и пистолетов.

Это был май, и все другие лагеря уже записали своих детей месяцем раньше. У нас не было ни молодёжи, ни кемпинга, ни, конечно же, денег. Не важно — это нужно было сделать, и это было сделано. Берт Цвейбон, с улыбкой на лице, сказал репортёру National Observer:

Знаешь, Красное море не открылось Моисею, чтобы он прошёл, пока он не сделал шаг в воду. Я сказал Меиру, что мне понадобятся деньги для лагеря, и на следующий день они у него появились. Я до сих пор не знаю, где он их взял...”.

Когда что-то должно быть сделано, оно может быть сделано, и вера является не пустым словом. Мы добились своего лагеря, а секрет заключался в том, что я давал рекламу в газеты перед тем, как мы его добились. В

течение недели у нас было пятьдесят молодых людей, от которых потребовалась абсурдная плата в \$150 за 8 недель. Как только у нас появилась молодёжь, нам понадобился лагерь, и мы его получили.

Это было великолепно, настоящая революция, которая поразила, заинтересовала и возмутила всех. Однако это было реальностью, и следующие строки в National Observer от 28 июля 1969 хорошо ее описывают:

Две шеренги потных, грязных молодых людей неподвижно стояли по стойке смирно при 90-процентной влажности. В течение двух часов 34 подростка (остальные были на работе) размахивали кулаками, ногами, отражали удары, практиковали каратэ - искусство боя.

Молодой инструктор идет вдоль шеренги, ударяя ногой каждого четвертого парня в солнечное сплетение. Каждый из них резко складывался пополам и выглядел так, как будто его сейчас стошнит, затем он с гордостью выпрямлялся. Три недели занятий каратэ по пять часов ежедневно укрепляют молодых людей.

Большинство подростков в лагере владеют огнестрельным оружием и впервые изучают тонкости рукопашного боя не для развлечения. Они происходят из некоторых самых захудалых районов Нью-Йорка. После 8 недель пребывания в лагере они вернутся на те же улицы.

Все они евреи. В лагере их подвергают суровым испытаниям, поскольку считается, что евреи в Соединённых Штатах борются за выживание. Их организация, Лига Защиты Евреев, обещает, что евреи больше не будут козлами отпущения.

К концу сезона они становились крепкими подростками. В урочище горы Катскилл, окруженной со всех сторон другими еврейскими лагерями, где милые еврейские ребята делали то, что нравилось их милым еврейским родителям: занимались верховой ездой, плаванием, катанием на каноэ, веселились и играли в игры, наши евреи узнавали о том, кто они, как оставаться такими и как сказать не еврею Никогда больше. Лагерь и школа каратэ Шори-додзё Шори, которые мы открыли в Нью-Йорке, предназначались для подготовки и готовила разных евреев, которые умели не просто получать, но и давать. Нам повезло, что в качестве главного учителя по каратэ у нас был бывший студент ешивы, самостоятельно изучивший каратэ из-за ежедневных избиений антисемитами, которые он перенес в ешиве. Алекс Стернберг был не только прекрасным знатоком каратэ, но и превосходным учителем.

И оружие. Евреи даже на само это слово реагировали отрицательно. Сколько матерей рассказывали еврейским детям, что только гоим имеют оружие. Сколько евреев Европы не имели оружия, не знали даже, как с ним обращаться, и, в конце концов, очень хотели этому научиться. Мои взгляды на вопрос о евреях и оружии были изложены в статье, написанной в августе 1972:

Если кто-то вам скажет, что у народов есть мудрость, поверьте этому. Так говорят мудрецы Талмуда, излагая евреям принцип о том, что, помимо изучения Торы, есть настоящая мудрость и необходимость учиться у нееврейского мира. И, действительно, мир нашего времени изобилует нееврейской мудростью, которая является истинной, которую еврею необходимо изучать, и в которой он должен стать опытным. В одной из этих областей народы мира давно опережают нас, изучая свое искусство на протяжении веков с таким же усердием и прилежанием, с какими еврей склоняется над своей Гемаррой в долгие зимние ночи и жаркие летние дни. Это важное искусство, это нееврейское ремесло, и оно является совсем не роскошью для нашего народа. Это область, где знание и умение являются основополагающими для выживания, а еврейское существование в эту эпоху джунглей трубит о необходимости усердного и прилежного изучения евреями Торат Хаамим — мудрости народов. Я говорю об искусстве стрельбы, о самообороне, о еврею, который дружит с оружием.

«Еврейская молодёжь, учись стрелять!» Так писал покойный великий Зеэв Жаботинский в эссе, которое должно расцениваться как одно из самых ярких и пророческих писаний еврейской современности. Такими днями были 30-е годы — эпоха, которую Черчилль обозначил как годы саранчи. Погромчики в Восточной Европе и антисемиты всех интеллектуальных мастей кипели и пускали пар против евреев. Семена ненависти к евреям проросли там с невероятной скоростью, а в Третьем Рейхе всплыли на поверхность катализаторы антиеврейских ужасов. Жаботинский наблюдал за агонией своего народа и, как Иеремия последних дней,

видел чёрное будущее, которое неумолимо надвигалось на него. Он все это увидел, почувствовал и сел писать своё сочинение. Он назвал его Ойфен припичек (На очаге).

Какой просвещенный еврей не знает песню с таким названием! Запоминающаяся мелодия и замечательные стихи поэта Варшавского рисуют перед нами картину еврея, открывающего нам тайну своего выживания. В очаге горит огонь, и в доме тепло. Меламед, учитель самых маленьких детей, сидит со своими подопечными и обучает их первым буквам еврейского алфавита.

Учитесь, дети мои, учитесь с усердием, — говорит он им. Помните то, что вы узнаете здесь, Алеф, Бейс, Гимель ... Обучая своих трех- и четырехлетних детей, он говорит с ними, но на самом деле, — сам с собой и с каждым из нас.

Дети, вы станете старше, а потом вы сами поймете, сколько в этих буквах слез и боли ...

Жаботинский взял эту песню, этот неофициальный национальный гимн еврейской диаспоры, и использовал ее в качестве отправной точки. Ребе продолжает учить своих детей, продолжает вздыхать о вековых гонениях и страданиях, но он продолжает свой урок, говоря: Надо быть сильными, чтобы все пережить, все, с чем мы родились, а утешение можно найти только в силе.

У каждого поколения есть свой букварь, и Жаботинский берет своего реббе, и заставляет его посмотреть на своих малышей, чьи отцы и деды до них столкнулись с враждебным и порочным миром ненависти к евреям, избитые и разрушенные болью, умиравшие от рук народов, которые умели стрелять. Ребе Жаботинского видит своих малышей, которые должны будут вырасти, чтобы столкнуться с теми же мужиками и теми же зверями, и которые столкнутся с оружием народов, и он учит их новому букварю: Молодые люди, учитесь стрелять!.

Не имеет значения, что букварь труден. Неважно, что это странно, и мы это инстинктивно отвергаем. Ребе должен научить своих детей тому, что из всех потребностей национального возрождения, стрельба является самой важной ... Мы вынуждены учиться стрелять, и бесполезно спорить о принуждении к исторической реальности.

В реальной жизни было слишком мало раввинов, которые преподавали Торат Хаамим своим детям, а в Восточной Европе во времена Жаботинского его поносили и осуждали за новый букварь. Фашист, фюрер, милитарист - были лишь некоторые из наиболее «добрых» эпитетов, используемых его врагами и теми, чье отсутствие видения и робость не давали им узреть реальность происходящего. Они смотрели на часы и видели шесть часов, а у Жаботинского была уже полночь.

Поскольку они его осмистывали, и поскольку они не учили евреев понимать свою эпоху, и поскольку еврейским юношам было сказано не учиться стрелять, чёрная ночь опустилась на европейское еврейство, обнаружив его неподготовленным, плохо подготовленным, нетренированным и am haaretz (невеждой) в Торат Хаамим. За своё невежество и безответственность по отношению ко всем общинам они заплатили миллионами жизней. Если горстка врагов могла легко преследовать тысячу евреев, это было потому, что они владели искусством стрельбы, в то время как еврей — человек книги, оказался беззащитным в своей некомпетентности. У народов были винтовки, а у нас — нет. Еврейский отказ был оплачен самым высоким штрафом.

Каждому еврею — оружие! Пусть прокричат об этом, и пусть эта образовательная программа продолжается. Пусть будет преподаваться этот букварь еврейским юношам и девушкам. Пусть учебные залы будут наполнены еврейским усердием и глубоким изучением. Молодые еврейские мужчины и женщины, учитесь стрелять! Жадно перенимайте у нееврея это единственное искусство, в котором он нас превосходит. Изучайте, осваивайте, потому что мы не смеем быть невежественными, как были наши предки до нас, и мы не можем повторять ошибок прошлого. Если еврейские кварталы становятся жертвами грабителей, насильников и воров, поскольку хорошо известно, что у евреев и в еврейских домах нет оружия, пусть это изменится. Если евреи становятся жертвами гангстеров и хулиганов, потому что еврей не вооружён, пусть будет по-другому. Если имидж еврея — это робкий и невежественный в Торат Хаамим человек; если народы мира смеются над нашей отсталостью и уверенно бьют нас за это, то пусть Торат Хаамим также выйдет из Сиона, и пусть голос еврейской

силы зазвучит из каждого еврейского квартала и дома. Если есть разница в уровне преступности и насилия по отношению к аутсайдерам в итальянском квартале по сравнению с еврейским, то причина в том, что в мозгах у одних аутсайдеров есть место образу пистолета, тогда как в мозгах у других — всего лишь куче благоглупостей.

Если есть те, кто в последующие дни принесут на эти берега «ночь длинных ножей», думайте о них без страха; пусть они слышат, что евреи учат новый букварь. Хулиган и гангстер будут не так спешить затоптать евреев, если из их собственных носов будет литься кровь, и если за еврейскую жизнь придётся расплатиться своей собственной.

Проблема не в неевреях, а в евреях. Нужно менять свою психологию и то, как они смотрят на пистолет. Они должны понять, что в мире, где нации владеют искусством стрельбы, выживание евреев зависит от еврейского знания того же и от знания нееврея о том, что еврей обладает таким знанием. Дикая собака боится кнута; безумный антисемит боится оружия.

Имея эти навыки, он должен знать, чем их применение закончится для него самого. При всей любви к миру и спокойствию, молодые евреи должны «учиться стрелять».

41. Программа ЛЗЕ «Каждому еврею — оружие»

Мы не были дураками. Никто из нас не ожидал, что в случае появления нового Гитлера, ЛЗЕ сможет спасти американское еврейство. Ни одна и ни сто ЛЗЕ не смогут этого сделать. Но это было начало, с местными бандитами можно было бы справиться легко и быстро, если бы евреи знали, как. Это был квартал с локализованной ненавистью, нападениями и антисемитизмом, которые могли быть нейтрализованы и наказаны, вот почему ЛЗЕ решила в августе 1971 на серьёзную кампанию под названием «Каждому еврею — оружие!». Основным импульс был дан жестоким и бессмысленным убийством бывшего заключённого концентрационного лагеря 59 лет, Бенджамина Спивака. Два человека зашли к нему в магазин и попросили яблочный пирог. Спивак ответил: У нас нет яблочного пирога. Один из мужчин вытащил пистолет и убил его.

Квартал Восточного Флэтбуша, где произошло убийство, был когда-то тихим, преимущественно еврейским районом. Находясь на грани того ужаса, которым стал Браунсвилл, он начал меняться. Преступность росла быстро, обычными становились кражи и грабежи, и Спивак был не первым убитым торговцем. ЛЗЕ начала патрулирование этого района, но прекратила, поскольку жители отказались разделить с нами нагрузку. Теперь Спивак был мёртв, и весь квартал был испуган и возмущён. Я сразу же объявил о программе самообороны, в которой участвовали ночные патрули, оснащённые рациями и легальным оружием. Охранники в отдельных магазинах были вооружены. Проводилась проверка коренных жителей квартала, чтобы предупредить их, что мы ожидаем, чтобы они задерживали и сообщали нам обо всех буйных студентах. Велась кампания против уговоров жителей дёшево продавать жилье из страха перед засильем негров, что было практикой агентов по недвижимости. Бытовала поговорка: Что к риелтору попало, то пропало. Однако, прежде всего, я сказал, что хочу заставить всех евреев Восточного Флэтбуша и города приобрести легальное оружие и научиться стрелять. Я заявил, что хочу, чтобы у каждого еврея был пистолет, и чтобы еврейский квартал приобрёл репутацию опасного, ошетилившегося оружием. Естественно, и полиция, и мэр Джон Линдси яростно напали на этот план, а Линдси сказал, что решением было бы запретить оружие. Я ответил, что, когда г-н Линдси убедит всех хулиганов отказаться от своего оружия, ЛЗЕ откажется от своего.

В жаркую ночь 30 августа более 1500 человек из Восточного Флэтбуша собрались в средней школе Тилдена, чтобы выслушать мой план под названием Каждому еврею — оружие и повернуть дело вспять с помощью еврейской силы. Были розданы бланки заявок и заказов на ружья и пистолеты. Я гневно напал на мэра Линдси и полицию за то, что они не выполняли элементарную работу по защите граждан, и сказал толпе, что трагично, что убийство привело к осознанию того, что философия ЛЗЕ была правильной.

Вы делали здесь то, что евреи делали давно и хорошо. Вы должны прекратить отступать, когда вас выталкивают... Мы не позволим этой общине стать ещё одним Браунсвиллом.

Решительные попытки не дать еврейским общинам превратиться в Браунсвиллы означали попросту ликвидацию уголовщины, насилия, террора и паники, породившей бегство и разрушение еврейских общин, живших там на протяжении десятилетий, вместе со своими синагогами, центрами, школами и другими учреждениями, которые было бы невозможно заменить на новом месте, даже за пятикратную начальную стоимость. Это означало оградить бедных и обездоленных евреев, отчаявшихся купить дорогой дом в другом районе, от душераздирающих картин отъезда соседей с достаточными средствами, оградить квартал, который был родным много лет, от превращения в кошмар, в то время как из-за финансовых проблем бедные жители не могли выехать.

Вот почему, с самого начала, мы приходили в периферийные кварталы, которые изменялись, но которые все ещё можно было спасти, и пытались их стабилизировать. Все усилия других групп делать то же самое были бесполезны, так как самые разумные цены и самые выгодные покупки не могли преодолеть великое препятствие - страх. Итак, чтобы остановить исход старых жителей и стимулировать приток новых, нужно было ликвидировать преступность и насилие. Поскольку полиция либо не желала, либо не могла что-то с этим поделать, мы начали организовывать районные патрули против преступности.

По большей части в них были задействованы автомобили, оборудованные двухсторонними рациями, в которых находились четыре человека, вооружённые битами, трубами, и, если было разрешение, огнестрельным оружием. Они патрулировали район с раннего вечера до примерно 2:00 утра. В других районах, особенно там, где строились многоэтажные здания, автомобили были не нужны и бесполезны. Здесь на каждое здание было назначено по несколько человек, которые патрулировали вестибюли, лифты, проверяли этажи.

С самого начала мы столкнулись с двумя проблемами. Одной из них была огромная стоимость. В большинстве районов было необходимо не только иметь большое количество автомобилей (не все были готовы как волонтеры использовать свой автомобиль), но и стоимость раций была непомерно высокой. Мы также хотели установить специальную аварийную сигнализацию в еврейских учреждениях, которая должна была выходить либо на местное отделение полиции, либо на ближайший офис ЛЗЕ. Это стоило таких денег, которых у нас попросту не было, и надежда получить их от жителей квартала, которых мы должны были защищать, была иллюзорной. Была ещё и вторая проблема.

Жители, жившие в страхе, не желали выделять ни денег, ни своего времени, чтобы принимать участие в патрулировании. И тут мы столкнулись с парадоксом. Всякий раз, когда мы приходили в район, преступность уменьшалась, как из-за страха перед нами, так из-за внезапного пробуждения «мёртвой» полиции, которая стала теперь странным образом способной найти достаточно людей. Присутствие полиции, падение преступности, а также то, что конкретные убийства или другие ужасные преступления, на короткое время взбудоражившие сообщество, теперь перестали беспокоить, приводили к тому, что воцарялись обычная апатия и безразличие, и члены ЛЗЕ оказались вынужденными сами защищать этот район.

В отчаянной попытке продолжать кампанию, мы обратились в ноябре 1969 к крупнейшим еврейским организациям с призывом поддержать нашу операцию Хагана (Защита) стоимостью 100 000 долларов. На самом деле, это была абсурдно низкая стоимость защиты многих кварталов, которые умирали. Ни одна общественная организация не откликнулась на нашу просьбу. Уилл Маслоу из Американского еврейского конгресса утверждал, что он вообще её не получал, добавив: А если бы мы получили такую просьбу, мы бы ее выбросили в мусорную корзину. Ответ был типичным для высокомерного, бесчувственного ассимилированного функционера еврейского истеблишмента. Маслоу был одним из худших примеров этого бедствия.

Арнольд Форстер из АДЛ назвал нашу просьбу хуцпа (наглость) и отметил, что АДЛ всегда действовала эффективно и успешно, совместно с законными правоохранительными органами. Дело, разумеется, было в том, что мы пытались защитить не АДЛ, а терроризированные еврейские кварталы, с которыми АДЛ не имела связи, и которые имели свой печальный опыт с законными правоохранительными органами.

Таким образом, наше стремление защитить кварталы имело успех всякий раз, когда еврея убивали, и терпело неудачу по прошествии трёх недель, поскольку из памяти стиралась несчастная жертва и уходили страхи,

порождённые этой смертью. Наши проблемы также усугублялись числом людей, которые, в классическом состоянии «геттоизации», больше боялись тех, кто пришёл им на помощь, чем преступников, которые терроризировали их. Бойцы Варшавского гетто узнавали в этом синдроме свой собственный болезненный опыт. Уильямсбург был как раз таким примером.

42. Уильямсбург

Уильямсбург, бедный, захудалый квартал в северном Бруклине, между Ист-Ривером и другими такими же захудалыми районами, как Гринпойнт и Бушвик. Это смешанный квартал со множеством пуэрториканцев, небольшим количеством негров и большим количеством евреев, в основном, хасидов. Воровство, грабежи и избиения, имевшие здесь место, записаны в полицейских протоколах 90-го участка. Изнасилования еврейских женщин не зарегистрированы, потому что это связано с позором.

В июне 1970, молодая чернокожая девушка прошмыгнула между двумя машинами и попала под грузовик в Уильямсбурге. Шофером оказался еврей-хасид. В результате несчастного случая, трое суток продолжалась эскалация нападений на евреев, в том числе, с применением зажигательных бомб. Полиции нигде не было видно, а газеты полностью молчали об этом событии. Оповещённая об этом ЛЗЕ прибыла и трое суток сражалась с хулиганами. В одном незабываемом случае члены ЛЗЕ со всего города, включая религиозных и нерелигиозных евреев, преследовали толпу до их логова, ворвались в клуб, который служил центром их деятельности, избили тех, кого там нашли, и опрыскали клуб смесью, используемой полицией, которая вызывает кашель, удушье и слезотечение. Самым важным в этот вечер было то, что большое количество хасидской молодёжи из этого квартала приняла участие в защите Уильямсбурга и присоединилась к ЛЗЕ, молотя хулиганов по головам, позволенные только потерпевшей стороне. Такова была счастливая часть несчастной истории.

А грустная часть заключалась в том, что я и ряд других членов ЛЗЕ были арестованы, что явилось реакцией официального еврейского истеблишмента Уильямсбурга, поспешившего объявить прессе, что они не приглашали ЛЗЕ.

Это было то, что мешало и, в конечном итоге, разрушило усилия ЛЗЕ по созданию постоянных и успешных патрулей в Нью-Йорке, в районе Маттапан-Дорчестер в Бостоне (где ЛЗЕ организовала своё второе отделение в ноябре 1969) и в Филадельфии (наше третье отделение).

Неспособность евреев помочь самим себе была самым неприятным в наших усилиях помочь им. Нас на самом деле не заботило то, что удобно устроившиеся евреи не поддерживали нас — мы этого никогда и не ждали. Но апатия и страх части еврейской бедноты были необъяснимыми и досадными.

Ибо не было никаких сомнений в том, что, хотя богатый еврейский истеблишмент ненавидел и боялся ЛЗЕ, простые евреи, евреи из угнетённых районов любили и принимали нас. Они знали, что только ЛЗЕ достаточно озабочена тем, чтобы хоть что-то для них сделать, что ее члены приезжают в их квартал и даже живут там. Когда маленькая синагога Халь-Адат Сохохов в Боро-парке, Бруклин, была атакована в Йом Киппур в 1970, а ее евреи избиты и терроризированы, ЛЗЕ прибыла, прошла по кварталу, сказав пуэрториканцам, что мы разобьём их головы. Это был страх перед реакцией ЛЗЕ, который побудил полицию к действиям и арестам. Вот почему 500 евреев вышли в канун праздника Шмини Ацерет, чтобы послушать моё выступление перед маленькой конгрегацией Охель Авраам, где был зал для, примерно, 150 человек. Именно поэтому полиции пришлось перекрыть улицу, когда 1500 человек собрались возле небольшой синагоги Поалей Агудат Исроэл в Боро-парке в Пэсах 1971. Трагедия заключалась в том, что они любили ЛЗЕ, любили слушать мои выступления, а потом шли домой и ничего не делали.

Жаботинский как-то сказал: Однажды, у горы Синай, евреи сказали: Мы исполним и услышим. Со мной, они говорят: Мы услышим и не сделаем.

Я точно понимаю, что они имеют в виду.

43. «Хавдала». Невежде не различить...

Эти евреи боятся насилия — это понятно. Но жаль, что они приравняют насилие к насилию, смешивая любые виды насилия в одном негативном понятии, и не умея дифференцировать их. Это то, что у них называется «не по-еврейски».

Хамавдил бейн кодеш л'хол, бейн ор л'хоших, бейн Исроэл л'амим, бейн йом ха'шви л'шешет йомей хама'азе (Тот, кто разделяет и отличает святое от будничного, свет от тьмы, Израиль от народов, седьмой день от шести дней деятельности...) — это текст молитвы ХАВДАЛА на исходе Субботы. Так начинается новая неделя в каждом еврейском доме. Суббота подошла к концу, и ночь следующего дня началась с семьёй, собравшейся вокруг чаши вина, свечей и специй, чтобы провозгласить разделение, Хавдалу, отделение еврея и всех его путей от язычников. Так начинается неделя для евреев, когда они обращаются ко всем и каждому с традиционным пожеланием Агут вох, Шавуа тов, —Доброй недели.

На самом деле, евреи произносят свою Хавдалу раньше, чем они возвращаются из синагоги. Во время вечерней (ма'арив) службы они вставляют в первое из средних благословений молчаливой Амиды — шмонеэсре, те же слова, которые позже они повторят дома за чашей вина. В самое первое благословение, которое начинается Да передашь ты человеку знания и научишь человеческой мудрости, раввины вставляют Хавдалу, молитву о разделении. И, вполне предсказуемо, раввины Талмуда ломают головы над вставкой в этом конкретном случае больше, чем над любой другой. И они отвечают: причина, по которой Хавдала, разделение, нашла своё место в благословении о знании и мудрости, объясняется суровым, простым и неизбежным фактом: если человек не обладает знаниями и мудростью, он никогда ничего не сможет отличить. По словам раввинов: Если нет знаний, как можно различать? (Иерусалимский Талмуд, глава Брахот V: 2).

Печально, что многие из нас никогда не произносят Хавдалу — ни в конце Шаббата, ни в середине недели, ни в какое-то другое время своей жизни. Это ещё печальнее оттого, что многие из нас уже давно перестали быть способными отличать из-за неспособности понять, что существует такая вещь, как разделение. А самым печальным является тот факт, что тот, кто не знает и, следовательно, не может разделять и не разделяет, приносит бедствие всем нам своей близорукостью.

Вот почему у нас находится еврей, который, когда дело касается еврейской воинственности против антисемитов в Бруклине или во всех Бруклинах Соединенных Штатов, кричит обычно из Грит Нека или из всех Грит Неков Соединенных Штатов: «Насилие! Всякое насилие ужасно, и мы оплакиваем хулиганство, будь они еврейское или нет». Невежде не различить...

И действительно, мы постоянно находим такие уравнивания в морализаторской либеральной прессе, где постоянно публикуются осуждения израильских нападений в сочетании с таким морализмами, как: Израиль, безусловно, нарушает этическую и моральную позицию своего дела, когда он совершает насилие, уносящее человеческие жизни. И мы, конечно же, слышим от интеллектуалов и духовных людей аналогичные уравнивания насилия Израиля с арабским насилием, израильского убийства с арабскими убийствами, израильских бомб с арабскими.

Давно настало время понять, что бомбардировка британцами Дрездена была не такой же, как бомбардировка Британии самолётами Люфтваффе; что падение атомной бомбы на Хиросиму было не тем же самым, что и взрыв японцами Шанхая; что насилие против зла — не такое же, как насилие против добра; и что иногда требуется насилие, чтобы сохранить все, что истинно и прекрасно в мире. Правы евреи, которые защищают других евреев от насилия с помощью насилия.

Настало время прокричать: Вы что, с ума сошли? Есть разница. Существует различие между террористами, захватившими Лод и убившими невинных людей, и убийством террористов Израилем в ходе ответных действий. Существует различие между тем, кто пришёл убить, и тем, кто не дал себя убить. Существует различие между тем насилием и этим насилием, и всякий, кто не может этого понять, идиот.

Возможно, есть надежда, что, когда человек совершает Хавдалу однажды или дважды, или ещё чаще, он сможет ещё научиться разумно праздновать субботу и различать истину и ложь, смысл и бессмыслицу.

Хавдала, разделение. Еврей, который берет пистолет и пытается защититься от антисемита, не такой же, как тот антисемит, который хватает его, чтобы убить. Еврей, который патрулирует улицы взволнованного и запуганного еврейского квартала, не такой же, как хулиган, насильник, грабитель, против которых патрулируют воинственные евреи. Жестокий Хашмонай Матитьяху был не таким же, как греческий угнетатель, которого он убил. Жестокий Моисей был не таким же, как жестокий египтянин, которого он убил. Жестокие евреи на протяжении многих столетий, от Еошуа бен Нуна до Менахема Бегина, были не такими же, как их враги, хотя в каждом поколении всегда существовали евреи, не понявшие Хавдалу и позволяющие проводить такое уравнивание.

Это то, чему ЛЗЕ пыталась научить евреев: насилие — всегда плохо, но иногда необходимо, а еврейское насилие для защиты еврейских интересов никогда не бывает плохим.

44. Гордость Горы

Еврейское насилие предназначено для выполнения нескольких задач:

1. Изменить образ еврея и внушить антисемиту, что еврейская кровь не дешёвая, и что еврей не всегда будет беспомощной жертвой.
2. Защитить еврейскую собственность, людей и их жизни, давая знать ненавистнику евреев, что ему грозит потеря собственной жизни.
3. Ликвидировать еврейские неврозы и страхи, которые вносят свой вклад в усиление антисемитизма, а также разрушить убеждение евреев в их собственной никчёмности. Мы хотим внушить еврею самоуважение и уверенность в себе, чтобы он устыдился быть трусом.
4. Научить евреев, что боль каждого из них является и его болью, и что он обязан сделать все необходимое, даже применить насилие, для защиты другого еврея.

У меня была привычка заканчивать большинство моих выступлений цитатой из великолепного Двар Тора (слова Торы) покойного всемирно известного учёного раввина из Гура, который сказал:

Нам говорят, что, когда Б-г решил дать Тору еврейскому народу, то вместо того, чтобы выбрать какую-то высокую и величественную гору, Он выбрал Синай, маленькую, скромную гору, похожую, скорее, на холм. Его цель в этом символическом акте состояла в том, чтобы показать, что человек должен избегать чрезмерной гордыни и отвергнуть ложное эго.

А потом Ребе спросил: Хотя намерения Б-га действительно похвальны, но, если Он намеревался показать, что человек не должен быть горой и должен отвергнуть ложную гордыню, то почему Тора не была дана в долине?

Ответ, который он дал, ясен и смел: недостаточно отвергнуть гордыню. Слишком много смирения, само по себе, неправильно. Человек должен, человек обязан обладать некоторой гордостью за своё бытие, иначе он не человек.

Я никогда не перестаю удивляться тому, что мы продолжаем пребывать в долине. Я никогда не перестаю удивляться тому, что мы выбираем путь кротких. Можно было бы представить, что после всех вандалов, которых мы, евреи, встречали, после помощи полиции, которую нам не удалось получить, мы должны были бы вспомнить уроки горы.

Бывают моменты, и особенно сейчас, когда от нас требуется не только «голос Якова», но ради еврейской чести, ради защиты евреев, мы должны пустить в ход «руки Эсава».

Есть те, кто будет утверждать, что это не еврейский путь. И все же, с каких пор стало мицвой быть униженным и избитым? С каких пор надо плевать на Киддуш ХаШем (Освящение Имени Б-га)? Это не Киддуш ХаШем, а нечто вовсе противоположное. Этим мы позорим не только наш народ, но и нашего Творца.

Вандалы атакуют синагогу? Пусть эта синагога атакует вандалов. Если банда убивает еврея, пусть группа евреев идёт на поиски банды. Это гордость, а не злая гордыня: гордость народа, гордость рода - гордость Горы.

Глава V.

Я еврей

45. «Я еврей, и это – главное»

В воскресенье, 21 марта 1971, тысяча триста сорок семь евреев сделали то, что их предки отказывались делать тридцать лет и шесть миллионов еврейских жизней назад. Еврейская молодёжь из Нью-Йорка, Бостона, Филадельфии, Детройта, Кливленда, Монреаля и других удобных мест вышла из апатии и отправилась в Вашингтон на одну из демонстраций, устроенную ЛЗЕ. Там они упёрлись в Белый дом, выслушали речи, напомнившие им о том, что случилось, когда евреи молчали. И тут же они перестали молчать, но стали шумными, решительными и отправились к советскому посольству, где сели на тротуар.

Вместе с присоединившимися к ним, они тысячами сидели на улице. Несмотря на то, что сотни полицейских предупреждали, что они будут арестованы, они сидели на улице. Они сидели на улице, пели еврейские песни, скандировали еврейские лозунги и делали евреев ещё прекраснее, чем раньше. Молодёжь с кипами на головах сидела на улице вместе с теми, кто был неграмотным в иудаизме. Коротко стриженные студенты ешив и длинноволосые левые; хорошо и плохо одетые евреи. Еврейская молодёжь сидела, и Вашингтон содрогался от громогласного крика — сядь, сядь, сядь — в адрес застенчивых взрослых, которые пришли с вежливым протестом, и зевак, которые пришли просто поглазеть под громоподобные крики: «Сейчас же отпусти мой народ!» и невероятные скандирования: «Мы евреи / Мы горды, как никогда / А если это вам не нравится / Мы закричим об этом ещё громче». И, когда полиция начала их арестовывать, они шли с сияющими лицами, поднятыми кулаками, светящиеся и гордые, заполняя полицейские фургоны и специальные автобусы, которые пригнали, чтобы отвезти их в полицейские участки. Никогда в истории столицы до этого момента не было такого количества арестованных. Тысяча триста сорок семь человек. Само по себе это было невероятно, а ещё невероятнее было то, что все они были евреями. И самое невероятное было то, что они были арестованы за еврейское дело.

Я не знаю, понимает ли обыватель огромную значимость, революцию, которую это собой являло. После возникновения Лиги Защиты Евреев не было странным слышать об арестах евреев за что-то. Но то, что произошло 21 марта 1971, было совершенно отличным, потому что вместо ареста за Вьетнам, Анголу, чикано, негров, индейцев или эскимосов, в первый раз огромное количество молодых евреев стали смотреть на себя не с самоненавистью или отсутствием интереса, а с гордостью и чувством собственного достоинства. От времени, когда еврейская молодёжь смотрела на себя и спрашивала: «Кто я?», и ответом было: «Не знаю» или, что ещё хуже, «Да какая мне разница», мы перешли ко времени, когда тысячи еврейских юношей оказались готовыми отправиться в тюрьму, смотря на себя в зеркало и говоря: «Я еврей — это прекрасно. Я еврей, и все еврейское прекрасно. Я еврей, и это — главное».

Вот что реально произошло 21 марта 1971. Не только то, что дело советского еврейства выплеснулось на первые страницы газет во всём мире, хотя и это было правдой. Но произошло нечто большее: больше того, что мы сделали для евреев СССР, они сделали для нас. Самое главное, что произошло в Вашингтоне в тот день — это то, что славный день был увековечен знаком, изготовленным ЛЗЕ, с надписью: «Я был в Вашингтоне 21 марта 71. А где был ты?». Это были слова молодых евреев, попавших в тюрьму. Примечательны слова 16-летней Линды Кесслер, которая сказала, что она совершила поездку, потому что она увидела плакат ЛЗЕ с советской карикатурой, на которой был изображён еврей, повешенный на Звезде Давида, с подписью под ней: Вот что надо делать со Звездой Давида.

«Когда я это увидела, — сказала она, я поняла, что должна поехать, потому что мы горды тем, что мы евреи, потому что мы никогда не будем снова молчать, и потому что, может быть, поколение не даст больше вешать евреев».

И ещё был Барт Бродински, 16-летний юноша из престижной высшей научной школы в Бронксе, сказавший в ожидании ареста:

«есть слишком много равнодушных евреев, которые выступают за пуэрториканцев, негров, индейцев и за все меньшинства, кроме евреев. Я тоже выступаю за них, но как же оставить евреев на произвол судьбы?»

Мой отец думает, что если он служил в армии во время войны и делал все от него зависящее, то все О.К. Так думает и моя мать, связанная с организациями Адасса и Бнэй Брит. Это — ни на что не влияющие организации, которая любят и жалуют каждого за то, что он человек.

Любить и жаловать — недостаточно, ни для шести миллионов тех евреев, ни для шести с половиной миллионов этих».

Потом Барт отправился в тюрьму, а 56-летний Луис Цукерман потрянул головой и сказал репортёру: «Это ерунда». Бедный Луис Цукерман...

На глазах Цукермана, бывшего неспособным распознать трагедию, созданную им и его поколением, происходило то, что еврейская идентичность возрождалась тысячами евреев, бывших частью потерянного поколения. На протяжении десятилетий еврейский истеблишмент возглавлял духовное и национальное уничтожение молодых американских евреев с помощью их родителей, которые не возражали против руководства истеблишмента, так как они в значительной степени именно этого и хотели.

Евреи, миллионами прибывавшие в Америку с верой, традицией и еврейской гордостью, смотрели на внуков, которые во множестве просто плевали на своё еврейство, и также просто начали вступать в смешанные браки, ассимилироваться и присоединяться к не еврейским и антиеврейским делам.

Не нужно было быть социологом, чтобы быть в курсе феномена отчуждения евреев, на фоне которого возникла ЛЗЕ. Статистика, тенденции и повседневный опыт совершенно очевидно доказывали, что ассимиляция и смешанные браки росли с пугающей скоростью. Цифры, которые уже устарели при появлении ЛЗЕ, показывали тенденцию смешанных браков: в 1959 — 17,2%, показатель Нью-Йорка в 1960 — 18,4% и показатель Айовы в 1963 — 53,6%. Эрик Розенталь в своих исследованиях по еврейским смешанным бракам в Соединённых Штатах на 1956 год даёт их показатель 17,9% в Вашингтоне, округ Колумбия, в 1956 от рождённых в Америке родителей. С того времени, разумеется, цифры намного выросли. Еврейские группы, смеявшиеся над статистикой по смешанным бракам, даже не понимали, что реальность гораздо хуже статистики, и не может быть исправлена путём оспаривания методов подсчёта.

Более того, смешанные браки идут рука об руку с ассимиляцией, в результате которой евреи даже не обращаются в другую веру, а просто исчезают с еврейской сцены, не испытывая никакой еврейской приверженности вообще и ни коим образом не нуждаясь в своём еврействе. То, чего многие еврейские группы страстно желали и за что они так упорно боролись для стимулирования смешанных браков — открытые провинциальные клубы, уничтожение социальных барьеров, теперь принадлежало им по праву, и еврейская молодёжь овладевала этим. Их бедные родители только стояли в сторонке и жалобно бормотали: Мы не предполагали, что все зайдёт так далеко. Бедные, глупые евреи.

Молодые евреи просто не видели причин чувствовать себя евреями, и журнал Look от 5 мая 1964 озаглавил статью «Исчезающий американский еврей». Согласно исследованию Калифорнийского университета, около половины из 7 000 исследованных евреев согласились, что смешанные браки стали реальностью и позитивным событием, с которым не надо бороться. Что касается вопроса о смешанных знакомствах, то 60% воспринимают это положительно, добавляя, что лишь бы это не было с чернокожими, что, видимо, было единственным нахасем (радостью), оставшимся для американской еврейской бабушки.

И хотя каждое десятилетие примерно полмиллиона евреев просто растворяются в американском обществе и теряются для евреев как евреи, стало также ясно, что есть такие, которые не исчезли, хотя многие были не прочь, чтобы они это сделали.

Речь идёт о еврейских антисемитах, самоненавистниках, тех, кто прибил к марксистским группам. В каждом таком движении был большой процент сынов завета. Были евреи, которые приветствовали Черных Пантер и поддерживали их, даже когда те извергали свои непристойности против сионистов. Среди евреев были такие, кто присоединялся к арабам на митингах, призывая к демонтажу Израиля – государства поселенцев, и к его замене на Палестину.

Кроме того, были евреи-нигилисты, запутавшиеся, сумасшедшие. Такие, кто, убегая от жизни, увяз в мире наркотиков, такие, чей поиск смысла жизни привёл их к Дзен, к индийским учителям, к Иисусу. Беспокойные, отчаявшиеся, потерянные евреи, присоединившиеся к чужакам, объединившиеся с ними, отвернувшиеся от своего народа.

Именно нехватка еврейской идентичности легла в основу всех других проблем, стоящих перед евреями. Если евреи не боролись за евреев СССР или арабских стран, то в значительной степени это было связано с тем, что многие молодые евреи вообще не чувствовали своей еврейской идентичности. Если возникала проблема склонить людей к защите еврейских районов, терроризируемых преступностью, или добиваться пособий для еврейских бедняков, то и тут причиной было отсутствие еврейской идентичности. Была всего лишь капля еврейской молодёжи, готовой к эмиграции в Израиль, и в центре этой проблемы снова фигурировало отсутствие еврейской идентичности.

ЛЗЕ ясно понимала, что способ преодолеть апатию и отсутствие идентичности состоит в том, чтобы дать молодому отчуждённому еврею дело. Естественная готовность молодёжи выступать за дело, гореть за идеалы, была ключом к возвращению разбредшейся еврейской молодёжи. В то же время возвращение к еврейству стало ключом к возвращению в иудаизм — который, в конечном счёте, является единственной основой еврейской идентичности. Именно это я имел в виду, когда в мае 1971 выступал в переполненной синагоге Бейт Яаков, Колумбус, Огайо: Проблема советских евреев выявила идентичность многих американских еврейских юношей.

То, что происходило с молодыми евреями, рисковавшими чем-то ради советских евреев или ради обездоленных евреев, заключалось в том, что впервые в жизни они действительно что-то делали для евреев. Когда кто-то рискует чем-то ради кого-то, значит, в этом есть смысл для рискующего. Когда молодые евреи шли в тюрьму ради евреев, между заключёнными и их народом создавалась крепкая и тесная связь. Если кто-то не возвращался к своему народу через еврейскую Книгу, он возвращался к нему через еврейскую силу.

И не думайте, что это возрождение еврейской гордости ограничивалось молодёжью. Сколько взрослых, робких, боящихся высказываться, почувствовали всплеск самоуважения, видя гордых, открытых и сильных евреев? Сколько радовались тому, что существует ЛЗЕ? Сколько желали, она не существовала в то время, когда погибали шесть миллионов...

Не было никакой возможности того, что пигмеи, преобладавшие в еврейском истеблишменте, поймут это. В течение целой недели они подвергались преследованиям местного раввина из Колумбуса, Давида Ставского, угрожая как ему самому, так и его синагоге. Согласно газете Jewish Post and Opinion от 7 мая 1971, местное отделение АДЛ делало все, что могло, чтобы заблокировать его участие в выступлениях.

Однако молодёжь это понимала и действовала, заставив даже враждебно настроенного обозревателя Бнэй Брит описать в официальном издании этой группы, National Jewish Monthly (в феврале 1971) моё появление в высшей школе науки Бронкса: «Его аудитория — несколько сот студентов Высшей школы науки Бронкса, элитного учреждения, где средний показатель IQ выше 135, - приветствовала его слова восторженным рукоплесканием».

Путь еврейской гордости – это возвращение к иудаизму через самопожертвование. Это был отличный способ ЛЗЕ, хотя спешу добавить — один из способов. Не может быть никаких сомнений в том, что именно ЛЗЕ

овладевала сердцами и умами многих тысяч молодых людей, делая то, что не могло сделать ни еврейское руководство, ни духовные лидеры, расшевелив их и вернув их обратно к еврейству. Кулак — вещь непростая: он и защищает, он и возвращает...

Как рассказать о молодых людях, которые перешли от холода отчуждения к теплу иудаизма через ЛЗЕ? О тех, кто вообще не был знаком с иудаизмом, и о тех, кто слишком долго наслаждался американским брендом — бейглом с сёмгой, чтобы от него отказаться. О тех, кому было всегда все равно, и о тех, кто проявлял активность в среде Новых левых.

Вот письмо, которое я получил от студента Техасского университета, с которым до сих пор не был знаком:

«Я слышал Ваше выступление в Остине прошлой весной, в то время как решил вступить в Новые левые и другие антивоенные группы. То, что Вы сделали для меня, я никогда не забуду. От волнения, которое я пережил из-за всего, о чём Вы говорили, мой иудаизм ожил, и теперь я не думаю, что он когда-либо умрёт... Вскоре после того, как Вы ушли, мы организовали филиал Лиги Защиты Евреев в надежде заставить евреев в нашем кампусе понять то, что происходит».

В январе 1971 Дов Шперлинг и я прилетели в Торонто, Канада, чтобы поговорить со студентами университетов Торонто и Йорка. Выступления были связаны с запланированной студентами Неделей советских евреев. Я говорил, как всегда. Произнесённые слова были воинственными словами ЛЗЕ, которые отвергают истеблишмент и клеймят его как не еврейский. Газета Гилеля, *Ог* (Свет), опубликовала статью о моём выступлении, написанную Джо Полонски, где говорилось:

Впервые за весь академический 1970-71 учебный год меня вдохновил йоркский форум. Это было поистине трогательное, а зачастую, очень болезненно чувствительное выступление рабби Меира Кахане из Лиги Защиты Евреев. Возможно, самый глубокий эффект, который оказала на меня встреча с Кахане, состоял в том, что за несколько коротких часов я почувствовал, что я однозначно еврей, чувство, которое в последнее время не слишком охватывало меня. Так что, когда все жирные раввины и еврейские бизнесмены презирают раввина Кахане за то, что он не очень еврейский в своём подходе, возможно, им следует принять во внимание, что за 20 лет им не удалось заставить своих детей почувствовать себя евреями более, чем Кахане удалось — за один час...»

Еще одна статья, написанная Стэном Штейнманом, заявляла: «За короткий час он напомнил студентам не только всю трагическую историю евреев, но также её достоинство. Раввин Кахане вызвал дух, давно заснувший в душах еврейской молодёжи. Эмоции и рукоплескания были совершенно невероятными».

Я останавливаюсь на этом конкретном визите, потому что он является ярчайшим примером как трагедии, так и надежды еврейской общины. Тому же визиту в Торонто, который привёл к такому великолепному возрождению иудаизма среди студентов, предшествовала тоталитарная тактика, которой следовал еврейский истеблишмент.

Когда распространился слух о моем выступлении, некоторые лидеры общины связались с директором фонда Гилеля, раввином Элиэзри, и потребовали отменить визит. Тот отказался. Это привело к тому, что Консультативный совет фонда Гилеля, орган Бнэй Брит, который контролировал финансы фонда, стал угрожать не подписывать никакие чеки для проекта рабби Элиэзри, и, согласно газете *Ог*, даже подразумевалось, что рабби Элиэзри может потерять работу.

Примерно за неделю до моего приезда, было созвано совещание в офисах Канадского еврейского конгресса (КЕК), «святейшего престола» канадского еврейства. КЕК попытался убедить студентов отменить приглашение, и когда они отказались, им стали угрожать отменить финансирование всей программы «Неделя советских евреев», несмотря на то, что она никак не была связана с моим визитом. Давление в тот момент было настолько сильным, что рабби Элиэзри был вынужден был поддаться. По словам газеты *Ог*: «Студенты были в ярости».

Последняя попытка помешать мне выступить была сделана на общем собрании Объединённого комитета по связям с общественностью КЕК и Бнэй Брит. И снова студенты проявили твёрдость, и я выступил. Это был

классический случай тоталитаризма еврейского истеблишмента, который способствовал разрушению еврейской молодёжи, а затем, с высокомерием, которое приходит с властью, пытался помешать выражению малейшего инакомыслия.

Попытка провалилась. В одном за другим кампусах по всей территории Соединённых Штатов и Канады, меня приглашали выступать, а присутствие ЛЗЕ привлекало огромную аудиторию молодых евреев, которые каким-то образом почувствовали, что это что-то новое, захватывающее, по-настоящему еврейское. Не имело значения, было ли это выступление бурным, крикливым, которое левые и арабы пытались сорвать, как, например, в 1971, в университете Буффало, где было человек двести левых, рассеянных в толпе, в основном евреев и всяких антиизраильских и анти-ЛЗЕ элементов, оравших до хрипоты, когда я встал на помост и сказал им, что останусь стоять всю ночь, но они не смогут меня заставить отказаться от речи, которая будет произнесена перед спокойной, сочувствующей группой. Результаты были неизменно одинаковы: появление искры еврейской идентичности и достоинства; рост знаний о том, что еврейское прекрасно.

Чарльз Раддок, автор книги Портрет народа, выразился так: «Что бы вы ни говорили о тактике активиста раввина Кахане, ни один объективный наблюдатель американской еврейской сцены теперь не отрицает, что 38-летний ортодоксальный бруклинский боевик и бывший член Бейтара зажигает искру в равнодушных сердцах еврейских детей в кампусах, начиная с 1968, когда он вступил на путь воинственности. Казалось, что эта искра мгновенно превратилась в огромное пламя для евреев, иудаизма, а также - для советского еврейства - от Нью-Йорка до Амстердама».

46. Еврейский «жемчуг»

Без сомнения, самое сложное, с чем мне пришлось сталкиваться после каждого выступления или демонстрации ЛЗЕ, когда происходили аресты молодых членов, были неизбежные визиты или звонки родителей арестованной молодёжи. Многие были в ярости оттого, что я порчу ребёнка, хотя иногда родитель говорил, насколько он (или она) согласны с Лигой и её деятельностью, а затем спрашивал: Но почему это должен быть именно мой ребёнок?

Ответом на этот вопрос было всегда одно: потому что вы, родитель, до такой степени потеряли свой образ жизни, что ваш ребёнок уже не помнит, к чему он призван. Мы должны были взять вашего ребёнка, который является гораздо лучшим евреем, чем вы, хранит сияние идеалов и может почувствовать еврейские слова: Не хлебом единым жив человек....

И причина, по которой это должен быть именно этот конкретный ребёнок, состоит в том, что рынок преданных детей является не таким уж насыщенным, и найти мальчика, способного почувствовать чужую боль и что-то предпринять — это все равно, что найти жемчуг. Найти еврейского юношу, который не собирается защищать всякое дело — от джунглей Мозамбика до офисов Черных пантер, отвернувшись от еврейских страданий; найти еврейского юношу, который смотрит на себя не с самоненавистью, а с гордостью, самоуважением и пониманием того, что красота еврейского народа должна постоянно подпитываться жертвенной готовностью и преданностью; найти еврейского юношу, который знает, что крик еврея в Дамаске или Ленинграде — это его крик, хотя он живёт в Лос-Анджелесе, что страх и бедность еврея в Бруклине касается также его, хотя он живёт в Грит Неке; найти юношу, который больше не боится попасть в тюрьму, когда чувствует обязанность; найти еврейского юношу, который чётко и точно знает, кем он является — это все равно, что найти жемчуг.

И благословен родитель, который имеет такого ребёнка - такую жемчужину - и счастлив тот, кто понимает, какое это сокровище и благословляет его. И горе родителю, который пытается изменить своего ребёнка и сделать его своим собственным жалким отражением, и позор родителю, который пытается это сделать, утверждая в своё оправдание, что он это делает из любви к нему. Это не еврейский образ жизни. Так же, как еврейский родитель забыл все другие истинные еврейские концепции, он забыл о роли и цели еврейского родителя. Никаким божественным указом никогда не устанавливалось, что еврейский родитель должен

вывести в мир врача, адвоката или инженера. Со времён Авраама еврейскому родителю предписывалось вырастить ребёнка, который знает, что важна не жизнь сама по себе, а то, как эту жизнь прожить.

Американский еврейский родитель разрушил своего ребёнка. В то время как Авраам был готов пожертвовать своим сыном на алтаре еврейской веры, американский еврейский родитель возложил своего ребёнка на алтарь пустого, безжизненного материализма и респектабельности. И это не единственная разница между первым евреем и его американским потомком. Всевышний, испытав Авраама, всё же не дал ему убить своего сына. Современный еврей совершает духовное убийство своего ребёнка и всего его поколения.

Все эти евреи, как пастухи, так и овцы, руководители и простой народ, люди, в отношении детей которых опросы и исследования, встречи и доклады выражают беспокойство по поводу отчуждения, ассимиляции, смешанных браков, радикализма, апатии и даже антисемитизма молодых евреев, не должны искать сложные или таинственные ответы на вопрос, где еврейский юноша поступил не так. Ироничные слова Торы во Второзаконии (Дварим) относятся к нам, поскольку обращают нас лицом к истинному источнику проблемы: «Это не на небесах..., но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнить его».

Это – в наших устах, наших сердцах, наши делах и наших поступках. Это мы, американская еврейская община, начиная с семей, которые их породили, и храмов, которые были преумножены для увековечения духовного мошенничества купленных раввинов, и кончая еврейскими плутократами, которые правили всем этим зловонием. Все они — родители, учителя, лидеры и современные раввины – создавали молодого еврейского антисемитиста, радикала, наркомана, апатичного ассимилянта, молодого еврейского не еврея.

47. Борьба за еврейское образование

На протяжении десятилетий еврейский истеблишмент управлял смертью еврейской молодёжи. В своей нескончаемой битве за то, чтобы быть евреем, но не слишком, получить свой кусок пирога и съесть его, чтобы сделать невозможное — расплавиться, но не раствориться, американский еврейский истеблишмент прилагал все усилия, чтобы помешать самому эффективному, и, в конце концов, единственному оружию против ассимиляции и еврейского национального уничтожения: еврейскому образованию.

Спешу добавить, что я не говорю о той грубой насмешке, которая называется еврейским образованием, и которую вынуждены терпеть много сотен тысяч еврейских детей после фабрики бар-мицвы: еврейская школа, религиозная школа, пятидневка, трёхдневка после общеобразовательной школы.

Я помню, как выступал в каком-то университете в набитом до отказа зале, где было множество громкоголосых и откровенных левых. Большинство из них были евреи, о чём ясно сказал один из тех, кто задавал вопросы, начавший свой вопрос с заявления: «Мои родители иудеи», а я троцкист. В конце вечера около пятидесяти молодых евреев, включая многих левых, подходили и спрашивали, могут ли они продолжить обсуждение. Мы все отправились в дом местного раввина Фонда Гилеля, который прокомментировал, что он три года преподаёт в кампусе и никогда не видел большинства этих учеников. Там мы сидели и говорили о том, что значит быть евреем, до четырёх утра. Когда молодёжь стала расходиться, один остановился и сказал мне: Я хочу кое-что сказать вам. В прошлый Йом-Кипур я пошёл в школу, и хочу, чтобы вы знали, почему.

Я решил пойти в Храм (он упомянул, что его очень богатые родители принадлежат к одному из богатых храмов в городе) и помню, что мои родители два часа решали, что им надеть. А когда мы добрались туда, они все время разговаривали с людьми, которые были рядом с ними. Поэтому я решил, что пойду в школу на Йом-Кипур.

Подумайте. Возможно, это одна из самых глубоких и пронизательных историй о закате и падении американского иудаизма, которую мы когда-либо слышали. Это больше, чем история; это крик души еврейского юноши, который ищет себя, который хочет получить своё наследие, но, по-видимому, видит его только у своих материалистических родителей и в позолоченном храмовом мавзолее. И тогда он

отождествляет все, что видит, с иудаизмом; он думает, что это и есть подлинный иудаизм. Неудивительно, что он в ужасе и с отвращением бежит от него. Этот юноша стал продуктом лицемерия, порождённого еврейским домашним воспитанием и образованием в Америке.

В своём доме он видел вопиющее лицемерие родителей, которые отправили его в синагогу, якобы для изучения еврейских ценностей, но которые сами на практике игнорируют их. Юноша, если он чувствителен, реагирует на такое с отвращением и презрением, а если нет, то с полным безразличием. В любом случае, его домашний иудаизм является для него чем-то несущественным и неактуальным.

С другой стороны, существует еврейское образование.

Американский еврей, отвергающий еврейскую ешиву — место настоящего еврейского образования, создающее настоящего иудея, также придумал замену для него — религиозную школу. Здесь, после государственной школы, юноша может получить еврейское образование, но не слишком иудейское. Здесь его можно подготовить к великому дню — бар-мицве, этому отвратительному ужасу, этой непристойной демонстрации, которая взяла точку в жизни ребёнка, которая должна была стать началом, и сделала её похоронным звоном по всему еврейскому. Религиозная школа, которая предположительно должна дать ребёнку не религию, а культуру, достаточную для того, чтобы он женился на еврейке, а не на «шиксе» Мэри. Увы, это главные планы еврейских родителей...

Конечно, такого не должно быть. Невозможно дать еврейским детям еврейское образование со всеми вопросами традиционных ценностей, которое прекращается в 13-летнем возрасте и смешивается со светским образованием в колледже, и ожидать чего-то другого, чем то, что из этого получается. Столкнувшись с яркими профессорами, которые цинично разрушают его детские иудейские убеждения, еврейский юноша отправляет своё иудейство в кучу мусора средневековой бессмыслицы и доводит свою интеграцию до её логического конца. Он отвергает еврейство. Он ассимилируется. Он встаёт на защиту любых нееврейских дел, поскольку они начинают иметь для него смысл.

Но в то время как отдельный еврей просто проявляет равнодушие к настоящему еврейскому образованию, еврейский истеблишмент, видящий в нём опасность, втыкает в него нож. Этот еврейский истеблишмент, направляемый кучкой ассимилянтов, активно, яростно и упорно делает все возможное, чтобы уничтожить еврейское образование, и, таким образом, осуществляет руководство уничтожением еврейской идентичности. Люди, возглавляющие американскую еврейскую общину, не заинтересованы в гордой, исключительной и отдельной еврейской идентичности и в таком иудаизме, ради которого их предки жили и умирали. Это евреи плавильного котла, которые день и ночь пытаются убедить всех американцев расплавиться. Именно они смертельно воюют с ешивами, бастионом настоящего еврейского образования.

В своём великом и бесконечном стремлении заставить евреев гарантированно уничтожать антисемитизм посредством собственной «переплавки», Бнэй Брит и Американский еврейский конгресс (АЕК) избрали своим самым мощным оружием государственную школу. И благодаря АЕК, люди, более заинтересованные в либерализме и интеграции евреев, чем в сильном, гордом еврейском национализме и самобытности, стали прославлять систему государственной школы и превращать её в одну из многих священных коров еврейского истеблишмента. Цель состояла в том, чтобы «осовременить» еврейских юношей, а государственную школу сделать средством их освобождения от еврейской древности. Таким образом, боевым кличем курильщиков трубок из АЕК стал: Вся власть — государственной школе!

Пусть это запомнится и не забудется: еврейский истеблишмент стоит во главе тех евреев, которые выступают против концепции ешивы и дневной школы, как таковых. Они рассматривают эти вещи, как регресс и сектантство, как вред для интеграции евреев в русло американской жизни. Из-за этого, а не из-за красной тряпки религии против государства, возникла яростная оппозиция истеблишмента против малейшей попытки изменить барьеры для федеральной помощи частным школам. Это из-за их базисного комплекса неполноценности и стремления ассимилироваться, они стали бороться с мерами по поддержке даже тех либеральных демократов и республиканцев, которые осознали необходимость оказания помощи частным школам.

И как они боролись за каждый пенс, прямо или косвенно выдаваемый правительством частным школам, находящимся под жестоким давлением! Сколько еврейских денег ушло в битву еврейского истеблишмента в судах за то, чтобы свалить федеральную и государственную помощь ешивам! Сколько духовных могил они выкопали и сколько молодых евреев они там похоронили!

Повторяю: Американский еврейский конгресс, Американский еврейский комитет, Бнэй Брит и все патриции, которые могут позволить себе говорить от нашего имени, в принципе категорически против настоящего еврейского образования в виде дневных школ, поскольку эти школы угрожают интеграции евреев в русло американского общества.

Опять же, говорю я, забудьте всю бессмыслицу о религии и государстве. Когда еврейские группы действительно хотят чего-то, они способны толковать законы, как им надо. Не верность Конституции побуждает наших обанкротившихся лидеров бороться с государственной помощью еврейским школам, поскольку эти же группы также выступают против крупных грантов от Федерации еврейских благотворительных организаций на еврейское образование. Настоящая оппозиция проистекает из страха и ненависти к еврейским дневным школам, как таковым. Наши патриции хотят легко ассимилироваться, а ярко выраженное еврейство угрожает их усилиям.

48. На что идут еврейские деньги

Общественные деньги американской еврейской общины собираются и распространяются различными олигархиями, известными как федерация. Они накапливают эти деньги, а затем решают, кто будет благословлён их щедростью. Это судьи, от которых зависит жизнь или смерть какого-либо проекта. В столичном районе Нью-Йорка существует самая щепетильная и безупречная из всех федераций — Федерация еврейских благотворительных организаций Нью-Йорка или просто Федерация. Из её фешенебельных офисов в Верхнем Ист-Сайде евреи в серых фланелевых костюмах и с неизменными трубками во рту каждый год проводят акцию по сбору десятков миллионов долларов от евреев Нью-Йорка.

Создавая впечатление, что эти деньги пойдут на еврейские дела, Федерация преуспевает в увековечении одного из величайших мошенничеств нашего времени. Федерация, представляющая высокоорганизованная современную концепцию цдаки (благотворительности), которая не имеет ничего общего с оригинальной тёплой и живой концепцией, является самозваной, недемократичной корпорацией, которой управляет небольшая группа богатых ассимилированных евреев, с небольшими связями с массовой еврейской массой и небольшим пониманием потребностей простых евреев. Не будучи избранными еврейской общиной, они никому не подотчётны и направляют средства, собранные Федерацией, учреждениям и проектам, чуждым реальным потребностям евреев.

В эпоху, когда самой большой проблемой становится отчуждение еврейской молодёжи от своего народа и наследия, когда это явление проистекает непосредственно из примитивного состояния еврейского образования в Америке, когда еврейский истеблишмент яростно борется против всяких попыток смягчить финансовый кризис еврейского образования с помощью государственных средств, эти высокомерные люди отказываются выделить больше малой толики своих денег на это образование.

В то время, когда еврейская молодёжь может рассчитывать только на фарс слепополуденной еврейской школы, заставляющей её смотреть на иудаизм, как на пародию, которую придумали распорядитель бар-мицвы, родители, ищущие респектабельности, и сверкающий, но пустой храм, Федерация отказывается понимать необходимость настоящего еврейского образования. В то время, когда вышеупомянутая еврейская молодёжь входит в свой университет и сравнивает свой балаганный иудаизм с глубиной профессоров-агностиков, левых движений и радикальных дел, что является прямой причиной феномена участия евреев в экстремистском лагере, Федерация позволяет еврейскому движению за дневные школы оставаться нежеланным пасынком, или, в лучшем случае, страдать от абсурдно низких зарплат учителей и тесных зданий, а в худшем — от безразличия.

Причина очевидна. Автократы Федерации — это те же ассимилированные евреи, которые входят в другие группы истеблишмента. Они недовольны еврейским образованием и страстно мечтают о еврейской интеграции. Они также не могут принять идею предоставления средств, которые позволили бы бедным и средним еврейским семьям отправлять своих детей в дневные школы. Они выступают против настоящего еврейского образования, как такового, потому что оно для них чересчур иудейское.

И поэтому люди, в первую очередь виновные в росте отчуждения еврейской молодёжи, продолжают гарантированно разрушать еврейское будущее.

Для больниц, чья клиентура преимущественно не еврейская, так или иначе, всегда можно найти деньги под флагом Федерации. Деньги всегда доступны как для матерей-одиночек, 90 процентов из которых — не еврейки, так и для поддержания общинных центров, которые являются почвой для смешанных браков, а также для любого предполагаемого учреждения, которое мало или совсем не похоже на еврейское дело или потребность.

Но средства для еврейского образования — основу еврейского выживания, выделять запрещено. Деньги на защиту еврейских кварталов от преступности и гангстеризма; деньги для предоставления субсидий на аренду пожилым людям, еврейским беднякам, оказавшимся запертыми в разрушенных и кошмарных кварталах, чтобы они смогли уйти из них; деньги для обеспечения постоянной защиты руками вооружённых охранников для синагог, кладбищ и других объектов, которым угрожает вандализм, оказываются недоступными. Короче говоря, с одной стороны, полуассимилированные патриции борются против государственной помощи еврейскому образованию, а с другой — отказываются предоставить ему своё финансирование.

В марте 1970 ЛЗЕ решила приступить к превращению еврейских федераций Соединённых Штатов в еврейские по сути. В этом месяце роскошные частные офисы президента Федерации Джорджа К. Хеймана младшего (остановимся на мгновение, чтобы насладиться именем еврейского лидера), стали местом трёхчасовой сидячей акции, поскольку новый исполнительный вице-президент Федерации, Стэнфорд Соландер, приступил к своей работе. Были высказаны требования о том, чтобы Федерация пересмотрела свои приоритеты, ограничив все обще-религиозные проекты и резко увеличив средства для еврейских дневных школ, а также — для безопасности еврейских кварталов. После того, как были сделаны все обычные заявления, в том числе и о том, чтобы в июне специальный комитет предоставил отчёт по вопросу образования, г-н Соландер решил, что видит ЛЗЕ в последний раз. Он ошибся.

На следующей неделе был праздник Пурим, во время которого евреи отмечают великое чудо победы над своим заклятым врагом, Аманом. Одна из особенностей еврейской традиции состоит в том, чтобы собраться вместе и прослушать чтение Мегилат Эстер (Свитка Эстер). Каждый раз, когда упоминается имя злодея, Амана, дети, которые слушают, топают и шумят трещотками. Созвучие имён Аман и Хейман было неправдоподобно подходящим. Так что в день Пурима, в действительно престижные и богатые офисы на Уолл-Стрит биржевого брокера Хеймана вошли, примерно, 20-30 молодых людей с трещотками и свитком, который мы написали и назвали Мегилат Хейман, или Свиток Хеймана. После того, как брокеры, одетые в костюмы по \$300, стали в ярости брызгать слюной, а секретари и клерки — хохотать, Свиток Хеймана был прочитан в огромном высоком здании на Уолл-стрит:

Мегилат Хейман

(Свиток Хеймана)

Джордж К. Хейман младший является Президентом Федерации еврейских благотворительных организаций и человеком, наиболее ответственным за её неспособность поддерживать значимое еврейское образование и защиту еврейских кварталов, которые находятся под угрозой. Ему мы посвящаем этот свиток.

1. И было во времена Хеймана, того Хеймана, который правил более, чем ста тридцатью агентствами от Вестчестера до Лонг-Айленда;

2. В те дни, когда хранитель королевской еврейской казны, Хейман, сидел на престоле своего царства, он ввел налог на еврейскую общину Нью-Йорка в пляжный сезон, говоря:
3. Доставьте мне ваши приношения, чтобы благосостояние еврейского народа было хорошо обеспечено.
4. И люди стали охотно давать в царскую казну, потому что они хорошо понимали потребности общины, и делали так, как им предлагал Хейман, чтобы казна была заполнена двадцатью двумя миллионами шекелей золота.
5. И каждый год Хейман пировал со своими князьями и слугами, и всеми людьми, которые жили в Нью-Йорке, показывая богатства своего славного царства и честь своего прекрасного величества.
6. Однако евреи Нью-Йорка предстали перед ним и стали жаловаться, крича: Мы не для этого приносили наши жертвы и десятины, а потому, что мы сгибаемся под игом невежества, а наши дети отрываются от нас, и мы хотим для них еврейского образования. Приходи скорее, мы умоляем тебя и отдаем наше золото для этой цели.
7. Однако Хейман сильно разгневался, и его гнев вспыхнул в нем, когда он услышал эти слова, и он воззвал к людям, которые хотели еврейского образования: Почему вы настаиваете на том, чтобы быть разбросаны за границей и рассеяны между народами, и чтобы ваши законы были отличными от законов каждого народа; давайте забудем эти школы, которые лишь отделяют вас от остальной части Нью-Йорка.
8. Однако люди настаивали, а некоторые объявляли во всеуслышание о помощи из королевской казны, чтобы защитить себя от самой тяжелой криминальной волны, которая поразила их синагоги и жилища.
9. Однако Хейман встал со своего трона и в гневе покинул комнату, ошеломя город Нью-Йорк.
10. И было теперь, что группа молодых евреев увидела страдания своих братьев, собравшихся вместе и постановила, что нечестивому Хейману не должно быть позволено брать народные деньги и игнорировать их просьбы, и они сказали:
11. Давайте создадим Лигу Защиты для наших людей, чтобы они больше не были подавлены этим богатым и злым человеком.
12. И собрали они свои силы и ворвались во дворец, где Хейман сидел, считая своё золото, и сказали ему: Если мы найдём благоволение в твоих глазах, пусть народная петиция обратит на себя внимание, чтобы наши дети и наша община не были сметены невежеством и ассимиляцией.
13. И сказал им Хейман: Кто вы и что вы, что подвигло дерзость сердец ваших говорить мне это?
14. И Лига Защиты сказала: Потому что ты противник и враг, точно как тот злой Аман.
15. Тогда Хейман испугался народа, который закричал: Больше не дадим денег Хейману, пока не будет отменен злой указ. И да будет так с человеком, который бросает вызов народу.
16. В тот же день дом Хеймана, известный как Федерация, был возвращён народу, и евреи ощутили свет и веселье, утешение и честь.
17. Лига Защиты была велика среди евреев и приняла множество братьев своих, ищущих благо для своего народа и говорящих о мире для всех их потомков.

49. «Дни по снижению стоимости недвижимости»

Иудаизация Федерации продолжалась разными придуманными и раздражающими путями. Опираясь на прецедентное решение суда, дающее активисту за гражданские права негров и комическому актеру, Дику Грегори, право спокойно пикетировать частный дом мэра Чикаго, Ричарда Дейли, мы решили сделать то же самое в отношении частных домов лидеров Федерации.

Мы учли (1), что они жили в эксклюзивных кварталах с ценной собственностью в чрезвычайно роскошных районах, (2) что все соседи находятся дома в воскресенье утром и (3) что мирное присутствие бородатых, неопрятных, длинноволосых людей типа хиппи, разгуливающих перед домами Хеймана и компании, не было рассчитано на то, чтобы жители чувствовали себя хорошо настроенными к соседу, который стал причиной этой неожиданной чумы, и (4) это не способствовало бы высокой стоимости недвижимости, и синдром «там-по-соседству» привёл бы к резкому падению популярности квартала г-на Хеймана и компании.

Так что прозвучал клич к бородатым, неопрятным, длинноволосым людям, типа хиппи, в которых не было недостатка в ЛЗЕ, и по воскресеньям утром стали проводиться дни по снижению стоимости недвижимости в Вестчестере— Лонг-Айленде. Разъярённые г-н Хейман и Федерация не были рады, когда в октябре 1970 офисы Федерации сделались местом более продолжительной и активной сидячей акции ЛЗЕ. Их сердитый ответ состоял в том, что они обратятся в суд за судебным постановлением, запрещающим ЛЗЕ вступать в их дела. Однако их ещё больше напугало то, что, когда началась их новая кампания по сбору средств, пикеты ЛЗЕ стали неожиданно появляться во время завтраков и обедов синагог для сбора денег для Федерации, а также в банках, спонсируемых Федерацией. Пикетчики раздавали листовки, описывающие проблему, и гласящие: «Федерация — это нееврейское учреждение, которое не имеет права называть себя еврейским и навязывать свои требования еврейской общине. Еврейская федерация — это та, которая рассматривает права евреев как первичные, а еврейские потребности занимают первое место в порядке приоритетов. Это не та, которой управляют страшные люди, стремящиеся к ассимиляции и использующие средства общины, чтобы купить себе место в сердцах неевреев.

Еврейский народ в силе положить конец этой шараде. Федерация не может существовать в её нынешнем виде без поддержки простых евреев. Каждый еврей, каждая синагога должны ставить Федерацию в известность о том, что она не приветствуется еврейскими фондами в её нынешнем виде. Сбор средств для Федерации не должен быть разрешён ни в одной синагоге, и ни один еврей не должен отдавать ей свои деньги.

Пришло время создать представительную общинную организацию для распределения еврейских денег, которые собираются евреями у евреев для еврейских целей. Настало время, чтобы такая новая Федерация, контролируемая народом, поставила на первый план еврейские приоритеты. Настало время отказаться от всякой бессмыслицы, которую пусть поддержит тот, кто хочет её поддержать, Федерация же будет распределять еврейский бюджет на еврейское образование, защиту евреев и всеми прочие реальные потребности евреев. Пусть каждый еврей возложит эти требования на своего раввина, свою синагогу и собственную совесть».

Протесты и давление начали приносить плоды, и Федерация ушла в оборону, хотя и старалась отступить как можно меньше, и, насколько это возможно, подешевле. 9 ноября 1970 состоялся попечительский совет Нью-Йоркской федерации еврейских благотворительных организаций. Он, кроме всего прочего, обсудил доклад Функционального комитета по еврейскому образованию, в котором рассматривалась проблема средств, необходимых для еврейских школ.

Не упускайте из виду, что отчёт возник только из-за растущих, воинствующих протестов против отказа патрициев Федерации дать больше, чем жалкие гроши для настоящего еврейского образования. Упрямую позицию людей, которые не видят проблем в раздаче еврейских денег больницам и лагерям, бывшим в подавляющем большинстве нееврейскими, чётко озвучил член совета по имени Б. Дж. Буттенвейзер. Возражая докладу, в котором содержался призыв оказать существенную помощь еврейскому образованию, Буттенвейзер сказал:

«В этом отчёте имеются бесконечные пункты, которые, как мне кажется, чужды подавляющему большинству людей в этой комнате, и которые отрицают и делают недействительной их собственную жизнь».

То, что г-н Буттенвейзер имел в виду, состояло в том, что в докладе содержался призыв к расширению иудейской жизни и практики, и это противоречило его убеждениям и практике, а также принципам почти всех лидеров Федерации. Он был прав. То, чего требовал отчёт, а также и огромное количество евреев, заключалось

в том, чтобы не допустить, чтобы нееврейские ценности, которые по нраву буттенвейзерам этой страны, уничтожили еврейское будущее в Америке.

Г-н Буттенвейзер продолжал, говоря о еврейском образовании в Израиле. Это хорошо для Израиля, заявил он: Однако импорт такой философии в наш американский образ жизни я считаю слишком фатальным шагом, чтобы этот совет его предпринял или стал его защитником.

Я оставляю г-на Буттенвейзера его американскому образу жизни, который побуждает наших детей отказываться от любой еврейской ценности. Приведу вам его заключительные замечания: «... я ни в коем случае не могу, с моими взглядами на разделение религии и государства, и на вызывающие разногласия еврейские школы, голосовать за доклад».

Ну-а-ля! В этом-то все и дело: «вызывающие разногласия еврейские школы». Именно это беспокоит буттенвейзеров всего мира и еврейские группы, в которых они преобладают. Существование ешив означает, что евреи не интегрируются в не еврейское общество. Ешивы означают, что евреи остаются обособленными. Ешивы угрожают стараниям буттенвейзеров ассимилироваться. Ешивы - это возврат к тому времени, когда евреи требовали сохранения своей самобытности, независимо от того, как мир к этому отнесётся. Ешивы угрожают стараниям еврейских патрициев быть принятыми в загородных клубах и в кругах нееврейского истеблишмента. Ешивы - это препятствие; ешивы угрожают либеральным ценностям, радостно предвкушающим, что мы все благополучно переплавимся и сплавимся; ешивы создают антисемитизм, потому что они сохраняют еврейские отличия, а всемирные буттенвейзеры воображают, что ненависть к евреям придёт к концу, если только мы прекратим упорно настаивать на том, что мы сильно отличаемся от остальных.

Религия и государство? Конституционные вопросы? Бред какой! Не это беспокоит наших еврейских патрициев. Их беспокоит то, что их усилия по ассимиляции евреев, мотивированные их стремлением сохранить свой статус и престиж среди неевреев, будут подорваны еврейскими ешивами.

Вышесказанное относится не только к Б. Дж. Буттенвейзеру. Это относится ко всем буттенвейзерам, из которых состоит руководство Американского еврейского комитета, Американского еврейского конгресса, Бнэй Брита и других лидеров наших организаций. Мы наблюдаем, как под их руководством еврейская среда подвергается культурному истреблению. Под их руководством еврейские кварталы становятся жертвами преступлений, насилия и городских ужасов. Под их опекой мы молчим, когда европейские евреи вопят. При них миллионы еврейских долларов идут на помощь всем народам и этническим группам, в то время как вопиющие еврейские проблемы игнорируются.

50. Месячник Дова Грунера

18 декабря 1970 Федерации удалось добиться судебного постановления от судьи Верховного суда штата Нью-Йорк, Эдварда Дж. Гринфильда о том, что ЛЗЕ не имеет права вмешиваться в семейную жизнь и частный бизнес сотрудников и попечителей Федерации. Свиток Хеймана оказался не у дел...

Это, на самом деле, не имело значения. С помощью большой и хорошо опубликованной статьи в газете Таймс, суд широко рекламирует точку зрения ЛЗЕ, что она не согласна с тем, как Федерация распределяет денежные средства, которые направляются не на истинные потребности еврейской общины, а служат слишком многим светским и нееврейским интересам. Далее, в связи с тем, что многие евреи впервые узнали о существовании такой концепции, он процитировал раввинский закон: «Если потребуются выбирать между бедняками своей общины и бедняками чужой общины, то вначале надо оказать помощь своим беднякам».

На самом деле, не имело значения, что у Федерации есть предписание. Дело было в том, что тысячи евреев теперь узнали о политике группы, которую они всегда считали еврейской, и что общественная кампания ЛЗЕ по направлению крайне необходимых средств для еврейского образования и самобытности - добилась успеха гораздо быстрее, чем ожидалось. Федерация, испытывающая давление, была вынуждена увеличить средства

на еврейское образования (хотя сразу хочу добавить, что проблема по-прежнему остаётся постыдной) и пересмотреть в целом свой не европейский подход. Давление ЛЗЕ, её готовность бороться с истеблишментом, идти на вопиющий скандал и отказ от раскаяния, привели Федерацию к каким-то минимальным изменениям. Заявление ЛЗЕ, распространённое среди гостей на ужине в Федерации, остаётся верным как по содержанию, так и в качестве единственного оружия, которое могло заставить Федерацию зашевелиться:

«Мы как раз вовремя разоблачили негодяев. Если Федерация больше заинтересована в американском образе жизни, чем в оказании помощи евреям и еврейству, ей не надо давать ни пенса. Прекратите свои пожертвования; расскажите об этом своим знакомым по бизнесу. Потребуйте, чтобы ваша синагога сделала это. Если наши главные еврейские группы будут продолжать своё реакционное противостояние еврейским делам, выйдите из них и посоветуйте своим друзьям выйти. Вы удивитесь тому, чего вы сможете добиться для настоящего еврейского дела посредством кошелька. Сбросьте негодяев и включите еврейские приоритеты».

Помимо борьбы за поддержку еврейского образования, ЛЗЕ попыталась сама создать часть этого образования. Одним из самых успешных нововведений стал Месячник Дова Грунера. Грунер, член еврейской подпольной группы Иргун Цваи Леуми (ЭЦЕЛ – Национальная Военная Организация), был повешен британцами в 1947, после нападения на британский полицейский участок. Мы решили, что его имя и история должны быть использованы для борьбы с одной из самых пагубных и тяжёлых проблем: многие молодые люди знали все о так называемых национально-освободительных движениях во всём мире, но не имели ни малейшего представления о том, что и евреи имели своё национально-освободительное движение, причём задолго до того, как почти все другие азиатско-африканские государства достигли стадии национального самосознания.

Мы были решительно настроены достичь того, чтобы молодые евреи узнали о своём еврейском национально-освободительном движении, ЕНОД, как мы его называли, которое включало Иргун, Борцов за свободу Израиля (группу Штерна) и Хагану. Мы хотели, чтобы они познакомились с именами еврейских героев-революционеров, таких, как Грунер, Шломо Бен Йосеф (первый еврей, которого повесили англичане), Хаким и Бет Цури (убийцы британского ближневосточного царька, лорда Мойна, на котором лежала вина за возвращение кораблей с еврейскими беженцами во время войны в Европу на смерть) и других. Это были группы, и это были имена, о которых еврейский юноша никогда не слышал в своём доме или в своём Храме, и мы хотели, чтобы он узнал о еврейских героях, которые боролись за еврейскую свободу, которая была, по меньшей мере, такой же ценной, как и вьетнамская.

Наша техника была простой. Выбрав конкретный кампус, мы водружали портрет Грунера с надписью, которая гласила: Это Дов Грунер. Кем был Дов Грунер? Это продолжалось целую неделю, в течение которой все больше и больше любопытных студентов интересовались, кто же такой этот Грунер. На следующей неделе появились новые плакаты с портретом Грунера, которые, на этот раз, гласили:

Это Дов Грунер, член Иргун Цваи Леуми, еврейского национально-освободительного движения, которое сражалось против британских фашистов-империалистов. Это месячник Дова Грунера. Приходите на митинг по адресу....

Так было положено начало еврейскому национальному знанию — что легко достижимо и недорого. Тем более разумно сожаление о непростительном национальном провале фонда Гилеля и синагог и стремление наполнить их молодёжь еврейской национальной гордостью.

51. Проблема еврейских кадров

20 ноября 1970, мы объявили о планах создания уникального учебного заведения. Это была раввинская военная академия, включавшая ешиву с курсом лекций по еврейскому национальному самосознанию и военной подготовке. Название было выбрано «Ешиват Тора Вэоз» («Ешива Торы и Силы»). К сожалению, этот проект, столь жизненно необходимый и нужный для обучения определённого типа раввинов, которых так не хватало, потерпел неудачу сразу на первом же этапе.

Ещё большее разочарование и поистине серьёзный удар в борьбе за еврейскую идентичность были нанесены, когда мой другой план потерпел неудачу, на этот раз, в создании еврейского центра для формирования подготовки адекватных еврейских лидеров, которые бы работали полный рабочий день в крупных кампусах и средних школах. Особенно серьёзным в этой неудаче был тот факт, что нехватка средств была не основным препятствием. Скорее, это был отказ Исполнительного совета ЛЗЕ поддержать этот план из-за точки зрения, которая, на мой взгляд, представляла опасность для продолжения работы Лиги Защиты Евреев, как я её понимал.

Уже в 1971 мне стало ясно, что ЛЗЕ должна быть больше, чем проблемно-ориентированная группа. Только идеологическое движение имело какую-то надежду на крепкие корни и стабильность. Истинный блеск еврейской гордости как эмоции, проявившейся в демонстрациях и маршах за евреев, не мог долго длиться и должен был рассматриваться как плацдарм к следующему и последнему шагу в деле установления еврейской идентичности. Этот последний шаг должен был быть идеологией, Идеей. Без Идеи не могло быть ничего, и тот факт, что многие молодые люди приходили и со временем уходили, от меня не ускользнул. Не ускользнул и тот факт, что определённое количество молодых людей присоединялись к ЛЗЕ, как к любым другим радикальным движениям, в смятении и поиске ответов. Демонстрации и физическая борьба за евреев могли захватить их надолго, но помимо этого, требовались стойкие идеи, которые были бы сильными и свежими, обеспечивающими нормальную стабильную жизнь. Одним словом, воинственность и демонстрации были жизненно важными факторами в том, чтобы внушить начальную гордость и заставлять молодых евреев вернуться в свой народ. Они обеспечивали нам время, чтобы заполнить их умы знаниями и идеями, которые были необходимы, чтобы дополнить эмоции, которые они приобрели, когда впервые присоединились к нам. Эмоции были тем, что вернуло молодых евреев, однако это возвращение не было ни длительным, ни постоянным. Им надо было дать еврейскую идею, и для этого нам были нужны лидеры высшего качества, которые бы могли преподавать и обучать этой идее.

Наряду с этим существовала трагическая очевидность существования целины, которую являли собой вузы и университетские кампусы. Здесь миллионы молодых евреев в годы своего становления подвергались либо зову сирены смертельной ассимиляции, либо воплям диких идеологий, чуждых всему еврейскому. Программы фонда Гилел оказались катастрофической тратой средств, а еврейское руководство в университетских кампусах оказалось несуществующим. Потребность в хорошо подготовленных молодых еврейских кадрах, которые бы проводили свои дни в университетских кампусах, помогая заблудшим евреям почувствовать гордость за своё еврейство, была настолько очевидна, что только слепой мог её не видеть.

Если у левых групп были свои идеологически обученные лидеры в высших школах, работающие на полную ставку, которые завоёвывали молодых людей для своих дел, евреи таких лидеров не имели. При всех средствах, которые они тратили на всякую ерунду, они были неспособны видеть свой путь к одному единственному и самому важному проекту, каким было создание жёсткой, требовательной школы для обучения молодых лидеров для еврейских кампусов.

Была очевидная, отчаянная потребность в молодых еврейских кадрах, ориентированных на молодёжь и отдающих все своё время университетским кампусам и городам, работая, преподавая и идеологически влияя на них. Существовала настоятельная необходимость в последовательной, регулярной и постоянной еврейской борьбе в высших школах. Сегодня такого нет. Слишком мало есть еврейских лидеров, которые живут, едят и пьют вместе с еврейской молодёжью и студентами. До тех пор, пока у нас не будет таких людей, мы будем продолжать проигрывать битву за нашу еврейскую молодёжь.

Все это преследовало меня, когда я объяснял свой план создания Еврейского центра идентичности, как членам ЛЗЕ, так и ряду потенциальных доноров. Тщательно отобранные студенты из США и западного мира должны будут принимать участие в интенсивном курсе обучения еврейскому лидерству. Одна часть центра должна была быть предназначена для обучения определённого числа религиозных лидеров, чьей кафедрой были бы кампусы, школы и улицы, где могла быть обнаружена еврейская молодёжь. Это должны были быть глубокие еврейские учёные, обученные превосходными экспертами в раввинском праве и, в то же время, снабжённые

инструментами современной еврейской жизни, которые должны были превратить их в таких духовных лидеров, которые были нам нужны, и которых сегодня так не хватает.

Гораздо большее число студентов, посещающих центр, должны были быть людьми, проходящими обучение в качестве лидеров молодёжи для работы в школах и на улицах с отчуждённой еврейской молодёжью.

Все поступающие в эту школу шли бы туда с одной целью: стать хорошо обученными, чётко ориентированными и преданными еврейскими лидерами, которые в течение двух лет были бы обязаны работать полностью и постоянно в школах, кампусах и на улицах. Все проходили бы интенсивную подготовку по еврейским исследованиям, иудаизму, еврейской истории, с акцентом на историю довоенной Европы, Холокост, движение еврейского сопротивления в Палестине, сионизм, арабо-израильский вопрос, проблемы американской и западно-еврейской общин и исследования идеологии правых и левых в Америке. Все были бы обучены риторике, ведению дебатов, дискуссиям с оппозицией, организации групп, собраний и митингов. Все должны были бы проходить программу строгой дисциплины и интенсивного обучения, с ежедневными проверками и строгими стандартами, которые должны были быть выполнены. Все должны были выйти глубоко преданными евреями и талантливыми лидерами, пользующимися уважением молодёжи, которая бы следовала за ними. После окончания обучения все отдавали бы себя своему народу. Их жизнь была бы посвящена искуплению еврейской молодёжи; их целью было бы создание гордого еврейского народа, живущего в гордом еврейском государстве.

Не было и нет другой еврейской школы, подобной этой. Из неё бы вышла еврейская революция в университетских кампусах. Каждый из лидеров, которого мы бы выпустили, мог бы достучаться до тысяч молодых евреев. Я не мог думать ни о чем более важном, чем это.

Это была моя мечта, и я знал, что в этом — спасение для молодых евреев. Моя идея состояла в том, чтобы открыть такую школу в Израиле по той очевидной причине, что год в Израиле вдохновит и привьёт молодому лидеру дух, который он не приобретёт ни в каком другом месте. Я хотел, чтобы молодой еврей прошёл по своей земле; чтобы он отправился в места, где ходили его предки, места, где они сражались в битвах за свою свободу и традиции; чтобы он изучал язык и общался с людьми; чтобы он вернулся, проведя год с воздухом, солнцем и песком Земли Израиля. Никакие деньги в мире и никакое другое место в мире не могли бы дать молодому еврейскому лидеру то, что он мог бы получить за год дома.

В качестве пробы для школы мы реализовали одну полную летнюю программу, в которую в 1972 записалось около двадцати молодых людей для поездки в Израиль. Увидев, какой великолепной вещью могла быть такая школа, и отметив ошибки, которые были допущены, я собирался вернуться в Америку в октябре, чтобы собрать деньги на 1973-74 год, а также начать отбор действительно превосходных кандидатов. К сожалению, в этом же месяце меня арестовали в связи с планом создания антитеррористической группы сразу же после убийства в Мюнхене, и мой паспорт был у меня конфискован.

Затем, к моему ужасу, Исполнительный совет ЛЗЕ в Нью-Йорке не проявил желания поддержать проект, утверждая, что у него нет денег даже на свои текущие расходы, и что американская ЛЗЕ имеет приоритет. Близорукость первого аргумента совета, не видевшего, что, если не будет создано эффективное молодое руководство, вся текущая работа ЛЗЕ станет бессмысленной, тем более подкреплялась неожиданным разделением между американцами и другими. Дело не только в том, что Совет, похоже, не понимал, что школа собирается создавать лидеров, которые будут работать в Америке, но были также люди, которые не хотели, чтобы Израиль был столь важен в идеологии ЛЗЕ. Таким образом, лучшая идея ЛЗЕ была торпедирована исполнительным советом, и, что ещё хуже, это был признак узости мышления, которое мы всегда относили к другим еврейским группам. Поскольку я был лишён паспорта, я мог только сердиться и смотреть на то, как мои страхи подтверждаются, как ЛЗЕ теряла все больше и больше молодёжи, когда стало испаряться первоначальное возбуждение.

Моя личная битва за возвращение моего паспорта и возвращение в Соединённые Штаты была сосредоточена вокруг моего желания создать еврейский центр идентификации, самый важный проект для нашего времени. Я не мог поверить, что где-то в этой огромной пустыне есть люди, которые тратят свои деньги на лавки в Лас-

Вегасе, на Анжелу Дэвис и Пантер, выбрасывают их на всякое глупое, абсурдное, модное дело, не находя ни одного еврея, который бы понимал необходимость такой школы.

52. «Что побудило вас присоединиться к ЛЗЕ?»

Подведём итоги. Несколько лет назад был проведён симпозиум, в ходе которого к ряду молодых еврейских интеллектуалов обратились с просьбой представить свои мысли об иудаизме и еврейском народе. Большинство ответило явно негативным образом. Понятно, что основное различие между ними и многими из их менее интеллектуальных современников состояло в том, что первые — немного опережали своё время и могли более чётко и ясно изложить свои мысли. Однако, в значительной степени пренебрежительное отношение интеллектуалов к проблеме смешанных браков, к Израилю, к своей собственной преемственности как евреев, стали все больше приниматься молодыми американскими евреями. Так что, по словам интеллектуала Лайонела Рогозина: «При таких предостережениях, как Освенцим и Хиросима, глупо игнорировать мировые события и заниматься исключительно еврейскими делами. Пятьдесят лет назад было естественным предаваться подобному эскапизму, но сегодня евреи должны сделать такую естественную склонность вторичной.

Что касается моих детей... Я хочу, чтобы они познакомились с ценностями, присущими всем традициям, и осознавали обманчивость всяких традиций. Я не верю в систему мысли, которая всеведуща. Учитывая мои убеждения, возможность, что мои дети обратятся в другую религию, меня не касается.

Или Неда Польски:

«Ну и что из того, что я рождён от еврейских родителей? Я с детства не считаю себя евреем... Для меня ритуал бар-мицвы был (и есть) полной бессмыслицей. Моей главной эмоцией в то время был стыд от того, что у меня не хватило смелости восстать против того, что я считал ложным....

Я не вижу ни добродетелей, ни зла присущих именно еврейской традиции...

Все религии покоятся на ложных предпосылках. Надеюсь, что мои дети будут атеистами.

Я анти-сионист. Еврейский шовинизм такой же презренный, как и другие виды шовинизма, и даже более презренный, чем многие, поскольку он основан на расовой идеологии. Между Израилем и 900 000 арабских беженцев, которых он изгнал со своих земель, я поддерживаю арабов».

Это голоса реакционеров, самоненавистников, невежд, а мой призыв сегодня — создать евреев другого рода, обладающих гордостью и самоуважением. Заслуга ЛЗЕ в создании такого еврея, неоспорима.

Рассмотрим заявки на членство в ЛЗЕ от молодых евреев и на ответы на вопрос «Что побудило вас присоединиться к ЛЗЕ и как вы узнали о нас?»

Ответы следующие:

«Меня, наконец, разозлило притеснение евреев, и я решил присоединиться к группе, которая пытается что-то сделать.

Авраам, Ицхак, Яков, Моше, Варшавское гетто, антисемитизм....

Раввин Кахане убедил меня. Если бы я не услышал его, я бы остался глух!»

Молодая женщина написала:

«Я пишу лишь короткую записку, чтобы поблагодарить Вас от всего сердца за то, что Вы мне вернули величайший дар, дар моего наследия...»

Вот голоса, которые я вспоминаю всякий раз, когда раздаются глупые, невежественные и полные ненависти вопли ассимилированных и запуганных. Таковы вопли, атакующие ЛЗЕ, которые я слышу от еврейских организаций, лидеров и «просветителей», руководящих духовной и национальной гибелью поколений.

Я предпочитаю голоса еврейской идентичности. Голоса, которые, глядя миру в глаза, говорят: Послушай, я еврей.

Глава VI

Еврейская сила: хорошо ли это для евреев?

53. Еврейское голосование

В начале октября 1969 в Нью-Йорке состоялась чрезвычайная пресс-конференция, в которой приняла участие вся верхушка нью-йоркского истеблишмента. Была отмечена серьёзность, с которой они отнеслись к её работе. Присутствие самого г-на Артура Гольдберга говорило о серьёзности происходящего. Были собраны все лидеры и чиновники, все благородные евреи и самые благородные из них, ради протеста против рекламы, появившейся в газете Нью-Йорк Таймс. И снова возмутительная, снова нееврейская, снова Лига Защиты Евреев.

Присутствие таких людей, как Стенли Лоуэлл, заместитель председателя консультативного совета по связям с еврейскими общинами, как раввин Эдвард Клейн из свободной синагоги, как раввин Джозеф Шейхштейн, самый модный ортодоксальный раввин Верхнего Ист-Сайда, чья дневная школа Рамаз давно рассталась со словом ешива и который теперь щеголяет званием директор, и как доктор Бернанд Мандельбаум из еврейской богословской семинарии, размахивающий списком из трёхсот имён таких же возмущённых еврейских лидеров, - все это свидетельствовало о серьёзности, с которой они отнеслись к совещанию. Мало кто мог вспомнить время, когда бы триста еврейских лидеров могли договориться об одном документе.

Нью-Йорк оказался в центре яростной кампании мэрии с действующим мэром, Джоном В. Линдси, которые отбивались от решительных заявок кандидата от Демократической партии, Марио Прокаччино и консерватора Джона Марчи. С самого начала ЛЗЕ взяла на себя инициативу заклеить Линдси как катастрофу для евреев Нью-Йорка, и её непрерывные усилия на этой неделе достигли кульминации в крупной рекламе, которая обвиняла мэра в том, что он не реагировал на извержения жестокой антиеврейской ненависти, ничего не предпринимал против присутствия антисемитов в городских структурах и хранил молчание по поводу распясавшегося террора против еврейских торговцев. Но прежде всего реклама призывала евреев голосовать против Линдси потому, что он был катастрофой для еврейских интересов. Именно это испугало и разозлило еврейскую верхушку.

Перепуганная еврейская верхушка поспешно задействовала Гольдберга, чтобы он возглавил атаку. Бывший судья Верховного суда стоял перед прессой и «читал по бумажке», прося евреев игнорировать все подобные оскорбительные призывы и голосовать по своему усмотрению. Мандельбаум осудил ЛЗЕ как злобную и безответственную. Было удивительно, насколько еврейская верхушка, с одной стороны, встревожилась еретической концепцией еврейского голосования и, с другой стороны, как она вновь и вновь настаивала на том, что такой концепции не существует.

Мы в ЛЗЕ были не готовы спорить, существует ли такая концепция или нет; мы говорили, что, если бы не было еврейского голосования, его бы следовало создать. Мы хотели, чтобы еврейское влияние применялось во благо евреев. Мы хотели, чтобы евреи начали волноваться как евреи и за евреев. Мы хотели, чтобы огромные еврейские политические, экономические и социальные ресурсы были собраны, скоординированы и брошены в битву за еврейские интересы и за права евреев, потому что мы знали, что никто не ударит пальцем о палец за евреев, кроме других евреев. Даже если бы чикано и сборщики винограда и салата получали бы сочувствие и поддержку отовсюду, но только евреи, в конце концов, стали бы помогать другим евреям. Мы знали, что

вместо того, чтобы устраивать марши за каждую группу меньшинств в Америке, они бы стояли одни у советского посольства ради российских евреев, долгими и холодными днями, не видя рядом наших черных, пуэрториканских и прочих союзников. Мы хотели, чтобы евреи перестали думать, как либералы или консерваторы, или ещё кто-то, а начали думать, как евреи. Мы хотели, чтобы евреи шли голосовать с большей храбростью и сообразительностью, как и черные лидеры желали того же в отношении голосования черных. Мы хотели создать еврейский блок, по примеру чёрного руководства Конгресса. А это все было анафемой для еврейского руководства, которое не имело никаких личных проблем, кроме своей ненадёжности, и чья главная забота заключалась в том, чтобы не привлекать ненужного внимания к евреям. Именно в этом была причина, по которой Дороти Шиф выступила 11 октября с редакционной статьёй «Дело об истерии», атакующей «кампанию ненависти и поношения по отношению к Джону Линдси, которую ведёт эта маленькая шумная группа».

Мы двигались вперёд в нашем движении против Линдси и в попытках заставить евреев, голосовать против него, голосуя за еврейские интересы. Мы не были ни демократами, ни республиканцами, ни либералами, ни консерваторами, и нас не интересовали политическая партия или философия Линдси. Мы просто знали, что этот человек в пугающей степени несёт ответственность за подрыв еврейских прав своим пассивным согласием с ненавистью к евреям и своим политически мотивированным отказом остановить движение за обратную дискриминацию, нападения на еврейских торговцев и кварталы и весь остальной кошмар, которым стал Нью-Йорк. В интересах евреев Линдси должен был потерпеть поражение, и мы били в эту точку.

Мы сформировали настоящие отряды и следовали за Линдси от выступления к выступлению, вызывая на себя злобу таких тонко замаскированных ненавистников, как Пит Хэмилл, чьи яростные нападки на нас странно контрастировали с его защитой Чёрных Пантер и других боевиков. Мы раздавали листовки с фактами, именами, датами и местами. Наиболее эффективной была листовка с двадцатью вопросами для Линдси, которые касались его неспособности действовать против антисемитизма в школах и среди городских служащих. Мы даже выпустили действительно умную запись песни, которую исполнял один из наших членов, Роз Несис, чем заставили работников Линдси отвлекаться, ежедневно появляясь перед их штабом на Мэдисон-авеню и проигрывая её через усилители. Респектабельные евреи, такие как общественный обозреватель, Леонард Лайонс, писали: Я не знаю ни одного еврея, который бы считал, что так называемая Лига Защиты Евреев является выразительницей его взглядов. Мы ответили, что Лайонс — сноб, который мог бы прогуляться к югу от 50-й улицы и встретиться с настоящими евреями. На нас большее впечатление произвела статья, опубликованная 4 ноября в Wall Street Journal Дэвидом Гумпертом, в которой рассматривались наши обвинения против Линдси. Гумперт познакомился с евреями, о которых Лайонс никогда не слышал в своём вавилонском логове, и написал:

«ЛЗЕ оказывается наиболее сильной в еврейских кварталах, граничащих с черными гетто. Жителей беспокоит растущий уровень преступности (все чаще школьники подвергаются преследованиям чернокожих головорезов) и хулиганы, которые вторгаются на их территорию... "У Кахане есть ответ на эту проблему: хулиганы должны знать, что, в конце концов, их банды будут разгромлены", — сказал он недавно на собрании около двухсот пятидесяти жителей района Ист Флэтбуш. — "Настало время, чтобы пришёл кто-то вроде Кахане, — прокомментировал пожилой мужчина, пока рабби говорил. — Нас тут постоянно терроризируют!"».

Фобия еврейского истеблишмента не была чем-то новым и не закончилась с окончанием выборов мэра Нью-Йорка в 1969. Бегство от еврейского голосования было зачато в страхе, как бы евреи не засветились, что отчётливо проявилась в 1972, когда Бнэй Брит и Американский еврейский конгресс выступили против поддержки евреями кандидатов на президентских выборах того же года. Здесь следует добавить, что возражению истеблишмента против концепции еврейского голосования всегда придаётся дополнительный импульс из опасения, что такое голосование может провалить либерального кандидата. Таким образом, в августе 1972 правящий совет Бнэй Брит неодобрительно отнёсся к конкретной поддержке евреями конкретного кандидата и заявил: «Мы хотели бы напомнить кандидатам от всех партий, что евреи не голосуют блоком или в ответ на какую-то проблему». Наш ответ был дан в виде статьи, которую я написал для Jewish Press 1 сентября 1972, под заголовком «Боже упаси»:

Формирование еврейских комитетов в поддержку каких-либо политических кандидатов рассматривается с немилостью правящим советом Бнэй Брит. Вот историческое заявление: «Мы хотели бы напомнить кандидатам от всех партий, что евреи не голосуют в качестве блока или в ответ на какую-либо отдельную проблему», — говорится в резолюции Бнэй Брит. Смысл этого заявления поддерживается ещё одной уважаемой группой истеблишмента, Американским еврейским конгрессом, новый президент которого попросил всех еврейских лидеров придерживаться нейтралитета, потому что ни американские евреи, ни израильтяне не выиграют если американские еврейские организации станут оценивать кандидатов с точки зрения еврейских интересов.

Вот, что было в действительности сказано здесь пастухами американского еврейского стада:

Американский еврей никогда не должен создавать впечатление, что существует еврейский вопрос, и поэтому есть потребность в еврейской позиции и еврейском блоке еврейского голосования; что евреи никогда не должны голосовать ради конкретного еврейского интереса; что еврейское лоббирование никогда не должно быть объединённым и нацеленным на откровенную угрозу поражения кандидата, если он не проголосует за то, чего хотят евреи, или против того, чего они не хотят; что евреи не должны создавать себе мощный политический голос и использовать этот голос с точки зрения еврейской пользы, рассматривая себя, прежде всего, как евреев; что еврей должен быть прежде всего американцем и голосовать как либерал, консерватор, демократ или республиканец, но не как еврей. Боже упаси...».

Это правда, именно в этом заключается трагедия. Это вызывает сожаление и в этом кроется причина возможного будущего уничтожения прав евреев в этой стране.

Наша проблема заключается в том, что наши еврейские лидеры и еврейские группы не смотрят на все вопросы с еврейской точки зрения. Наша проблема заключается в том, что у наших лидеров нет цели и нет единого критерия, который измеряет каждую проблему и каждого кандидата одной мерой — а хорошо ли это для евреев? Наша проблема заключается в том, что наши еврейские лидеры представляют собой дихотомию: они и мясо, и молоко, и иудаизм и другой изм, и слишком часто другой изм имеет преимущество перед тем, что хорошо для евреев. Если есть проблема, названная Вьетнам, а государство Израиль даёт понять, как это было уже сто раз, что поражение там США будет поражением Израиля, это не беспокоит Американский еврейский конгресс, который в противоречии между своим либерализмом и своим иудаизмом всегда выберет либерализм. Если есть проблема еврейского образования, которое умирает из-за отсутствия средств, то можно быть уверенными в том, что каждая крупная еврейская группа последует по пути либерализма и будет бороться за то, чтобы оно не получило от государства ни пенса. Если республиканский президент для Израиля лучше, чем радикально-либерально-популистский кандидат от Демократической партии, всё-равно либеральный еврейский истеблишмент будет поддерживать демократа, жертвуя еврейскими интересами в пользу интересов либеральных.

Вы знаете, что ведёт к экономическому, социальному, политическому и, возможно, физическому уничтожению американской еврейской общины? Это тот факт, что наши руководители — мужчины и женщины, которых мы ищем для руководства и обороны, прежде всего, не евреи, а либералы. Вопрос, который сразу же приходит в голову по каждому пункту, заключается не в том, хорошо ли это для евреев, а в том, является ли данный кандидат либеральным и правильным по либеральным стандартам. Вот почему они отчаянно и решительно не боролись за предотвращения «Программы позитивных действий» федерального правительства, которая переводит эту страну на льготы и квоты для аутсайдеров, означающие конец еврейского влияния. Вот почему АЕК нашёл оправдание для увольнения еврейских учителей в Оушн Хил–Браунсвил в 1968. Вот почему так много еврейской энергии, средств и влияния, которыми мы обладаем, бросаются не на еврейскую борьбу, а на другие дела.

В отличие от черных (а также пуэрториканских общин и чикано), чьи группы и лидеры думают о черных, работают прежде всего для черных и создают группы черных в Конгрессе и в других местах, наши еврейские лидеры и группы истеблишмента не ориентированы прежде всего на евреев. Они бегут от императива «евреи - прежде всего» из-за своего страха слишком сильно высовываться и из-за того, «что-подумают-гоим-если-мы-будем-думать-прежде-всего-о-еврейских-интересах». У них есть настоящие либеральные чувства, чего не скажешь о еврейских.

Трагедия наших еврейских лидеров заключается в том, что они хотят быть минимально евреями с минимальными еврейскими концепциями, в то время, как нам нужен настоящий иудаизм и иудеи. Нам нужны еврейские лидеры и группы, которые будут придерживаться следующих положений:

1. Еврейский народ является уникальным и избранным, с особым еврейским наследием и традициями, и ему требуется отдельное культурное существование, препятствующее ассимиляции.
2. Во всех вопросах еврейский лидер должен всегда думать: хорошо ли это будет для евреев? В чем здесь еврейский интерес?
3. Еврейский лидер должен понять, что евреев никогда не любили, никогда не полюбят, и они не имеют постоянных союзников среди не евреев. Еврейские интересы требуют понимания того, что только евреи способны стабильно поддерживать других евреев.
4. Необходимо создать мощный еврейский блок для еврейского политического и экономического влияния с точки зрения еврейских интересов.
5. Кандидатам следует чётко усвоить, что еврейская поддержка даётся или блокируется на основе интересов, которые мы считаем жизненно важными для евреев.
6. Еврейским кандидатам должно быть сказано, что мы от них ждём не меньше, чем чернокожие от своих – прежде всего быть представителями еврейских интересов.

Наше настойчивое требование, чтобы евреи перестали быть либералами, не означает, что мы хотим, чтобы они стали консерваторами. Мы просто хотим, чтобы они стали евреями и взвешивали каждый вопрос и каждого кандидата на весах еврейских интересов. Если в контексте конкретных проблем нашего времени мы видим либерализм разрушительным для еврейских интересов, то мы против него.

<---->

54. ЛЗЕ и война во Вьетнаме

Именно такой ход мысли заставил нас выступить против «еврейского-нееврейского» мышления в спорном вопросе о Вьетнаме. Не было ни одной крупной еврейской группы, которая к 1970 году не была бы против политики Соединённых Штатов во Вьетнаме, а некоторые, как этот ужасающий Американский еврейский конгресс, потратили огромное количество времени и еврейских денег на нападки на Никсона по этому вопросу. Более того, не было кампуса, где бы не было подавляющего большинства против вмешательства Соединённых Штатов в Юго-Восточной Азии, и в таком климате ЛЗЕ выступила прямо против ухода Соединённых Штатов из Вьетнама.

На пресс-конференции в Зарубежном пресс-клубе 19 мая 1970 я утверждал, что результаты войны во Вьетнаме будут иметь прямое отношение к будущему Израиля и конфликта на Ближнем Востоке. Я заявил, что поражение США в Индокитае будет гарантировать эскалацию войны в других местах. Я настаивал на том, что подавляющее большинство израильтян и израильское правительство выступают за сильную позицию США во Вьетнаме, и это было, безусловно, верно. Вероятно, одно из самых убедительных противоречий между тем, что полезно для либерализма и тем, что полезно для евреев, было раскрыто на съезде Американского еврейского конгресса в Кливленде в мае 1972, когда вице-премьер Израиля, Игаль Аллон, выступил с энергичной защитой политики Никсона во Вьетнаме. Съезд же проголосовал за резкое осуждение президента за минирование гавани Хайфон.

Нет сомнений в том, что наша поддержка американской политики по Вьетнаму причинила нам большой вред в кампусах. Тот факт, что мы не пошли на компромисс и не отступили, было тайной отличия и величия ЛЗЕ. Когда мы сталкивались с ситуацией, когда определённая позиция была хороша для евреев и плоха для ЛЗЕ, мы никогда не колебались. Благо евреев было всегда на первом плане, а в случае с Вьетнамом мы знали, что сильная внешняя политика США имеет жизненно важное значение и полезна для Израиля, несмотря на то, что наши заявления на этот счёт отвратили многих от ЛЗЕ. Я снова и снова пытался убедить наших членов никогда

не отступать от принципа ради краткосрочной выгоды, и что, в конечном счёте, правда, которую вы высказали, даже заброшенная камнями, запомнится, и вы станете сильнее от этого.

Американский еврейский конгресс и реформаторское еврейское движение могли провозглашать такие глупости, как Суббота за мир и прекращение войны в Индокитае (6 ноября, 1967). Бостонские раввины, которые никогда не думали сделать то же самое ради советских евреев, подверглись аресту за то, что сидели на улицах в знак протеста против политики Никсона во Вьетнаме.

ЛЗЕ никогда не колебалась в своей приверженности евреям и тому, что было жизненно важно для их интересов. Это, само по себе, уже означало серьёзное и революционное новшество в еврейской жизни, даже если бы ЛЗЕ не делала ничего другого, чтобы оправдать своё название.

55. Помощь Джозефа Коломбо

Принцип «хорошо ли это для евреев» взорвал нас в глазах общественного мнения, когда мы публично приняли помощь Джозефа Коломбо старшего и его итало-американской «Ассоциации за гражданские права». Группы добропорядочных евреев завывали в праведном гневе, подавляющее большинство евреев находились в глубокой растерянности, а некоторые из наших членов ЛЗЕ вообще не могли понять союза с Коломбо, который, по слухам, был крупным мафиози.

Наши первые контакты с Коломбо и его группой начались с 1971. Около шестидесяти членов Лиги гражданских прав появились на нашей демонстрации в Вашингтоне, в марте того же года, с огромным плакатом с надписью: «Спасите советских евреев» и заметно выделявшейся подписью: «Итало-американская лига за гражданские права». В апреле меня пригласили на встречу этой группы в отеле в Манхэттене, где я впервые увидел Коломбо и обратился к ним, призвав их гордиться своим этническим происхождением. В том же месяце в одном из интервью Еврейскому телеграфному агентству сын Коломбо, Энтони, заявил: «Мы на 100% пользуемся поддержкой ЛЗЕ, которая борется за гражданские права еврейского народа в Советском Союзе и Соединённых Штатах точно так же, как мы боремся за гражданские права нашего народа в США. Мы будем поддерживать ЛЗЕ на всех их демонстрациях».

Молодой Коломбо появился на митинге, посвящённом советским евреям, организованном ЛЗЕ в Хантер Колледж, и открыто заявил в интервью американской телерадиовещательной компании об итало-американской поддержке кампании за свободу советских евреев. Сам Джо Коломбо заявил об этом 13 мая, сказав: Так же, как раввин борется за свой народ в России, мы боремся за свободу нашего народа здесь, в Соединённых Штатах. Коломбо сказал эти слова, когда мы стояли возле бруклинского федерального суда, где я и ещё семь членов ЛЗЕ только что были привлечены к ответственности за «вооружённый заговор».

Накануне вечером я был взят под стражу, когда готовился к поездке в Черри Хилл, Нью-Джерси, где обещала быть полная синагога, а оттуда – на весь день в Норфолк, штат Вирджиния. Меня арестовали на восточной 40-й улице, когда я шёл в офис Берта Цвайбона. Меня, задержанного на всю ночь в камере предварительного заключения на Уэст-стрит, ждали заключённые, услышавшие об аресте по радио.

Я и другие члены ЛЗЕ, в том числе, Ирв Кальдерон, Хаим Бибер, Эйлин Гарфинкель, Стюарт Коэн, Алекс Штернберг и ещё двое, были доставлены в суд, где был выставлен залог в размере \$25 000 для меня и по \$10 000 за каждого другого обвиняемого. Не было ни единого шанса в мире получить залог такого размера, поскольку ни одна еврейская группа никогда, ни в прошлом, ни в будущем не сможет собрать такие деньги для еврейского политзаключённого. Именно Коломбо, появившийся в суде, внёс залог и предоставил нам бесплатные услуги одного из своих собственных адвокатов, Барри Слотника.

После нашего освобождения состоялась грандиозная пресс-конференция, и вся история, проиллюстрированная фотографиями меня самого и Коломбо обрушилась на первые полосы газетных страниц, в том числе в Нью-Йорк таймс. Последняя, по-видимому, никогда не видевшая таких фотографий американских

дипломатов, улыбающихся международным мафиози, таким, как Леонид Брежнев и Джоу Эн-Лай, изверглась в ярости в редакционной статье «Коломбо-Кахане», презрительно заключив: В беспокойстве о своём будущем, рабби Кахане, видимо, не тревожит, что заключив столь сомнительный альянс, он просто предоставил дополнительную причину для общественного отвращения к своей и без того дискредитированной организации силовых экстремистов.

Поскольку мнение Нью-Йорк Таймс не представляло для меня интереса, мы бодро шли вперёд, поддерживая связи с Лигой гражданских прав, согласившись даже на приглашение Коломбо принять участие в довольно странном благотворительном турнире по гольфу, который проходил в загородном клубе Истчестер. Коломбо был хорошим игроком в гольф, и я сказал ему, что в следующий раз я приглашу его на турнир по стикболу (игра, похожая на бейсбол - прим. пер.). На нашем съезде в гостинице Вальдорф-Астория в Нью-Йорке в июне 1971 я обратился к трёмстам делегатам:

«У меня союз не с Джо Коломбо, а с десятками и сотнями тысяч американских итальянцев. Я пойду с кем угодно, если смогу помочь хотя бы одному еврею.

В День итало-американского единства, 28 июня, 100 000 человек придут в Колумбус Серкл [Коломбо запланировал демонстрацию итальянской силы в центре Манхэттена по поводу второй годовщины]. Я буду говорить о советском еврействе и привлеку этих людей, от которых Никсон зависит в своей поддержке, чтобы помочь нам с советским еврейством».

Кроме того, в этом был, по сути, ещё один пример дальновидности, воображения и смелости ЛЗЕ, в отличие от страшной тупости, глупости и летаргии крупных еврейских групп и их лидеров. Я знал, что Коломбо считается вождём мафии, и что его группа, очевидно, была сформирована сначала, чтобы дать ему мощную базу в его борьбе против попыток правительства посадить его в тюрьму. Я также знал, что по ряду прекрасных причин его группа может быть полезной евреям. Начнём с того, что открытая поддержка советских евреев нееврейской группой, которая действительно представляла собой мышление миллионов американских итальянцев, имела чрезвычайное значение. Следует иметь в виду, что независимо от первоначальной мотивации для формирования группы, Коломбо сильно затронул оголённый нерв американских итальянцев среднего и нижнего классов, когда заговорил об итальянской гордости и влиянии в американских городах, где их интересам угрожали со всех сторон. Если евреи устраивали марши ради советского еврейства, то это было понятно, но не имело ошеломительного политического значения для Ричарда Никсона. Но, если нееврейская этническая группа, бывшая частью более 20 миллионов других, члены которой были консерваторами, защитниками американского закона и порядка, от которых зависел Никсон, присоединилась бы к борьбе за свободу советских евреев, то это был бы большой выигрыш для наших братьев и сестёр за железным занавесом.

Во-вторых, мы знали о постоянной напряжённости в бедных и средних районах между итальянцами и евреями, напряжённости, которая принимала форму избиений подростков и вандализма синагог. Наши отношения с Коломбо часто служили ослаблению этой напряжённости, поскольку он говорил в своей среде о том, что ему нужны хорошие отношения с евреями.

Наконец, я понимал гораздо яснее, чем другие еврейские лидеры, распад концепции плавильного котла и рост этнического раскола на примере усиления чёрных. Я знал, что итальянцы, поляки, ирландцы и прочие обеспокоенные белые этносы, составляющие большинство Америки, были возмущены и начали требовать прав для себя. Они были волной будущего, а еврейский истеблишмент, по многим причинам, проигнорировал их, решив преломить свой хлеб не с ними, а с либералами или неграми. Таким образом, белый этнос оставался мощной популистской силой, которая в лучшем случае была пассивно враждебна евреям, а в худшем — была полна возмущения и ненависти. В своей книге *Never Again!* (никогда больше) я много месяцев назад писал:

Евреям совершенно необходимо добиться поддержки или, по крайней мере, отсутствия активной враждебности со стороны огромного американского среднего класса и этнических групп, которые составляют его большую часть. Именно они, а не американский истеблишмент, либералы и прочие, являются волнами будущего, и евреи должны научиться плавать в этих водах, и чувствовать себя в них привычно и уверенно.

По всем этим причинам мы работали вместе с Коломбо, а не с иллюзиями постоянства союзов с этническими белыми или кем-то ещё. Скорее, мы понимали то, что знает каждый действительно просвещённый дипломат: если тебе кто-то предлагает помощь, независимо от причины, прими её! Это и есть основа политики личных интересов, и это справедливо для евреев, у которых мало или вовсе нет союзников. Мы были готовы использовать любого союзника для продвижения еврейских интересов. Было жаль, что уважаемые евреи предпочитали компанию таких достойных, законопослушных белых англо-саксов, как Джон Линдси и подобных ему, которые систематически уничтожали интересы простых евреев. Важные евреи не могли, из-за своего тоскливого недостатка воображения и предвидения, понять, насколько Коломбо важнее для еврейских интересов.

28 июня, когда я собирался выступить на итальянско-американском митинге, я услышал по радио в машине, что Коломбо был ранен выстрелом в голову неизвестным негром. Я приехал на митинг и обратился к толпе, получив бурные овации от собравшихся там американских итальянцев. Затем я поспешил в находящуюся неподалёку больницу Рузвельта, где в ожидании собралась большая толпа. На этаж, где оперировали теперь Коломбо, пропустили лишь горстку людей. Кроме членов его семьи я заметил только артиста Сэмми Дэвиса-младшего и работника местного радио, Боба Гранта. Я присоединился к семье, которая поблагодарила меня за то, что я приехал, и слушал, как члены небольшой группы телохранителей и прочих, говорили о гневе и мести против негров. Следующие полчаса я провёл, тихо пытаюсь отвлечь гнев от негров и подчёркивая, что нельзя обвинять целую группу за преступление одного человека. Я не могу быть уверен, что мои слова возымели действие, но знаю, что, когда я покидал больницу, Энтони Коломбо говорил прессе, что семья не обвиняет чернокожих и призывает всех американских итальянцев воздерживаться от насилия.

Фурор по поводу того, что мы приняли помощь от Коломбо, всегда был для меня источником смешанных чувств. Люди были так расстроены этим, что испытали почти разочарование, услышав, что мы ничего не дали для его поддержки. Я знал, чего хотел Коломбо, и он получил это от нас, без того, чтобы мы дали что-то. Запутавшийся в своих собственных юридических проблемах, он хотел произвести достойное впечатление, показав, что есть группа, которая готова работать с ним публично. Тот факт, что в газете Нью-Йорк Таймс был изображён раввин, пожимавший ему руку (даже такой раввин, как я) был для него плюсом в его стремлении очистить свой образ. Если Коломбо хотел именно этого, у меня не было никаких возражений против того, чтобы ему это дать. Это было все, что он когда-либо получил от нас.

Поспешу заметить, что, по моему мнению, «Лига гражданских прав» продолжала бы выполнять в итальянско-американской общине крайне необходимую и позитивную роль, не будь он постоянно недееспособным. Мне было ясно, что Коломбо был заинтригован нашей группой и тем, что она делала в области гражданских прав, и стал уделять ей все больше и больше времени.

Я говорю, что меня смешил фурор по поводу Коломбо, потому что евреи иногда бывают очень нелогичны. Еврейская история свидетельствует о том, что Теодор Герцль, основатель политического сионизма, не стеснялся сидеть с фон Плеве и ожидать помощи от этого пресловутого царского антисемита, министра иностранных дел, в своих попытках добиться родины для евреев. Великий Зев Жаботинский упорно трудился, чтобы заинтересовать антисемитское правительство Польши, и ему почти удалось разработать практический план эвакуации польских евреев в Палестину. Родившееся вскоре государство Израиль, столкнувшись с ордами арабов и не имея оружия, не постеснялось принять помощь от Иосифа Сталина в 1948. Первый посол Израиля в Москве пожал руку сталинцам. Этого посла звали Голда Меир. Израиль, как известно, не отказывается от экономических или военных связей с расистской Южной Африкой, и будет делать то же самое, если помощь окажет Пекин. <---> Как мы самонадеянны, когда у нас нет собственных проблем, и как отвратительно неспособны чувствовать боль тех, у кого они есть!

<--->

Глава VII.

Алия — время возвращаться домой

56. Скандал на Сионистском Конгрессе

Очень старый и очень циничный пример чёрного еврейского юмора – это классическое определение сиониста как одного еврея, который берет деньги у второго еврея, чтобы отправить в Израиль третьего еврея.

Ещё более ясное подтверждение правдивости этого утверждения и искажения истинного значения сионизма – возвращения всех евреев в Землю Израиля - можно было найти в трагикомической серии событий, происшедших на 28-ом Всемирном сионистском конгрессе, очень точно охарактеризованном в газете New York Times, как теперь уже не столь важное событие, состоявшееся в Иерусалиме в январе 1972. Спустя семьдесят пять лет после исторического Первого конгресса в Базеле, Швейцария, который заложил основы еврейского государства, его иерусалимский потомок был погружен в сумбур из-за резолюции.

Резолюция, подготовленная многими молодыми и израильскими членами Конгресса, радикально утверждала, что лидеры сионистов должны пообещать совершить алию (буквально: совершить восхождение, т.е. репатриацию в Израиль) в течение определённого периода времени - или отказаться от своих должностей.

В последовавшем возмущении сионистская женская организация США, «Хадасса», численностью около 500 человек, возглавляемых храброй женщиной в шляпке, Розой Халперн, как вихрь вылетела из зала к ужасу председателя, покойного Луи Пинкуса, который видел в этих женщинах не зрелых матрон, а миллионы долларов, вылетающих в окно. Экстремистская резолюция была немедленно отправлена на покой после парламентского решения о том, что она является незаконной. Доллары, «Хадасса» и западная версия сионизма были спасены.

То, что увидел мир, было искажением ещё одной мечты и еврейского провидения, древнего призыва к возвращению в Сион, и создания современной организации, которая могла бы это осуществить. Мечта больше не имела смысла для большинства людей, которые выступали от её имени; группа, созданная для её реализации, стала на Западе огромной группой «Друзья Израиля», которая переводила свои обязательства в чеки, спасая, таким образом, совесть и финансовые потребности израильского правительства. Устное соглашение между сионистами мира и правительством еврейского государства, в которое они предположительно должны были прибыть на ПМЖ, состояло в том, чтобы последнее не обременяло первых идеологическими угрызениями совести, в то время как первые поддерживали бы единый еврейский призыв и приобретали израильские облигации, организуя в то же время трёхнедельные туры в Святую Землю и привозя сыновей к Стене Плача для бар-мицвы.

Сионизм был больше этого, как и иудаизм был больше, чем жалкая, хваленая американо-еврейская смесь. Сионизм означал возвращение к Сиону – давнюю мечту о возвращении из изгнания в еврейский дом, Землю Израиля. Жить в этой земле было иудейской заповедью, обязательством. «И ты поселишься в ней», – говорит Тора, а раввины добавляют, что жить в Израиле – все равно что выполнить все заповеди Торы. Израиль – дом, а дом сладок. Все остальное, все, что находится за пределами Израиля, известно, как Галут или изгнание. А для еврея изгнание – это проклятие, самое страшное проклятие из всего, что Тора держит над грешной еврейской головой как дамоклов меч, говоря: «И рассеет тебя Господь среди всех народов от одного края земли до другого края земли» (древнейшее предостережение-пророчество Торы в книге Дварим-Второзаконие, глава 28, стих 64).

С самого начала моей концепцией Лиги защиты евреев была организация, которая создавала бы еврейскую самобытность и гордость, боролась бы за еврейские права и выживание и призывала бы евреев жить в Израиле. Потребность вернуться в Сион имела как позитивные причины (Израиль был для еврейского народа его домом, местом, где он мог жить в качестве большинства с еврейским суверенитетом и, таким образом, создавать еврейское государство, которое было бы еврейским по духу, культуре и практике), так и негативные причины

(еврей никогда не мог обрести покой в изгнании, будучи чужаком и меньшинством, где его ненавидели за его успехи и презирали за его неудачи). «Окончательное решение еврейского вопроса» - это либо Израиль, либо возможный физический и духовный Освенцим. С моей точки зрения, ЛЗЕ должна была проповедовать идею алии, возвращения домой - либо стать таким же неминуемым провалом, каким суждено было стать всем еврейским группам, неизбежно обречённым оказаться в руинах американского изгнания.

Однако, в отличие от так называемых традиционных сионистских групп, мы не довольствовались проповедью алии, избавляя потом свою совесть от страданий евреев в изгнании, говоря: «Мы вас предупреждали, чтобы вы уходили, а теперь, когда вы не обратили на нас внимания, вы сами в ответе за ваши собственные проблемы, и у нас нет обязательств перед вами». Мы понимали, что, независимо от обстоятельств, евреи не уывают руки в виду трагедий и бед еврейских собратьев, поэтому мы пообещали попытаться убедить евреев ехать в Израиль, но если бы они этого не сделали, то все, что было в наших силах — это защищать их, пока они оставались в изгнании. Возможно также, что время, которое мы могли купить для них ценой наших усилий их защитить, будет потрачено евреями на анализ правильности нашей позиции в отношении их будущего, и приведёт их к алии.

57. «Пора домой»

В номере Jewish Press от 26 июня 1970, я написал статью под заголовком «Пора домой», которым потом я назвал свою книгу, опубликованную в 1973, издательством Нэш. В моей статье я, в частности, писал:

Пора домой. Пора, потому что осталось мало времени. Евреям пришла пора понять, что Золотая Земля, как и многие другие исторические утопии евреев, превращается в мусор, и что тёмное облако на горизонте медленно движется, собираясь в тёмные тучи, закрывающие свет разума, свободы и здравомыслия.

Евреям пришла пора понять, что история диаспоры здесь не изменится, и, что цепь жестокой ненависти к евреям, в одном государстве за другим, перераставшая в погромы и преследования, шипящую ненависть и физические нападения, изгнания и истребление, и здесь не будет нарушена.

Пора американским евреям вернуться домой. Им пришло время столкнуться с тем, что они инстинктивно чувствовали в костном мозгу, но отказывались признавать. Это такая человеческая, такая еврейская надежда, игнорирование которой приводит к её исчезновению, не нарушая нашего спокойствия! Как грустно и глупо! Как грустно и трагически катастрофично!

Только глупые или невежественные люди могут не признавать фантастической эрозии еврейской политической и экономической судьбы в Соединённых Штатах за последние пять лет. С ужасающей внезапностью мы стали свидетелями взлёта широкой антиеврейской ненависти правых радикалов, идущей бок о бок с феноменом подобного же бреда черных боевиков. Мы видим, как радикальные левые оказывают поддержку фашиствующим расистам и присоединяются к ним в тотальной войне против Израиля....

Я обсуждал разрушение еврейских кварталов и предприятий и открытое проявление ненависти к евреям. Я обсуждал вопрос о возникновении обратной дискриминации, которая угрожала еврейским учителям, студентам и государственным служащим. Я обсуждал климат социальных и политических разочарований, возникший как результат войны во Вьетнаме, и эрозию ценностей, доверия к способности правительства решать проблемы. Я обсуждал рост радикальных групп и паралич правительственных чиновников. Я обсуждал рост гнева и отвращения в Америке, которые, на фоне экономического кризиса, могут привести к взрыву и смерти демократии и повторению Освенцима, и я писал:

Мы все это видим, все это слышим и наблюдаем, как развивается экономический кризис, который может стать искрой для пороховой бочки, и мы это игнорируем. Как маленьким детям, нам не нравятся неприятные истины. Мы предпочитаем отодвинуть неприятное на завтра, завтра и завтра, пока в очередное завтра не оказывается слишком поздно.

Пора вернуться домой и немного успокоиться после Холокоста, утешившись осознанием того, что мы усвоили его уроки. Пора посмотреть на руины демократической Веймарской республики с её комфортом, и безопасностью, и счастливыми евреями, которые думали, что этого никогда не случится. Пора понять, что для евреев может быть передышка от резни только на их собственной земле.

58. 28-ой Сионистский конгресс в Иерусалиме

Я решил уделить больше внимания этой проблеме, когда приехал в Израиль в 1971. Моя собственная алия, конечно, была встречена с серьёзными опасениями со стороны многих членов ЛЗЕ в Америке, которые утверждали, что работа ещё далека от завершения, и что я должен остаться. Мои собственные чувства склонялись к тому, что, конечно, работа не закончена, и я больше, чем они, знал это, так как считал, что она никогда не закончится. Именно потому, что мои собственные чувства относительно неизбежной судьбы евреев в Америке были такими ясными, я хотел сделать все, что в моих силах, чтобы убедить американских евреев совершить алию и заставить ЛЗЕ работать на это. Единственный способ сделать это лежал через мою личную алию. Так же, как я никогда не говорил членам ЛЗЕ выступать против советских или антисемитов без моего руководства, как личного примера, так и сейчас, если бы я не сделал этого, они бы не пошли сами, поэтому я попытался дать личный пример к алии. Я планировал создать свой дом в Израиле и проводить по полгода, работая в Соединённых Штатах, но, к моему глубокому сожалению, конфискация моего паспорта правительством Израиля с поощрения Соединённых Штатов, сорвала это, что привело к трагедии для американских евреев и для Израиля. Однако это – для другой главы.

В декабре 1971, когда наметился двадцать восьмой Всемирный сионистский конгресс, мы запросили официальный статус как представителей сионистского движения и представительство в качестве делегатов. Мы получили ответ, что, поскольку американская ЛЗЕ не была членом Американской сионистской федерации, мы не можем быть приглашены. При этом Всемирная сионистская организация не упомянула того, о чём мы писали в нашем письме протеста к ним: уже в феврале 1970 мы подали заявку на членство в АСФ. Однако мы подверглись тактике почти двухлетней задержки, что, как мы говорили в прессе, было предназначено для того, чтобы держать ЛЗЕ вне Федерации, чтобы её голос не был услышан.

Мы сказали прессе, что в любом случае, я собираюсь прибыть на съезд и просить делегатов отменить это решение, позволив мне выступить на пленарном заседании. В нашем заявлении для прессы было сказано: «Раввин Кахане хочет возбудить вопрос о трагедии, грозящей американским евреям и о необходимости немедленных планов по увеличению алии из Соединённых Штатов». Мы добавили, что ясно из самой этой темы, что основные американские еврейские группы сделают всё, чтобы не дать мне выступить. Наши заключительные слова были: «Мы убеждены, что евреям мира не нужен новый "Брюссель"».

Наш протест против ВСО был также отклонён, после чего генеральный секретарь израильской ЛЗЕ, Йосеф Шнайдер, сказал прессе: Одного Брюсселя достаточно. ЛЗЕ появится на Конгрессе, и рабби Кахане будет выступать.

По мере приближения Конгресса интерес к нему рос. М.Ц. Фрэнк, написавший для Jewish Post and Opinion статью под заголовком «Гольдман, Кахане и Сионистский конгресс», обсудил отказ дать возможность мне и президенту Всемирного еврейского конгресса, д-ру Нахуму Гольдману выступить. Гольдман был запрещён, потому что в своём выступлении в Лондоне он отклонился от официального мнения о том, что борьба советских евреев должна включать только призыв к алии в Израиль, и вместо этого, настаивал на том, что должна быть включена борьба за права советских евреев, которые пожелали остаться в СССР. <---> Отказ позволить ему выступить, потому что он придерживался иного взгляда, был симптомом тоталитарного менталитета израильского руководства. Фрэнк писал:

«Одна из главных достопримечательностей предстоящего Сионистского конгресса, вероятно, будет заключаться в отсутствии конфронтации между двумя ведущими не ораторами – доктором Нахумом

Гольдманном, который представляет забытое прошлое движения, и рабби Меиром Кахане, который представляет то, что он называет волной будущего ... Американское еврейство обречено, утверждает он [Кахане], американские евреи не имеют будущего в Америке и должны спасти себя, поселившись в Израиле».

Газета Нью-Йорк таймс в большой статье Питера Гросса накануне открытия Конгресса писала: «Руководство находится в противоречии с двумя наиболее известными еврейскими представителями: доктором Нахумом Гольдманом... и рабби Меиром Кахане, который решил принять участие и выступить, хотя он был объявлен нежелательным. Оба считают себя сионистами, но их взгляды были объявлены несоответствующими тому, что, по словам руководства, сейчас представляет собой сионизм [sic]. Это был образец свободы в сионистском движении».

Вернувшись в Америку в январе, я выступил на крупной конференции ЛЗЕ, которая проходила в отеле Дипломат в Манхэттене перед моим возвращением в Израиль и Сионистским конгрессом. Я снова говорил об ухудшении социально-экономических условий, растущей угрозе квот и росте групп правых ненавистников, и предупредил о надвигающемся холокосте. Существует настоятельная необходимость в алии, – сказал я и впервые призвал к массовой экстренной конференции по алии, чтобы превратить мой призыв в действие.

Поэтому, когда в Иерусалиме открылся Сионистский конгресс, его председатель, Луи Пинкус, сказал: «Раввин Кахане, видимо, хочет предупредить, что американским евреям угрожает новый холокост. Я не согласен с этой точкой зрения».

Конечно, я не говорил, что американским евреям вот-вот угрожает это, но говорил обо всех признаках холокоста, которые, несомненно, в конечном итоге, приведут к этому. Поэтому, поскольку Пинкус не согласился с моим прогнозом, я полетел в Иерусалим, чтобы выступить на Конгрессе.

Прибыв в ночь на 19 января, я был встречен Йосефом Шнайдером и небольшой группой репортёров и телекамер. Я сказал им, что приду в зал, где будет проходить Конгресс в 10:00 следующего дня. События этого дня были фантастическими. Я цитирую номер Jerusalem Post от пятницы, 21 января, в котором сообщалось на трёх полосах под заголовком «Лидер ЛЗЕ – главное притяжение. Конгресс голосует против слушания Меира Кахане»:

Верный своему заявлению о прибытии из Америки, раввин Кахане прибыл в Конгресс-холл... в Иерусалиме в десять часов утра, где сонм репортёров и операторов собрался, чтобы его приветствовать, гораздо больше, чем ожидали открытия заседания Конгресса во вторник вечером или заседания, посвящённого Бен-Гуриону в среду.

Газета далее подробно излагала мой приём в виде комитета двух – генерального директора Еврейского агентства, Моше Ривлина, и руководителя молодёжного отдела агентства, Мордехая Бар-Она. Поскольку эти двое пытались оттащить меня от десятков репортёров, которые не давали нам поговорить конфиденциально, Ривлин и Бар-Он попытались убедить меня не выступать, или хотя бы выступить перед небольшим комитетом, а не перед полным пленарным заседанием. Я отказался. Наконец, Ривлин спросил, согласен ли я, чтобы вопрос был обсуждён с президиумом Конгресса, и я согласился подождать в его офисе, пока это будет согласовано. Утренняя сессия Конгресса была, следовательно, задержана более чем на час, в то время как я, Пинкус и представитель Еврейского агентства, Авраам Шенкер, все улаживали. Шенкер, ярый марксист, и я, сразу не нашли общего языка. Ривлин вскоре вернулся и заявил, что президиум проголосовал против того, чтобы я выступал, причём только члены Херута и раввин Бернارد Бергман из Национальной религиозной партии голосовали за моё право выступать. Однако Херут потребовал голосования на полном пленарном заседании.

Когда я вошёл в зал, где проходила сессия Конгресса, там выступал мистер Пинкус, и меня приветствовали громкими аплодисментами и свистом. Впервые с момента открытия Конгресса в воздухе началось оживление, и зал заполнился делегатами и зрителями. Ещё раз привожу цитату из Jerusalem Post:

«Говоря на пленуме от имени движения Херут, русская иммигрантка, г-жа Лидия Словина, сказала: Кахане – сионист. Даже его враги не могут это отрицать. Разве он не отдал достаточно своей жизни делу советского

еврейства, которое, как предполагается, является темой этого Конгресса? Не обязательно соглашаться с его методами, но нет никакой опасности в свободных дискуссиях».

Она сказала, что Кахане вывел проблему советского еврейства в заголовки газет США. Российские евреи не слышали о многих американских сионистских организациях, но все они слышали о Кахане.

Пинкус выступил против этого предложения, полностью пренебрегая тем фактом, что заявление ЛЗЕ, поданное в Американскую сионистскую федерацию не было рассмотрено в течение двух лет, и говорил о том, что демократическая структура Конгресса находится под угрозой. В конце концов, большинство проголосовало против меня, тогда как Херут, многие религиозные делегаты и части каждой делегации, которым было разрешено свободное голосование, выступили против линии руководства и проголосовали за меня. Я сразу же встал и, под смешанные приветствия и свисты, покинул зал, выполняя своё обещание не срывать заседание. Выйдя, я сказал репортёрам, что голосование было чётко навязано партийной дисциплиной, и что АСФ и Пинкус никогда не давали ЛЗЕ войти в официальное сионистское движение. Возвращаясь к сообщению:

«Кахане тем временем ушёл..., намекая, что он может созвать свой собственный съезд. Я спросил его, чувствует ли он, что достиг своей цели? Раввин Кахане ответил: «Я пришёл сюда, чтобы поднять вопрос о холокосте, перед которым стоит американское еврейство. Если этот вопрос не будет поднят, то я не достиг своей цели. Голосование в зале было трагедией для американского еврейства, продолжил он...». На выходе он был с энтузиазмом встречен рядом русских иммигрантов. После ухода раввина, зал практически опустел, а идеологические дебаты опустошили целые ряды, которые за несколько минут до этого были заполнены возбуждёнными делегатами.

Несмотря на запрет мне говорить, моё присутствие было отмечено газетой Гаарец крупными заголовками. Статья о Конгрессе была названа День раввина Кахане, и огромная статья в многотиражной газете Йедиот Ахаронот отметила мои попытки убедить евреев в возможности холокоста и необходимости экстренной алии. Дош, самый популярный карикатурист Израиля, показал чудесную карикатуру в крупнейшей газете Израиля, Маариве. Он показал кафедру Конгресса с многословным докладчиком у микрофона и рядом с ним скучающих, дремлющих участников. Над ними висит огромный портрет Теодора Герцля, основателя политического сионизма, который возвышался в зале Конгресса. Существует только рамка, портрет исчез, и на его месте лежит записка, которая гласит: Я скоро вернусь. Т. Герцль. Один из скучающих членов кафедры обращается к другому и говорит: Видимо, он пошёл послушать, что будет говорить рабби Кахане.

59. Возможность американского Холокоста

То, что я должен был сказать, будет услышано. Ибо я решил, что, если я не могу выступить на Конгрессе, я сделаю свой маленький Конгресс. Идея была настолько новой, что газета Jerusalem Post, ярый противник ЛЗЕ и верный слуга правительства, назвал редакционную статью, которая появилась в этот день, «Конгресс Кахане».

Перед толпой, человек в 600, собравшейся в центральной гостинице Иерусалима, я изложил свои тезисы и предупредил о необходимости экстренной кампании за алию. В заключение я сказал, что немецкие евреи тоже думали, что этого не может быть. Кто мудр? – процитировал я из Талмуда. Тот, кто предвидит будущее. Единственное решение – это алия миллионов евреев из Америки.

Ниже приводится речь, которую я бы произнёс, если бы мне дали выступить на Конгрессе:

Бывают моменты, когда история, кажется, на мгновение застывает, как бы давая человечеству окончательную возможность осознать тяжесть времени и выбрать курс, который отодвинет его от надвигающейся катастрофы. Это момент, когда вспышка пронизательности и краткий мимолётный взгляд в будущее предлагают нам способ, который все ещё открыт, взять нашу судьбу в свои собственные руки и спасти себя.

Сегодня мы стоим перед таким моментом, когда глава будущей еврейской истории должна быть написана, пока мы по-прежнему остаёмся хозяевами нашей собственной судьбы и выживания. Если мы сделаем скачок вперёд, призывая для этого все мужество и дерзость, будущие поколения благословят наше имя. Если же мы будем колебаться и проявим нерешительность, если мы упустим эту последнюю возможность, то до самой смерти наш мозг будет сверлить осознание того, что мы были слишком слепы, слишком робки или слишком боязливы, находясь на этапе еврейской истории, свидетельствующем о неясной судьбе миллионов наших братьев. Мы будем вечно сожалеть о решающем моменте, когда мы, возможно, могли бы достичь величия, но оказались не на высоте.

Мы находимся в таком периоде времени, когда серьёзные проблемы, с которыми сталкивается наш народ, называются «Советское еврейство» и «Евреи в арабских странах». Тем не менее, я утверждаю, что уже появляются первые главы того, что будет самой важной проблемой следующего десятилетия – физическое выживание крупнейшей общины евреев в мире, евреев Соединённых Штатов.

Я понимаю, что эта мысль ошеломляет. Есть те, кто просто отбросит её прочь, как слишком фантастическую для того чтобы даже подумать о том, что происходит в демократических Соединённых Штатах. Другие будут считать это следствием паранойи и иррационального страха. Будут и такие, которые осудят саму эту мысль как угрозу, как нечто, что само по себе порождает антисемитизм. Однако, несмотря на все это, я повторю ещё раз: мы стоим в начале эпохи, которая может завершиться тем же холокостом, который мы наблюдали чуть более четверти века назад.

Возможно, и это естественно, что мы отказываемся слушать. Человек имеет тенденцию видеть то, что он хочет видеть, и слышать то, что не слишком неприятно. Мы предпочитаем сладкие мифы и счастливые иллюзии, потому что бесконечно легче мечтать о приятном, чем смотреть на неприятную реальность. Мы предпочитаем игнорировать то, что нас расстраивает, в тайной надежде, что оно каким-то образом исчезнет. То, что расстраивает, лучше игнорировать – таков характер человека.

И если это справедливо для человека в общем, то это тем более справедливо для битых и поротых на протяжении веков евреев, которые развили в себе защитный механизм, сглаживающий мысли об ужасе. Это заставляет их видеть ягнят там, где бродят львы, и это заменяет зоркую бдительность подобными предубеждениями.

Мы не хотим верить, что страшная ненависть к евреям в Соединённых Штатах увеличивается до опасной степени, и что существует возможность и даже вероятность нового холокоста. Мы не хотим верить в это, но это правда, и, если те, кто в настоящее время находятся в руководстве, не начнут действовать немедленно, мы можем увидеть повторение двойной трагедии.

Мы можем увидеть гибель еврейского населения в Соединённых Штатах – шести миллионов человек, и мы можем созерцать ещё одно печальное повторение (как тридцать пять лет назад) отказа прислушаться к голосам тех, кто предвидел бедствие, пришедшее от лидеров, которым не хватало как видения, так и мужества, и которые обрушивались с нападками на тех, кто имел и то, и другое. Сердце обливается кровью не только из-за гибели евреев Польши, но и из-за воспоминаний о предупреждениях Зева Жаботинского, над которым издевались и которому затыкали рот пигмеи в еврейском руководстве. Это память о том, что многие в Восточной Европе могли остаться в живых, прояви они готовность прислушаться к реальности, какой бы ужасной она ни была, прислушаться к словам предупреждения, несмотря на невыносимые последствия предсказанных событий. Неужели мы повторим эту трагедию? Упаси Бог!

Соединённые Штаты больше не являются золотой страной, как это было в течение многих десятилетий, а завтра вырисовывается ещё менее золотым, чем сегодня. Мы позволили себе успокоиться ложной верой в кончину ненависти к евреям в Соединённых Штатах за четверть века видимого отсутствия этой ненависти. Это не верно. Уменьшение открытой ненависти к евреям не было связано с каким-либо стабильным изменением сути вещей, а скорее было результатом двух явлений, оба из которых носят временный характер.

Страшный Холокост, потрясший своими ужасами весь мир двадцать пять лет назад, создал временное эмбарго на антисемитизм. Еврей получил благосклонность мира в обмен на свои трупы, и в этом случае, уничтожение шести миллионов евреев сделало антисемитов на время париями.

К этому добавился беспрецедентный экономический бум, который создал хорошую жизнь в Америке и позволил ей утопать в автомобилях, частных домах, иметь полную занятость и вести роскошный образ жизни, немыслимый до сей поры. У антисемитов в хорошие времена были нескучные доходы, и стейк из бройлера и новый автомобиль в гараже утихомирили ненавистника. Именно эти две вещи – вина за Освенцим и хорошие экономические времена – привели к мораторию на антисемитизм, но не к его устранению. И сегодня обе эти вещи, заставлявшие антисемитизм прятаться за камни, претерпевают коренные изменения и больше не служат препятствием для возрождения лютой ненависти к евреям.

Больше нет вины за Освенцим. Время и победа Израиля в войне дали язычнику всегда ожидаемую им возможность избавиться от укоров совести. С другой стороны, дни экономического бума закончились для Соединённых Штатов, и настали времена, наполненные опасными диссонансами, заменившими хорошую жизнь.

Америка сегодня – беспокойная земля, раздираемая расовыми страстями и ненавистью. Мы видим белых, настроенных против черных <--->; насилие в беспокойных кварталах и жилых домах; борьбу «синих» и «белых» воротничков за рабочие места, а также расовую напряжённость и борьбу между расами в школах с применением вооружённой силы. Тот факт, что города не горят, или что меньшинства достигли прогресса, может околпачить только дураков. Сегодняшние экстремисты не сжигают города, а следуют своим путём захвата их нетронутыми, в то время как достигнутый прогресс привёл лишь к росту ожиданий и требований большего. И кого будут обвинять во всем этом, если не евреев, чьё присутствие в движении за гражданские права было столь заметным? Кто, если не либеральные евреи, станут главной мишенью озлобленных масс американцев?

Помимо всего, Соединённые Штаты потерпели поражение во Вьетнаме, и пусть никто не обманывается на сей счёт – это поражение. И кого будут обвинять в унижении и бессмысленной смерти? На кого навесят миф о войне, которая могла бы быть выиграна, если бы не нож в спину? Вина за войну, которая отравила Америку и разделила её на враждебные лагеря, которая озлобила армию и оклеветала руководство вооружённых сил, будет возложена на евреев, среди которых было немало имён, выступавших против войны. Забыв имена Макговерна и Маккарти, они будут помнить Рубина и Хоффмана. Как Веймарская республика пала перед легендой о предателях внутри страны, так и здесь новый миф плетётся уже сейчас. Оба они имеют одного и того же главного злодея – евреев.

Общий гнев и озлобленность средней Америки против радикальных левых и их противодействия ценностям, которые она так долго лелеяла, снова приведут к враждебности против тех, кого считают разрушителями страны, которая когда-то была столь великой. Опять же, известность некоторых евреев в движениях, которые насмехаются и нападают на флаг, канцелярию президента, и на вещи, которые так много значат для простого американца, приведут к переходу правых от умеренных действий к радикальным и к лютой ненависти к евреям в целом.

Разочарование среднего американца, наблюдающего за издевательствами над его понятиями, и изменениями социальных, моральных и этических ценностей, которые он долгое время лелеял, очевидно для всех. Пропась между ним самим и его детьми, распространение порнографии и изменение сексуальных стандартов, гневят и пугают его. Он снова ищет возврата к истинным ценностям, к тому, что он считает стандартами благопристойности. Он снова тоскует по объективным и постоянным ценностям и людям, которые ему это дадут. И он снова пытается наброситься и стереть тех, кого он считает виновными в социальной революции. И снова его мишенью становятся евреи.

И на вершине расовых, политических, социальных и психологических проблем загорается искра, которая может взорвать пороховую бочку, на которой мы сидим. Земля сильного доллара и экономического колосса внезапно задрожала. Экономика – бумажный тигр. Мы сталкиваемся с миллионами безработных и неисчислимым

количеством частично занятых. Городские кварталы, которые и так уже умирают в силу того, что благосостояние требует больших затрат, а также из-за бегства среднего класса, что ведёт к уменьшению доходов, становятся центрами безработицы, которая растёт стремительными темпами. С другой стороны, инфляция продолжает сжирать доллар, и сбережения скромного среднего класса теряются, и он наблюдает за этим в мучительном бессилии.

Впервые за четверть века большое количество людей сталкивается с потерей хорошей жизни, которую они так долго имели. Такие люди опасны, потому что они не смиряются с нищетой после хорошей жизни на протяжении десятилетий. Они, скорее, обратятся к демагогам и расистам, которые пообещают им хорошую жизнь в обмен на их свободы и за счёт козла отпущения – евреев.

Таких демагогов, ненавистников и фашистов можно в избытке найти в Соединённых Штатах. Забудьте, сколько их сейчас. Подумайте лучше об их росте за последнее время и их способности резко расти в эпоху насилия, разочарования, гнева, озлобленности, страха и ненависти. Это те элементы, которые сегодня присутствуют в американском обществе, и это то, чем питаются ненавистники. Они существуют сегодня в Америке, и их становится все больше. Они открыто говорят о газовых камерах и об уничтожении евреев. Они подразумевают именно это, и никто не знает, действительно ли их можно будет остановить, если условия для них созреют.

Зачем нам снова играть в азартные игры? Почему мы должны жить в Галуте? Разве Америка чем-то отличается от других стран? Разве евреи в других странах Галута не были уверены, что нашли Нирвану, как сейчас в Соединённых Штатах? У немцев что, были отклонения и выросли рога и хвосты? То, что произошло раньше, может повториться и, действительно, уже начинает происходить. Ответ, экстренный ответ, заключается в эвакуации американских евреев и доставке их домой.

Всемирный конгресс сионистов имеет уникальную возможность отреагировать вовремя. Он может понять урок истории, правильно прочитать настоящее и искупить еврейское будущее. В его повестке дня содержится резолюция, призывающая к созыву чрезвычайной конференции американских еврейских общин и организаций как для планирования массовой организованной пропагандистской кампании для объяснения угрозы еврейскому будущему в Америке, так и для планирования практической массовой алии в Страну Израиля.

Сегодня ещё есть время, чтобы сделать это и перевезти евреев и их собственность. Однако есть очень мало драгоценного времени, и поколения не рождённых наблюдают, сможет ли Конгресс и его лидеры подняться выше узости ума, мелочности духа и робости души. У Конгресса есть возможность для великих дел, если только он сможет определить, когда их совершить.

Однажды, несколько десятилетий назад, великий Зев Жаботинский воззвал к своим братьям: Евреи, дом горит! Ликвидируйте изгнание, пока оно не ликвидировало вас! Еврейские лидеры уничтожили его и, тем самым, помогли уничтожить тех, кого он пытался спасти. Не приведи Бог, чтобы это случилось снова. Правда снизошла на нас и, возможно, Всемирный Сионистский Конгресс будет действовать с мужеством и решимостью, столь необходимыми в такое время».

60. «Это закон – Эсав ненавидит Якова»

Из одной этой статьи можно увидеть важное различие между ЛЗЕ и другими сионистскими организациями. Тогда как все остальные и Еврейское агентство израильского правительства, которое контролирует Алию, пытались убедить западных иммигрантов с помощью принципиальных позитивных аргументов, таких, как Приезжайте на еврейскую землю, где вы будете большинством; найдите свои корни; начните новую жизнь для своей семьи, я утверждал, что такие аргументы, в конечном итоге, тщетны в создании какой-либо большой и значимой западной алии.

В дискуссии, которая была у меня с директором Центра алии в Северной Америке, Нахумом Голаном, я сказал ему: Любые попытки использовать преимущественно позитивные причины, для убеждения американских

евреев уехать в Израиль, должны привести к катастрофическому провалу. Десятки миллионов долларов, которые вы потратите на свои усилия, произведут жалкую, малую отдачу. Вы не сможете убедить евреев, у которых есть комфортный дом, хорошо оплачиваемая работа или прибыльная деловая карьера и все удобства современной жизни, у которых есть глубокие корни в знакомой атмосфере, собраться, вырвать свои корни, приехать в странную страну со странными и иными обычаями и людьми, начать в преклонном возрасте изучать новый язык и справляться с незнакомыми ему экономическими и социальными условиями, если нет очень глубокой и побуждающей мотивации.

У американских евреев такая мотивация просто отсутствует, и поэтому положительный подход должен потерпеть неудачу. Они не глубоко религиозны, поэтому мицва (заповедь) жить в земле Израиля для них бессмысленна. Действительно, сколько религиозных евреев игнорируют или скрывают эту заповедь, потому что репатриация слишком сложна, а жизнь на Западе слишком удобна. В лучшем случае, существует глубокая эмоциональная привязанность определённого числа американских евреев, но это выливается в посещения Израиля и пожертвовании денег и, возможно, времени с их стороны. Короче говоря, позитивный подход может работать только с теми, у кого уже есть глубокая позитивная мотивация.

Возможный верный взгляд на массовую алию заключается в том, чтобы смотреть на историю алии на протяжении веков. Никогда в истории еврейского народа не было даже одного примера массовой алии из богатых стран, если жизнь была удобной и удовлетворительной. Вавилонское изгнание получило возможность закончиться, когда персидский царь Кир опубликовал своё заявление, позволившее евреям вернуться в свою землю. Из многих, многих евреев в Вавилоне таких оказалось около 42 000 человек, и они были в основном низшей прослойкой. Псалмопевец писал: «Возле рек Вавилона мы сидели и плакали». Они действительно могли плакать, но они сидели и не поднимались в Страну. Несомненно, у Вавилона были свои фондовые рынки и «Объединённый еврейский призыв».

Богатый еврей, как религиозный, так и не религиозный, как правило, не променяет свой комфорт на неустроенную жизнь в Земле Израиля, если только он не страдает от антисемитской ненависти к евреям или не боится её непосредственной опасности. То, чего сорок восемь пророков не могли добиться, чтобы убедить евреев раскаяться, удалось Аману, говорят нам раввины. И то, что миллионы убедительных положительных слов Еврейского агентства не смогли сделать, с успехом сделает ненависть к евреям на Западе.

Единственная надежда на массовую алию заключается в том, чтобы снова и снова подчёркивать тему неизбежности антисемитизма в западном мире, которая положит конец иллюзии равенства и мирного прогресса для евреев. Следует объявить во всеуслышание, что нет надежды на долгое выживание евреев в богатых Соединённых Штатах или других западных землях, и что ненависть язычников, так холодно выраженная в талмудическом утверждении: «Это закон – Эсав ненавидит Якова», выльется в Холокост после экономического, социального и политического кризиса, какой мы видели в Германии.

Мало того, что это единственный аргумент, который может иметь шанс на успех, – сказал я, но он трагически верен и находится на своём пути к осуществлению, и израильское правительство обязано снова и снова объявлять во всеуслышание призыв к экстренной эвакуации американских евреев не только ради собственной выгоды, но и для спасения евреев из предстоящего горнила.

Г-н Голан послушал и ответил, что Еврейское агентство, как представитель правительства Израиля, не может так говорить. Причины были ясны. С одной стороны, Израиль опасался усложнить отношения с американским правительством, что может привести и приводит к предательству еврейских принципов, евреев и самого государства в десятках различных ситуаций, а с другой стороны, он опасался поставить под угрозу отношения с крупными организациями еврейского истеблишмента, для которых такой аргумент был анафемой, и которые могли здорово угрожать Израилю ослаблением поддержки, если еврейское государство не прекратит поднимать опасные вопросы.

Несомненно, Голан и правительство Израиля хорошо помнили бурю, возникшую, когда покойный премьер-министр Давид Бен Гурион заявил, что все евреи принадлежат Израилю. Американский еврейский

истеблишмент поторопил своих представителей выразить протест Бен-Гуриону и пообещал полную финансовую поддержку Израиля, если тот прекратит говорить, как сионист.

Я понимал трудности, но настаивал на том, что опасность для выживания американских евреев была реальной и превосходит все политические и экономические соображения. Как и во всех вопросах, мы оба настаивали на том, что Ахават Исроэл и еврейское выживание имели приоритет над всем остальным.

61. Инцидент с участием нацистов

На следующий день после того, как мне отказали в разрешении выступить на Сионистском конгрессе, Давид Гилад написал в газете Маарив: «Его [Кахана] присутствие было как нельзя более успешным. Когда мы сказали Аврааму Шлёнскому (одному из великих поэтов Израиля) о появлении Кахана, который обещал, что, если пленарное голосование лишит его права говорить, он будет действовать самостоятельно, поэт ответил хриплым, но полным мудрости голосом: Он выиграл...».

В действительности, я не выиграл из-за того, что вопрос об экстренной алии не был допущен для слушаний и прений. Он, по крайней мере, получил хоть какую-то гласность, и я был готов перейти к следующему шагу.

За неделю до отъезда в Соединённые Штаты, я получил звонок от Иехиила Кадиша, личного секретаря лидера оппозиционной партии Херут, Менахема Бегина. Он проинформировал меня, что Моше Даян пытался найти меня в группе, которая хотела устроить встречу. Когда я находился с Даяном в офисе министерства обороны в Тель-Авиве, он спросил меня, могу ли я предположить, что действительно могу убедить евреев совершить алию. Я сказал, что не уверен, но если бы для этого был какой-то путь, то это был бы путь ЛЗЕ. По возвращении в Соединённые Штаты в конце февраля мой первый общественный форум был в Бруклинском колледже, где я сказал студентам, что пришло время совершить алию.

По иронии судьбы, как только я вернулся в Нью-Йорк, произошёл инцидент с участием нацистов в университете Хофстра в Лонг-Айленде. Школа с большим еврейским контингентом была в шоке от рекламы, помещённой в школьной газете, которая начиналась словами «Гитлер был прав» и заявляла, что она была размещена Национальной социалистической белой партией (НСПБЛ), бывшей ранее американской нацистской партией.

Тот, кто разместил это объявление, был студентом по имени Дэвид Керр, который потом выставил большой флаг с нацистской свастикой из окна своей спальни. Страсти разгорались, а администрация школы, как обычно, колебалась, и я решил выступить с помощью ЛЗЕ.

В то время как ряд попечителей возражал против моего появления, они не высказывались против свастики, и я дал ясно понять, что появлюсь, и президент Хофстры, Клиффорд Лорд, сказал прессе: Жизненно важно, чтобы кампус колледжа был открыт даже для самых крайних мнений (в тот же день свастика была снята). Если д-р Лорд думал помирить меня с Керром таким образом, я бы меньше переживал. Если этим он имел в виду, что мои права и права Керра должны быть равными и должны быть одинаково защищены, ЛЗЕ была иного мнения, и я намеревался чётко изложить свою позицию.

В своём выступлении в зале для собраний, состоящем из восьмисот студентов, которые подверглись обыску при входе в строго охраняемую аудиторию, я заявил, что Керра следовало физически избить, и что это был единственный способ справиться с ситуацией. Я отметил список концентрационных лагерей, в которых погибли шесть миллионов, и назвал их плодами свободы слова для нацистов. Я предупредил студентов, чтобы они не осмеивали манифестации нацистов и сказал, что Гитлер начинал даже с меньшего количества, чем у НСПБЛ.

Высоко держа фотографию, на которой нацистские солдаты смеялись, когда избивали евреев, я сказал: Есть такие, кто скажут, что физически избить Дэвида Керра не гуманно и аморально. Но я скажу вам, что если бы евреи в Германии сделали то же самое нацистам раньше, то не было бы подобной фотографии. Я снова призвал евреев понять, что происходит, и построить планы для алии в Израиль.

Всюду, куда я ездил в течение февраля и марта, когда я был в Соединённых Штатах, я говорил об алии. В Университете Пенсильвании я сказал: Существует единственное «окончательное решение еврейского вопроса» – еврейское государство. В синагогах по всей стране я предупреждал евреев об условиях, которые привели к европейскому Холокосту. Тогда и сейчас я пытался рассказать им о раздувании ненависти, литературе и усилиях, направленных на ликвидацию евреев. Нацистская листовка, раздаваемая во всех уголках страны, гласила:

«Избивать или, может быть, убивать? Должны ли мы обрубить корни и ветки сатанинских евреев и всех других лакеев, которые активизировали ниггеров против нас?».

В их письме к молодёжи говорилось: «Мы [национал-социалистическое молодёжное движение] являемся частью этого могучего непобедимого движения, продолжающего героическую, земную борьбу, начатую нашим фюрером Адольфом Гитлером».

Настенные плакаты с изображением Гитлера, которые продавались и покупались, а также нацистская статья, в которой перечислялись все проблемы, с которыми сталкивается Америка, заканчивались выводом: «Почему у нас происходят все эти вещи? Что находится в самом корне этого? Одно грязное четырехбуквенное слово: жида».

Листовка партии Национальное возрождение, распространяемая в Манхэттене, Плейнвью и Хиксвилле, вынесла в заключение следующий вердикт:

«Евреи – самая большая угроза миру. Каждый еврей должен быть расследован, а затем, как можно скорее, исключён из общества».

<--->

Газета Attack неонацистского национального молодёжного альянса писала: «Мотивация политики Киссинджера по сближению с Красным Китаем связана, конечно, с сионистами».

Национальная партия прав человека выпустила наклейки для бамперов: «Нефти – да, жидам – нет».

Ненависть к евреям, которая ежедневно исходила от чернокожих мусульман, Черных пантер и множества групп черных, которые, как Пантеры, дошли до того, что набросились с нападка на Эбби Хоффмана и Джерри Рубина как на сионистов.

В моих попытках предупредить евреев о росте ненависти к евреям, означавшем Холокост, я столкнулся с такой слепотой и откровенной глупостью, которая варьировалась от трагизма до трагикомизма. Так, одна из еврейских газет на английском языке, The Brooklyn Jewish Journal, опубликовала статью на первой полосе в выпуске от мая 1971 под заголовком «Антисемитизм». Написанная некоей Сильвией Адельман, она утверждала следующие «вечные истины»:

«Антисемитизм уменьшается во всём мире, и это объясняется сочувствием к проблемам Израиля. Симпатии к евреям также проявляются в Бруклине, где проживает самое большое еврейское население страны.

Отступление антисемитизма здесь и за рубежом можно также объяснить тем фактом, что евреи как группа имеют общие интересы с другими меньшинствами, религиозными и расовыми. Установление экуменического взаимопонимания христианского духовенства, особенно, католической церкви, с евреями, сделало многое для того, чтобы уничтожить атмосферу антисемитских настроений за последние несколько лет.... Во всяком случае, фанатизм и насилие, когда-то направленные на евреев, теперь сосредоточены на других группах меньшинств, чернокожих и пуэрториканцах».

Затем, ссылаясь на примеры того, как принимают на работу еврейских менеджеров, как закрытые клубы принимают к себе евреев и пр., г-жа Адельман приходит к выводу: «И, если требуется больше доказательств подлинного признания нееврейской общиной её семитских соседей, мы можем со знанием дела сослаться на ответ, полученный этой газетой, на её предложение о бесплатной подписке на ограниченное время.

По крайней мере, 25 процентов из тех, кто ищет экземпляр газеты The Brooklyn Jewish Journal, имели не еврейские имена и искали газету, потому что она была интересной и информативной».

Ву-а-ля! Вот положительное доказательство смерти антисемитизма!

Нет, не нужно смеяться над маленькими, близорукими, неуверенными человечками, которые так пишут, чтобы убедить самих себя, что они в безопасности в руках не евреев. Они так хотят, чтобы их любили, что готовы скорее умереть, чем сталкиваться с ненавистью. Давайте не будем смеяться, даже если увидим на первой полосе статью под заголовком (в той же газете от 11 мая 1972): «Новый антисемитизм в Уильямсбурге», написанный той же Сильвией Адельман...

62. Хабайта – время возвращаться домой

Синдром лемминга должен существовать не только среди невежественных светских, но и среди невежественных религиозных. Я сохранил сообщение бруклинского раввина в синагогальном бюллетене известного Консервативного храма. Написанное во время праздника Пурим в 1972, этот современный еврейский духовный пастырь преподаёт нам урок Пурима:

«Больше, чем любой другой праздник, Пурим даёт нам уверенность в том, что мы, евреи, можем жить как меньшинство среди других народов... Всегда есть Аман, который распространяет ложь и манипулирует толпой против нас. Всегда есть король Ахашверош, который мало знает о еврейском вкладе в мировую культуру и религии и нечувствителен к нашей значимости, нашим правам, нашей вере. С другой стороны, всегда и везде есть Эстер и Мордехай. Они учат Ахашвероша, как использовать власть своего правительства...».

Это более чем невероятно, это, скорее, непристойно, что так называемый раввин, едва проживший двадцать пять лет после Освенцима, печатая такие глупости, доказывает, как хорошо евреям жить среди других народов, и как сильно немцы заботились о вкладе евреев в культуру и религию. Тем не менее, это было частью проблемы, с которой ЛЗЕ столкнулась, когда стремилась заставить евреев осознать опасность и невозможность выживания в изгнании.

Я энергично продвигался с организацией однодневной конференции, которая обсудит и опубликует доклады о необходимости экстренной алии, а также создаст неполитическую организацию, не имеющую связей ни с какой группой, ни с какой другой целью, кроме алии, для внедрения в сознание и осуществления этой цели. Я потратил много времени на раздумье о названии новой организации и, наконец, остановился на том, которое мне показалось самым подходящим – Хабайта (Домой).

Собрав группу активистов ЛЗЕ, включающую Шейлу Лидз, Беннер и Линду Левин, Фэй Ллойд и Эли Шварца, мы организовали специальный комитет и начали планировать конференцию, которая состоится 7 мая 1972 в нью-йоркском отеле Макальпин. Письма были отправлены всем членам ЛЗЕ по всей стране, а также – каждой еврейской организации и синагоге; листовки раздавались в крупных кампусах; и я посвятил конференции всю колонку в газете Jewish Press. Было дано объяснение, что мы верим, что существует неиспользованный, потенциально огромный источник алии в городских районах, где проживают евреи с низким и средним достатком, доходы которых – достаточно низкие, а проблемы в кварталах – достаточно тяжёлые, чтобы заставить их смотреть в сторону Израиля и его уровня жизни, который едва ли хуже, чем их нынешняя участь. Это была группа из более чем миллиона евреев, до которых было нужно и возможно достучаться.

Сформировав комитет, я передал ему все детали и небольшой офис в нижнем Бродвее, который мы арендовали для него, и стал готовиться выехать в Израиль на месяц. Однако до этого произошёл интересный инцидент, который показал более чётко, чем что-либо другое, статус, который ЛЗЕ достигла в американской еврейской общине, и разделение этого сообщества на две части: тех, кто был в беде, и тех, кто не был.

В марте я получил приглашение от тридцатитысячной Ассоциации еврейских учителей выступить с докладом на их ежегодном завтраке, который состоится в этом месяце в Нью-Йорке, в отеле Americana. Организация состояла из еврейских учителей, которые преподавали в государственных школах Нью-Йорка, и которые в течение многих лет подвергались ожесточённой травле, как со стороны ярых антисемитов, так и в силу оказанного давления с требованием покончить с системой заслуг, дававшей им возможность преподавать и продвигаться по своей профессии. Возможно, больше чем любая другая профессия, эта группа евреев ясно осознавала эрозию еврейского влияния и угрозу еврейскому статусу в Америке. Их приглашение было одновременно признанием той роли, которую ЛЗЕ сыграла тем, что первой призвала к воинственной борьбе за их права, а также предприняла довольно смелый шаг в этом направлении, чего ни одна другая крупная еврейская группа никогда не делала.

Реакцией еврейского истеблишмента был гневный отказ от приглашения, и президент Еврейской объединённой федерации учителей, Альберт Шанкер, сделал любопытную вещь. Как социалист, Шанкер до 1968 больше интересовался гражданскими правами, чем еврейскими, несмотря на то, что он был работником еврейского комитета труда, антирелигиозной не сионистской социалистической группы, происходящей из европейского Бунда, который был яростно антиссионистским до тех пор, пока большевики не запретили его в России. Теперь он отменил свои планы на покупку десяти талонов на обед, а также своё собственное запланированное появление, и в статье в журнале UFT объяснил, что его действия являются ответом на приглашение еврейскими учителями меня.

Более того. Планировалось вручить Голде Меир награду, которую должен был принять Генеральный консул Израиля Дэвид Ривлин. Узнав о моем появлении, Ривлин отменил приём по государственным причинам.

Я же пришёл, и рассказ о моем появлении был детально изложен на первой странице Нью-Йорк Таймс под заголовком Шанкер бойкотирует обед учителей с участием Кахане:

Альберт Шанкер, лидер Союза учителей, отказался присутствовать на ежегодном завтраке Ассоциации еврейских учителей, потому что в качестве приглашённого докладчика был рабби Меир Кахане, глава воинствующей Лиги защиты евреев...

Незадолго до того, как раввин Кахане заговорил с аудиторией, насчитывающей более чем 1200 человек, которая прерывала его частыми вспышками аплодисментов и наградила его овацией, при его приближении к кафедре раввин Гарольд Гордон, исполнительный вице-президент нью-йоркского совета раввинов, покинул помост в знак протеста. Это ясный пример разрыва между простыми евреями и чиновниками, которые позволяют себе говорить от их имени!

Моя речь, последовала за выступлением заместителя директора школы, Ирвинга Анкера, который перед лицом разрушения системы заслуг, усиления обратной дискриминации, квот и насилия, которые разрушали еврейские права в школьной системе, пытался убедить учителей положиться на Совет по образованию и на постоянный профсоюзный процесс по защите еврейских прав. Бюллетень еврейских учителей, «Морим», сообщая об этом завтраке, писал:

«Возможно, их [Кахане и Анкера] философские различия лучше всего могли быть подчеркнуты вопросом мистера Анкера: "Если я только за себя, то что я?".

И ответ рабби Кахане: "А хорошо ли это для евреев?"».

Мой ответ был шире этого. Я спрашивал также, кто будет бороться за еврейские права, если не сами евреи? Кто так долго боролся за чужие права, часто за счёт своих собственных, если не евреи? Кто сможет остановить разрушение прав евреев, если не евреи, которые используют еврейское влияние?

Я защищал систему заслуг как единственную, которая не даст евреям оказаться в экономическом и политическом распаде, и призвал их использовать своё политическое и экономическое влияние для помощи евреям. Когда я закончил, меня наградили стоячими овациями – ясный признак того, что то, что ЛЗЕ осмелилась предвидеть и проповедовать, начало укореняться в еврейском сознании. Жаль, что и в этом случае, как и во

всех других, это стало тем, что начал понимать только страждущий еврей, а не все вообще, и понимание пришло очень поздно на исходе дня, возможно, даже слишком поздно.

63. «Алия – помощь Израилю, а не бегство из Америки»

В то время как я был в Израиле, комитет «Хабайта» продолжал работу, и первый ответ, подобный взрыву, пришёл, когда объявление о конференции, сделанное Сэмом Шошана, было помещено в газете New York Times.

Показывая на каменную стену с начертанными крупно словами, «Иудей, возвращайся домой!», оно гласило:

«Да благословит Бог эту великую страну! Пусть этого никогда не произойдёт! Но может ли кто-нибудь сказать, что это невозможно?»

Америка хороша для своих граждан, и на Земле нет державы, которая сравнится с её терпимостью, состраданием и свободой. Мы любим Соединённые Штаты и гордимся их историей... Однако то, что было, будет не всегда. Еврейская история имеет один и тот же трагический прецедент полной катастрофы для евреев.

«Здесь этого не может быть!» - Так они говорили в Веймарской Германии, стране с еврейским министром иностранных дел, с еврейским богатством и влиянием. Из всех стран мира, менее всего этого можно было ожидать в культурной и цивилизованной Германии. Но это случилось».

В объявлении обсуждалось ухудшение общей ситуации в Америке: война во Вьетнаме, социальные, политические и экономические проблемы, а также то, что они означали для евреев, и рост групп ненависти в Соединённых Штатах. Объявляя время и место конференции, оно делало вывод: «Мы любим Америку, но, в конце концов, место еврея - в еврейском государстве. Мы любим Америку, но мы интуитивно чувствуем, что, спустя две тысячи лет, настало время вернуться домой».

Ответ со стороны еврейского истеблишмента был немедленным. Он был подытожен в газете Jewish Post and Opinion, в которой говорилось: Еврейская община привыкла к Лиге защиты евреев и её тактике, но она должна проявить терпение, чтобы принять последнюю рекламу боевой группы в газете Нью-Йорк таймс, под заголовком «Иудей, возвращайся домой!».

Раввин Ирвинг Лерман, президент Совета синагог Америки, группы, которая координирует консервативный, реформированный и ортодоксальный иудаизм в Соединённых Штатах, заклеил нас как безответственных торговцев смертью. Он сказал, что все американские граждане должны удвоить свою бдительность, чтобы Холокост не произошёл здесь, а затем продолжил утверждение, которое снова и снова повторялось противниками экстренной алии в Израиль: «Ни Израиль, ни цивилизованный мир, каким мы его знаем, не смогут пережить такую вероятность (то есть, исход американских евреев из Соединённых Штатов), которые, по-прежнему, остаются лучшей надеждой для человечества».

Аргумент о том, что Израиль не сможет пережить падение еврейской общины Америки, был типичным для такого раввина, каким был Лерман. Мысль, что еврейское государство возникло, как чудо Божье, по Его решению и как нечто сверхъестественное, способное выдержать все возможные события, было чуждо современному раввину.

Даже ортодоксальный раввинский совет Америки был ошеломлён, поскольку он опубликовал заявление, в котором говорилось, что наши слова поставили под угрозу статус американских евреев и нанесли ущерб как им, так и Израилю.

Газета, для которой я писал, Jewish Press, проявляла ту же близорукость, поскольку в редакционной статье «Дипломатия с тревожной кнопкой», она заявила, что призыв ЛЗЕ есть преувеличение, и пришла к заключению, что если молодой человек хочет эмигрировать в Израиль, это должно быть сделано на том основании, что он хочет помочь Израилю, а не бежать из Америки.

Обратите внимание на предположение, что ЛЗЕ обращалась только к молодым людям, а не ко всем евреям, когда говорила о побеге. Отметьте также тотальный отказ от реальности и логики, путём игнорирования факта, что причина бегства существовала.

На фоне сердитой реакции 7 мая была созвана конференция, и Берт Цвейбон открыл её объяснением её цели:

«Мы собрались здесь», – сказал он, обращаясь к свыше 500 делегатам, – «чтобы создать механизм массового возвращения американских евреев на родину, в Израиль. Перед лицом ухудшающихся условий и кризисов, которые вызывают разрушение демократического процесса и волну антиеврейских чувств, перед лицом волны ассимиляции, смешанных браков и еврейского отчуждения, американские евреи столкнутся с потенциальной физической и духовной катастрофой и трагедией, если не будут предприняты незамедлительные и неотложные шаги для их возвращения в еврейское государство.

Сегодня здесь будет создана... американская еврейская национальная организация с филиалами в каждом местном сообществе, чтобы начать работу по немедленному массовому возвращению. Название организации Хабайта...».

Остальные ораторы останавливались на теме ненависти к евреям. Наш молодёжный координатор, Эли Шварц, рассказал об источниках и литературе антисемитизма, в то время как Джеймс Рапп проанализировал сравнения и различия между Веймарской Германией и Америкой 1972.

Я говорил больше часа. Я снова повторил все, что говорил давно: Американская мечта подходит к концу для евреев... Кризис в Америке готовит плодородную почву для антиеврейской ненависти... Унизительное поражение во Вьетнаме выпустило всех джиннов в этой стране. В конечном итоге, евреи понесут на себе основной груз провала Америки во Вьетнаме. Мы ещё будем платить за наших джерри рубинсов и эбби хоффманнов. Миф о ноже в спину будет снова с нами... Есть те, кто говорит, что Америка – не Германия. Это правда. А Германия – не царская Россия... Немецкие евреи жили в Германии гораздо дольше, чем мы в этой стране. У американских евреев больше причин бояться, потому что у них есть страшный прецедент.

Я призвал каждого вернуться к себе в квартал и установить для себя минимальную квоту в десять местных жителей, которые заинтересуются алиёй. Главы «Хабайта», сказал я, должны быть избраны в каждом квартале. Списки кандидатов на алию, с точной информацией об их происхождении и навыках, будут потом переданы израильским правительственным учреждениям, занимающимся алиёй, и начнётся подготовка к строительству большого города с рабочими местами и жильём по меньшей мере для пятидесяти тысяч американцев. Индивидуальный еврей, пришедший к бюрократам Еврейского агентства, оказывался потерянным, и даже по прибытии в Израиль он часто обнаруживал себя в районе со странным соседством, с которым ему, как новоприбывшему, было трудно иметь дело. «Хабайта» как организация была бы его представителем в разговоре с Агентством и, кроме того, говорила бы от имени тысяч людей. В то же время должна была быть решена проблема жилья и занятости в незнакомых условиях.

Затем конференция приступила к работе над резолюциями и решениями. Было решено принять программу, которую я предложил, и которая отражена в моей книге «Время возвращаться домой»:

64. Программа «ХАБАЙТА!» (домой!)

Возвращение – неполитическая национальная организация американских евреев:

1. В каждой еврейской общине начнутся настоятельные, немедленные усилия по убеждению евреев в серьёзности реальной ситуации и экстренности принятия срочных мер для возвращения в Израиль.
2. С этой целью будут обучены и разосланы ораторы по всей стране в каждую местную еврейскую общину.
3. Будет напечатана литература, освещающая эту тему с включением фактов и аргументов относительно глубоких американских кризисов, последствия которых могут быть опасными для евреев. Проявления этих опасностей имеет место в форме существующих антиеврейских групп и раковой опухоли ассимиляции.

4. Будет проводиться воспитательная работа в отношении положительных причин для проживания евреев в Израиле, то есть, нормальной жизни еврейского народа в еврейском государстве с еврейской культурой.
5. Будут регистрироваться отдельные лица, семьи и целые учреждения, желающие вернуться. Регистрация будет включать полную информацию о биографии, профессии или занятиях, навыках, семье и доходах, чтобы помочь этим людям получить работу и недорогое жилье в подходящих областях.
6. Будет проводиться массовая кампания, в частности, «от двери к двери» в городских районах, где социальные и экономические условия ухудшились до такой степени, что евреи серьёзно рассматривают возвращение.
7. Особое внимание будет уделено религиозному обязательству соблюдающих евреев репатриироваться и пропагандировать репатриацию в религиозных учреждениях и районах.
8. В каждой общине будут создаваться местные отделения по возвращению. Такие филиалы будут заниматься воспитательным образованием в общинах, а также служить средством национального движения для регистрации тех, кто желает вернуться.
9. Будет предоставлена полная информация о социальных и экономических проблемах, связанных с массовой алейей, особенно в области жилья, занятости и образования, с тем чтобы выступать в качестве представителя для отдельных американских евреев, желающих вернуться.
10. Будут составлены поимённые списки, которые будут переданы соответствующим агентствам и отделам алии для работы с ними по созданию жизнеспособных городов, деревень и поселений для возвратившихся с недорогим жильём, запланированными объектами и рабочими местами. Пятнадцать-двадцать процентов населения в этих местах будут уроженцами или старожилами Израиля.
11. Будут проверены профессии, занятия и способности каждого человека вместе с администрацией алии, чтобы выяснить, кого куда разместить и каким людям надо найти работу.
12. Для создания рабочих мест для возвратившихся будут подключены частные инвесторы для инвестирования в отрасли, заводы и т. д., что создаст рабочие места. Председатели местных советов будут искать местных инвесторов.
13. Будет осуществляться работа с израильским правительством и частными инвесторами, чтобы точно определить, какие отрасли и производства необходимы, а также гарантировать справедливую прибыль, достаточную для привлечения частного капитала для инвестиций.
14. Будут проводиться регулярные встречи с местными евреями, желающими совершить алию, с проведением дискуссий об Израиле, алии и еврейской идентичности.
15. Города, деревни и поселения будут планироваться, по мере возможности, в освобождённых районах.

КАКИЕ НЕМЕДЛЕННЫЕ ШАГИ СЛЕДУЕТ ПРЕДПРИНЯТЬ

1. Выборы временного совета директоров, который будет осуществлять надзор за операциями по возвращению и будет иметь полномочия принимать все необходимые решения.
2. Выбор местных председателей для Хабайты из среды присутствующих делегатов – одного председателя на каждую синагогу или местную еврейскую общинную организацию, представленную здесь. Эти люди вернутся в свои общины и сразу же опубликуют информацию для сообщества и прессы о создании Хабайты, своих собственных назначениях в качестве местных председателей, первом собрании заинтересованных людей в сообществе и немедленной регистрации первых членов.
3. Установление квоты в не менее десяти зарегистрированных семей от каждого делегата, список которых должен быть отправлен в национальный офис в течение шести недель.
4. Немедленное открытие национального офиса с исполнительным директором и секретарём.

5. Непосредственная выплата \$10 каждому делегату на эту конференцию на покрытие первоначальных расходов.
6. Размещение национальных рекламных объявлений о формировании Хабайты, а также рекламных объявлений и интервью во всех местных еврейских изданиях.
7. Объявление о национальной неделе возвращения, в ходе которой состоится массовая регистрация евреев.
8. Сбор списков от каждой американской синагоги и группы, не представленных на конференции, и создание местных отделений и председателей Хабайты.
9. Мобилизация по крайней мере одного инвестора от каждого местного сообщества.

Пресса освещала конференцию в таких заголовках, как «ЛЗЕ начинает инициировать возвращение в Израиль» и «Кахане просит евреев выехать в Израиль». Чтобы сохранить импульс и обнародовать идею экстренной алии, мы решили показаться на этой неделе в Кливленде, штат Огайо, на двухгодичной встрече Американского еврейского конгресса (АЕК). Эта организация, безусловно, наиболее опасна для еврейских интересов. Мало того, что она не работает на соответствующие еврейские интересы, она настолько чужда всему еврейскому, что оказалась основным противником общественной помощи еврейскому образованию, ведя в то же время дурацкую и опасную борьбу как с молитвами в школах, так и с рождественскими символами на всяком общественном здании и частном владении. Я знал, что у них никогда не было ни малейшего желания иммигрировать в Израиль. Их президент, раввин Артур Дж. Леливельд, больше времени уделял нападкам на политику США во Вьетнаме, чем еврейским проблемам. Поэтому мы с большой помпой объявили, что я появлюсь в четверг, 11 мая, и попрошу разрешения обратиться к делегатам по вопросу о массовой алии. После того, как я был запрещён на двух конференциях, я начал понимать, что запреты гораздо эффективнее самих выступлений.

Более того, когда я прибыл в Шератон-Кливленд, где проводилось тайное совещание, отель был заполнен полицией, журналистами и телевизионщиками. Трудно было сдержать смех при виде этой чрезмерной реакции, которая настолько точно соответствовала тому, что я хотел, что я сказал нашим молодым лидерам, Нилу Ротенбергу и Эли Шварцу: Мы всегда можем рассчитывать на то, что они нам помогут.

Нервные работники АЕК меня не пустили, и я сказал журналистам и телевизионщикам, почему я пришёл. Главный функционер АЕК, Уилл Маслоу, наблюдал за этим с явной болью. Средства массовой информации сделали работу, которую мы от них ждали. Например, в Нью-Йорк Таймс была опубликована статья на всю полосу под заголовком «Еврейский конгресс держит Кахане за дверь», которая придавала особое значение вопросу об экстренной алии. Необычно длинный комментарий был дан на истерическую реакцию Леливельда:

«Мы совершенно не согласны с мнением рабби Кахане о том, что евреи в Соединённых Штатах стоят перед новым Холокостом, и поэтому должны иммигрировать в Израиль, чтобы выжить.

Подавляющее большинство американских евреев останется в Америке, потому что Америка является их домом, и потому, что Америка даёт возможности для свободы и роста, а также перспективы, беспрецедентные в истории нашего народа». <--->

Америка 1972 – это не Германия 1932, и любая попытка сравнения этих двух стран представляет собой то безрассудство и безответственность, которых мы ожидали от раввина Кахане и Лиги защиты евреев».

Конечно, безответственность и преднамеренные искажения были со стороны Лиливельда, а не ЛЗЕ. Мы никогда не говорили, что Америка 1972 была Германией 1932. Мы сказали и даже крикнули на весь мир, что она была Германией 1927 или 1928, с призраком потенциального Холокоста, нависшего над слепой и близорукой еврейской общиной.

Хотя добропорядочные из АЕК нервно ограждали истеблишмент и мейнстрим от дикой еврейской концепции сионизма ЛЗЕ, молодые делегаты собрались, сели на полу в лобби, и мы вместе стали обсуждать реальные

проблемы. Их реакция сильно отличалась от официального заявления для прессы Американского Еврейского Конгресса (АЕК), для которого моё присутствие было отвратительным и оскорбительным. <---> <---> <--->

65. «Вечный жид»

Этот сценарий был старым, повторенным в последний раз трагически в предвоенный период 1930-х, когда призрак Адольфа Гитлера вырисовывался над еврейством Восточной Европы, живущим среди ненависти поляков, литовцев, латышей, венгров, украинцев, словаков и румын. Когда Зеев Жаботинский, единственный, самый блестящий сионистский гигант того времени – тот, кого так ненавидело и боялось еврейское руководство того времени, увидел то, что он называл опасной зоной или зоной бедствия восточноевропейского еврейства, он стал взывать к плану эвакуации, чтобы спасти евреев Восточной Европы. Ещё в 1932 он заявлял: Несколько миллионов евреев должны в ближайшем будущем эвакуироваться из основных центров Восточной Европы и создать в Палестине национальное еврейское государство.

Еврейское руководство Польши было в ошеломлении и ярости. Члены редакционной коллегии газеты, для которой он писал, потребовали, чтобы он остановился. Громогласный оппонент Жаботинского, Ной Прилуцкий, сказал: Жаботинский хочет эвакуировать из Польши значительную часть ее нынешнего еврейского населения, а я хотел бы видеть здесь не три с половиной, а семь миллионов евреев - это увеличило бы нашу силу в борьбе с антисемитами.

Известный еврейский писатель, Шолом Аш заявил, что то, что сейчас делает Жаботинский в Польше, переходит всякие границы... <---> «В Палестине, - продолжил он, - орган Гистадрута, Давар, высмеивал «фюрера Жаботинского», который все эти годы активно калечил всякую озвученную идею в сионизме». Затем газета добавила: Мы, евреи, не позволим изгонять нас в Палестину с помощью польских антисемитов.

Нападки и диффамация Жаботинского достигли рекордных высот. Он был пригвождён к позорному столбу, осмеян, осуждён, а массы – убаяваны. Как трагично, что Аш появился на пресс-конференции в Иерусалиме в 1952, с опозданием на шестнадцать лет и на шесть миллионов евреев, заявляя: «Я глубоко сожалею, что боролся с планом эвакуации Жаботинского». Было слишком поздно сожалеть о шести миллионах. Однако еврейский народ никогда не учится, и единственный урок, который мы усвоили из истории, состоит в том, что её уроки не усваиваются.

Было ясно из нападок всего еврейского истеблишмента, сионистского движения и критических обзоров на мою книгу Время возвращаться домой (обращение к страху, истерический, несдержанный), что снова несчастные евреи, которые не хотели слушать, были убаяваны их лидерами. Эры Герцля и Жаботинского повторились бы, но на сей раз опасность была намного больше, поскольку когда-то случившийся Холокост стал опасным прецедентом. Вечный жид был готов блуждать по всему миру, но не возвращаться домой. Кроме того, это была тема статьи, которую я написал для Jewish Press в июле 1972, под названием «Вечный жид».

Таковы были путешествия сынов Израиля, когда они вышли из Страны Египетской, – писал я. И отправились из Рамсеса, и расположились лагерем в Сукке, и отправились из Сукки, и расположились лагерем в Эйтаме. И отправились из Рефидима, и расположились лагерем в Синайской пустыне, и отправились из Синайской пустыни, и расположились лагерем в Киврот-Хатаава, и отправились из Киврот-Хатаава, и расположились лагерем в Хазероте, и отправились из Хазерота, и расположились лагерем в Ритме, и отправились из Ритмы, и расположились лагерем в Римон Пареце, и отправились из Римон Пареца, и расположились лагерем в Ливне, и отправились из Ливны, и расположились лагерем в Ризе.... (Бамидбар-Числа, 33)

Странствия иудеев по своей усталой пустыне – это дорога домой.

Утомительное путешествие Вечного жида по истории относится не только к этому сорокалетнему периоду еврейской эпохи. Это постоянно повторяется. Это история евреев в изгнании, никогда не знающих больше короткой передышки, никогда не чувствующих больше мимолётного, хрупкого момента безопасности. Эта история повторяется бесконечно, в каждом поколении, и не в последнюю очередь, в нашем собственном. Трагично, когда евреев вынуждают переходить от одного лагеря к другому. Это смехотворно жалко, когда его странствия принимают форму, которую они приняли в Америке наших дней.

Так, будущие летописцы напишут о безумных странствиях американских евреев.

Это путешествия американских сынов Израиля, которые вышли из Земли европейской...

И отправились из Польши (или России, Галиции, Литвы или Венгрии, Румынии, или Сирии, или Турции) и расположились лагерем в Нижнем Ист-Сайде. И отправились из Нижнего Ист-Сайда, и расположились лагерем в Уильямсбурге. И отправились из Уильямсбурга, и расположились лагерем в Краун-Хайтсе. И отправились из Краун-Хайтса, и расположились лагерем в парке Боро. И отправились из парка Боро, и расположились лагерем в Лесных холмах. И отправились из Лесных холмов, и расположились лагерем в округе Нассау. И они отправились из округа Нассау, и расположились лагерем в графстве Саффолк. И отправились из графства Саффолк, и в последний раз видели, как они цеплялись за маяк на Монтаук-Пойнте, потому что больше не осталось лагерей...

Мне не стыдно признаваться в этом. Я не понимаю евреев. Мне трудно понять человека, который так умен в бизнесе, настолько увлечен наукой и профессиями, настолько интеллектуально ярок в спорах, и так невероятно глуп, когда дело доходит до спасения самого себя ...

Скитания американских евреев легендарны. Их вступление в новый район и их предсказуемое, почти неизбежное бегство, всего лишь несколько лет спустя, в ещё более новый район. Их бегство от страха перед преступностью, неграми, падением ценности недвижимости, и их решение перейти в точно такую же ситуацию, которая является повторением старого за отрезок абсурдно короткого времени – времени, которое в прогрессии становится все короче. Он убегает из Браунсвилла, оставляя все своё имущество и еврейские учреждения, и направляется куда? К восточному Флэтбушу, где его неизбежно постигнет та же участь. Дважды побывав в огне, он отправляется в пламя, перейдя в Стейтен-Айленд, где строится новая иешива, после того как старая рухнула под натиском неизбежных перемен. И через шесть месяцев его уже не будет в Стейтен-Айленде, как только призрак снова станет ему угрожать, а он будет бессознательно задаваться вопросом, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться до работы в Манхэттене из дебрей Нью-Джерси ...

Это не особая американская проблема. Это присуще богатым и здоровым евреям в каждом новом раю на земле. Однажды я встретил еврея из Монреаля. Он выжил после Освенцима, пройдя семь кругов ада. В Монреале он сильно разбогател. Внезапно французское сепаратистское движение стало угрожать его экономическому будущему, и даже его физической безопасности. Он сказал мне, что думает уехать. Я посмотрел на эту пережившую европейский ад жертву – кандидата на роль жертвы новой ярости в Монреале и спросил его, куда он собирается уехать. В Торонто, – был ответ, а после этого, конечно, в Ванкувер, а после него – в Австралию. В любое место, только не в то логичное безопасное место, которое зовётся Домом. Эрец Исраэль. Израиль.

Мы действительно поражены каким-то видом безумия. Как будто слова пророка Исаии явились, чтобы поразить нас мщением: «Вы слышите, но не понимаете, вы смотрите, но не видите. Сердце этого народа покрыто жиром, уши заложены, а глаза закрыты...» (Исаия 6: 9-10)

Это единственное объяснение, которое я могу придумать для безумного отказа американских евреев понять, что, в конце концов, не будет никаких кварталов, которые были бы безопасными для них, и что никакое путешествие не приведёт их в последний лагерь безопасности. Нет другого объяснения для оставшихся в живых после Освенцима, убеждающих себя, что район Y окажется для них более безопасным, чем район X, который, в свою очередь, окажется для них абсолютно безопасным и никогда не превратится в района Освенцима. Нет другого объяснения для решения о строительстве дома в ненадёжном Стейтен-Айленде, стоимостью во много миллионов долларов, а не в надёжном Иерусалиме. Нет других объяснений для переезда кафтана, штреймала и ребе из Варшавы, Санса и Сиджита в Боро-Парк, Кроун-Хейтс и Уильямсбург, а не в Эрец-Израэль. Мы должны быть поражены безумием – этой яростью Небес, чтобы не осознавать, что вечные скитания евреев не остановятся на бостонских беженцах в Бруклине, на филадельфийских беженцах в парке Элкинса, на кливлендских беженцах в Шейкер-Хайтсе, на чикагских беженцах в Скоки, на детройтских беженцах в Оук-парке и на нью-йоркских беженцах в Нассау, Саффолке, Манси или Стейтен-Айленде.

Наступит время, когда к нашему ужасу не останется больше лагерей. Наступит время, когда даже самые слепые, глухие и упрямые среди нас узнают, что есть много лагерей, но только один Дом. Обычно это время наступает слишком поздно.

Однако пока ещё не слишком поздно снять завесу с наших глаз – завесу, которая возникла не из-за невозможности, а из-за отказа понять, не от истинной слепоты, а от нежелания видеть. Мы – поколение, которое выполняет слова наших мудрецов, комментировавших начало книги Рут: Горе поколению, которое судит своих судей.... Воистину, горе тому поколению, слишком чёрствому, чтобы осознавать очевидное, которое блуждает вокруг, потерянное, без руля и понимания. Мы – такое поколение, и я знаю, что никогда в истории нашего народа не было такого крупного сообщества, как американское еврейское сообщество, которое было бы абсолютно и полностью лишено хотя бы одного великого человека. Евреи бродили по пустыне, но, по крайней мере, имели в утешение Моше (Моисея), который ясно осознавал, откуда он их вывел. У американских еврейских скитальцев даже этого не было. Я могу повторить только то, что я говорил так много раз: настало время перестать скитаться и возвращаться домой. <--->

Самым явным признаком враждебности по отношению к евреям, о которой я говорил так долго, был шокирующий комментарий генерала Джорджа С. Брауна, председателя Объединённого комитета начальников штабов Соединённых Штатов, который сказал, во время выступления в Университете Дьюка 10 октября 1974:

«Они [евреи] владеют, как вы знаете, банками в этой стране, газетами, вы просто посмотрите, где находятся еврейские деньги в этой стране. Затем Браун добавил, что вы можете наколдовать ситуацию, когда возникнет ещё одно эмбарго на нефть, и людям в этой стране станет не только неудобно и не комфортно, но они начнут страдать, и они станут достаточно трезвомыслящими, чтобы сбросить еврейское влияние в этой стране и разрушить это лобби».

На нервных, неуверенных американских евреев это оказало катастрофическое воздействие. Они были ошеломлены. Люди, кроме упорно слепых, не могли не понять, что то, что Браун высказал, десятки миллионов других американцев долго обдумывали. Комментатор газеты Los Angeles Times, Ник Симмеш, в своей статье от 20 ноября 1974, указал, что тогдашний сенатор Арканзаса, Дж. У. Фулбрайт, председатель сенатского комитета по международным делам, много лет говорил то же самое, заявляя, что Америка подпала под израильское господство.

Потом Симмеш <---> заявил, что Израиль ожидает 110-процентная поддержка в прессе, и заключил предупреждением: Представители Израиля и их американские сторонники должны проявить осторожность, чтобы не потерять своих друзей в последней стране мира, дружественной Израилю, а именно в Соединённых Штатах.

Реакция основных групп еврейского истеблишмента была показательной. После воплей протеста, они добились выговора Брауну от президента Форда и извинений от генерала. В этот момент, вместо того, чтобы настоять на том, чтобы никому, кто придерживался взглядов Брауна, не было позволено сохранить должность председателя Объединённого комитета начальников штабов, и что извинения не могут искоренить обвинения генерала, Дор Шари из Бнэй Брита, из его Антидиффамационной лиги, выступающей от группы еврейского истеблишмента, встретился с министром обороны Джеймсом Шлезингером и сказал, что группа подождёт какое-то время и посмотрит, что произойдёт. Отказ оказать давление, чтобы Брауна уволили, был явно основан на жалком и испуганном мнении, что это просто докажет, что евреи действительно контролируют Америку.

Это безрассудное и нервное мнение, которое явно отбрасывало евреев к само-установленному состоянию граждан второго сорта, было подчёркнуто истерическими пресс-релизами, выпущенными крупнейшими еврейскими группами. Горы статистики были наворочены о пользе американских неевреев для доказательства того, что евреи не контролируют банки, газеты или что-либо значимое. Этот галутный менталитет гетто, породивший подобное низкопоклонство, контрастировал с заявлением ЛЗЕ, в котором говорилось: «Мы хотим одного – чтобы у нас была такая сила, которую Браун нам приписал».

Одним из интересных результатов дела Брауна было изменение отношения, которое я заметил, когда вернулся к туру лекций по Соединённым Штатам. Теперь, когда я говорил то, что говорил годами, публика больше не реагировала враждебностью. Когда я говорил о растущей возможности трагедии для американского еврейства, в комнате стояла гнетущая тишина. Спрос на мою книгу *Time To Go Home* (Время возвращаться домой) неожиданно подскочил в офисе ЛЗЕ. Как обычно, было ясно, что то, что не могли сделать для алии здоровый смысл и положительный настрой, смогли сделать «генералы брауны» этой земли.

Я приготовился отправиться в Израиль, чтобы открыть летний курс еврейской школы идентичности для обучения руководителей еврейских кампусов. Но перед отъездом меня неожиданно пригласили выступить в национальной телевизионной программе Дика Каветта, транслировавшийся по американской сети вещательных компаний. Каветт заявил, что я должен появиться с послем Соединённых Штатов в ООН, Джорджем Бушем, чтобы обсудить проблему советских евреев. За несколько дней до передачи, мне сообщили, что Буш отказался от выступления, и поэтому моё появление тоже отменяется.

Буш в замечательном письме к Каветту сказал ведущему, что, хотя он согласился появиться со мной, углублённая проверка с определёнными ответственными, уважаемыми лидерами национальных еврейских организаций убедила его не приписывать какого-либо авторитета г-ну Кахане. В действительности случилось то, что Бнэй Брит, Американский еврейский комитет и лидеры Американского еврейского конгресса, которые узнали о передаче, в ужасе связались с Бушем и заставили его отменить её. Это подвигло главного редактора газеты *Cleveland Jewish News*, Джерри Барака, подвергнуть нападкам основной миф, который лидеры поддерживают, вопреки истинным чувствам людей, и критике Буша и Каветта за отмену передачи.

<--->

2 июня я улетел в Израиль на все лето, чтобы открыть курс в Центре идентичности. У меня было много планов на ближайшие годы - сделать Хабайта и алию жизнеспособными и успешными. Я не знал, что мне будет позволено вернуться в Соединённые Штаты не раньше августа 1974 из-за усилий правительств Израиля и США задержать меня в Израиле и предать суду. Итак, Хабайта оказалась на грани краха, зачахла и стала уже неспособной когда-либо начаться. Надо надеяться, что для неё ещё есть будущее.

66. Изгнание – это осквернение Имени Бога

Последнее слово об изгнании для тех, кто мало или совсем не знает иудаизма, и для тех, кто считает, что знает много. Изгнание – это больше, чем проклятие, это осквернение имени Бога, что совершенно противоречит великой еврейской обязанности освящать Имя. Чему, по сути, служит еврейская концепция осквернения Имени? Еврейская фраза хилуль Хашем означает вакуум или отсутствие Имени. Вот ключ к концепции. Еврею запрещается создавать пустоту или вакуум, когда Бог, так сказать, отсутствует, ушёл. Более того, нет большей пустоты и отсутствия Бога, чем в тот момент, когда еврея угнетают, избивают или изгоняют из своей страны. Когда он страдает от рук неевреев, язычник смотрит, видит страдание еврея и спрашивает: Где же тогда его Бог?! Ибо он рассуждает так: если бы существовал еврейский Бог, который контролировал бы и доминировал над миром, Он не позволил бы Своему народу быть таким униженным. И поэтому каждый раз, когда еврея избивают, и кулак попадает ему в лицо, это хилуль Хашем – пустота и осквернение Имени. Самым большим из всех пустот и вакуумов был Холокост, в котором шесть миллионов евреев были унижены и уничтожены. И с ними было унижено и осквернено Имя еврейского Бога, которого нацисты презирали за то, что он отсутствовал и ушёл.

Это то, что имел в виду Господь, сказав Пророку Йехезкэлю (Иезекиилу) (36:20): И когда они (евреи) ушли к народам, то куда бы они не пошли, они оскверняли Моё святое Имя....

Само присутствие в изгнании еврея, лишившегося независимости, своего государства, права быть большинством, способности сопротивляться, было осквернением. Вот почему создание Государства Израиль настолько значимо. Это больше, чем государство – это противоположность осквернения, это освящение. И этого иудеи не могут понять, как ассимилированные, так и подавляющее большинство так называемых

религиозных. Те и другие стоят бок о бок в американской роскоши, оскверняя имя Бога в ожидании чего-то - даже не зная чего, - но все же – в ожидании Холокоста...

В выпуске журнала Playboy за октябрь 1972, было напечатано длинное интервью со мной (для тех, кто хочет знать, почему я, раввин, дал интервью такому журналу, ответ: подумайте обо всех еврейских читателях Плейбоя. Кому ещё нужно учение ЛЗЕ больше, чем им?) Я снова подчеркнул необходимость алии. Письма читателей были предсказуемы. Подавляющее большинство издевались и горько осуждали мысль о необходимости уехать в Израиль. Одно за другим печатались письма с критикой. А потом пришло последнее письмо, которое начиналось словами: «Рабби Кахане прав, когда говорит, что в этой стране нет еврейского будущего. Будущее Америки белое, арийское, и, в конечном итоге, в соответствии с неизменным законом исторического развития, национал-социалистическое. Ничто не может изменить этот факт...». Это письмо было подписано Мэттом Кёлем, главой американской нацистской партии.

Есть те, кто отвергнет Кёля как маньяка. Были такие, что отвергали Гитлера как маньяка. Я не знаю, будет ли Кёль американским Гитлером, но я боюсь, что кто-нибудь им станет, и тогда борьба ЛЗЕ продолжится, чтобы убедить евреев, что настало время возвращаться домой.

Глава VIII.

Где бы ни страдали евреи

67. Борьба за д-ра Эйнхорна

Концепция Ахават Исроэл, любви к евреям, означала в практическом плане поразительно широкий спектр деятельности Лиги защиты евреев. И широкий диапазон ненавидящих евреев столкнулся лицом к лицу с новой группой, которая стала проявляться внезапно, регулярно и стремительно. В газете New York Times 25 мая 1970 появились грустные слова еврейского лидера: Они могут мгновенно собрать пятьдесят человек в магазине одежды или семьдесят студентов колледжа. Они работают очень эффективно по телефону, и у них есть люди, ответственные за сбор отрядов в несколько десятков человек.

Такой широкий спектр деятельности ЛЗЕ мог быть замечен в ряде районов, где еврейская воинственность играла заметную роль.

Больница им. Линкольна и медицинский колледж им. Альберта Эйнштейна.

После Второй мировой войны университетская йешива, самая известная высшая религиозная еврейская школа в стране, решила открыть медицинскую школу, которая облегчила бы молодым евреям, желающим стать врачами, избежать обременительных квот и ограничений, с которыми они так часто сталкивались до этого времени. Так появился Медицинский колледж им. Альберта Эйнштейна, вместе с городской больницей им. Линкольна, единственной в поражённом бедностью, неграми и пуэрториканцами (и еврейской беднотой) районе Южного Бронкса. Эта больница была под управлением данной школы и комплектовалась ею.

Немногие из больниц имели такой преданный и тёплый персонал, который, работая в ужасно трудных бюджетных условиях, предоставлял отличный уход бедным жителям окрестностей. Тем не менее, подстрекаемые пуэрториканскими боевиками из организации «Молодые лорды» и новая левая группа, известная как «Молодые врачи и работники здравоохранения», стали требовать общественного контроля над больницей на основании расистского пренебрежения к потребностям сообщества. Реальное желание боевиков состояло в том, чтобы пуэрториканцы и чернокожие были поставлены в управление больницы, а евреи – вытеснены. Захваты и срывы работы стали обычным явлением, пока не достигли точки, когда 12 июля 1970 двенадцать врачей - одиннадцать филиппинцев и один кореец, попросили освободить их от работы из-за преследований и запугивания. И город, и йешива проявили ужасную слабость и неспособность поддержать свой персонал. Таким образом, насильственный захват, наконец, привёл к тому, что город сдался и назначил пуэрториканского доктора Антеро Лакоту администратором. В августе, заведующий отделением Акушерства и

гинекологии, д-р Джозеф Смит, был взят боевиками в заложники на шесть часов. В ноябре уровень напряжённости достиг апогея требованиями о том, чтобы заведующий отделением Педиатрии, доктор Арнольд Эйнхорн, еврей, был снят с поста, который он занимал в течение 12 лет, и заменён своим помощником, доктором Хелен Родригес. Декан Лейбл К. Шейнберг из медицинского колледжа Эйнштейна удовлетворил это требование и в конфиденциальном меморандуме похвалил Эйнхорна за то, что он был превосходным заведующим педиатрическим отделением, но выразил сожаление в связи с тем, что Отделение педиатрии считает необходимым в это время иметь заведующим человека иного этнического происхождения. Это возмутительное заявление не сопровождалось выводом, что следующим шагом будет требование, чтобы и декан оценивался по своему этническому происхождению.

Чтобы кто-то не подумал, что вся еврейская община была возмущена, следует отметить, что Генри Шварцшильд, член Комиссии по социальной справедливости Совета синагог Америки, допускал, что при определённых условиях сообществу надлежало утверждать свою прерогативу. Большинство евреев реагировало гневом, но вполне предсказуемым, без всякого действия, и после двухнедельных протестов приняло новый статус. Мы в ЛЗЕ были в ярости именно из-за аргумента одного из штатных врачей колледжа Эйнштейна, который спросил: «Если такое может случиться с евреями в еврейских учреждениях, таких, как Эйнштейн, который является детищем «Университета Йешива», то что можно ожидать от нееврейского мира в его отношении к еврейскому персоналу?» Мы сочли невероятным, что еврейское учреждение, такое как Йешива, оказалось настолько бесхарактерным, что не смогло поддержать евреев.

В конце ноября мы решили принять меры и использовать бесхарактерность Университета Йешива для еврейских целей. Йешива прогнулась под угрозами, и под угрозами Йешива даст отпор...

Две группы членов ЛЗЕ появились в Манхэттенских офисах Президента «Университета Йешива», Самуэля Белкина, и в офисах Ректора Шейнберга из колледжа Эйнштейна. Я был с последней группой, и мы приказали всем рабочим выйти на 15 минут. Потом мы заперли двери и сказали всей школе, что мы разобьём ценный бюст Эйнштейна и разнесём офис, если только полиция попытается войти. Наше требование было простым: мы хотели получить чёткое заверение колледжа Эйнштейна и его родителя – Дёшевы, что доктор Эйнхорн останется на своём посту.

Всю ночь мы дежурили в офисе, а полиция и пресса – снаружи, тогда как любопытным студентам-медикам время от времени разрешалось выражать свою поддержку. Наконец, когда скандал начал сильно давить на Йешиву, был получен телефонный звонок от рабби Эмануэля Ракмана, помощника Белкина, пообещавшего, что Эйнхорн останется.

7 сентября 1972 д-р Эйнхорн прислал мне письмо с наилучшими пожеланиями на Рош-а-Шана. Он добавил: «С благодарностью за ваш прошлый интерес к моему делу и с моими самыми глубокими извинениями за мою прошлую неблагодарность, о которой я сожалею, и за которую я дорого заплатил». Этот абзац нуждается в объяснении. Поздно ночью, когда мы сидели в офисе декана Шейнберга, зазвонил телефон. Это был доктор Эйнхорн, который выразил нам благодарность за наши усилия, но просил нас уйти, поскольку ему казалось, что это не тот путь. Я сказал доктору Эйнхорну то, чего не понимает большинство евреев, которые оказываются в беде, и которым помогает ЛЗЕ: Мы это делаем не ради вас, и нас не интересует то, что вы думаете. Мы делаем это потому, что вы символизируете еврейские права, которые растоптаны, а мы намерены следить за тем, чтобы эти права были защищены, нравится вам это или нет.

К чести доктора Эйнхорна, он в конце концов осознал этот жизненно важный момент. Когда возникла ЛЗЕ, а школьная забастовка угрожала еврейским учителям, десятки из них собрались, чтобы присоединиться к новой группе. Однако они пришли не из любви к евреям, а из любви к учителям, самим к себе. Как только забастовка закончилась, и ЛЗЕ показала, что она создана, чтобы помогать всем евреям, и потребовала от учителей такой же отдачи, которую они проявили для собственного выживания, но уже не ради учителей, большинство из них ушло. То же самое справедливо и для торговцев, и для кварталов, и для Лесных холмов. Они произносили лозунги, обряжали своё дело в упаковку «любовь к евреям», а на деле они боролись за самих себя. Когда причиной становилось что-то другое, когда происходящее становилось сложным, когда ФБР возникало на месте происшествия, когда мы настаивали, чтобы они жертвовали своим временем и деньгами, они исчезали.

Это была трудная идея, но для них было жизненно важно понять, что ЛЗЕ никогда не сражается за еврея как конкретную личность, профессию или соседство, а только потому, что он – часть еврейского народа, и существует божественное призвание не проявлять безразличия к крови собрата-еврея.

68. Юдофобия

Наши взгляды на юдофобов были хорошо известны. Никто не обсуждает проблемы с людьми, которые проповедуют газовые камеры или физически нападают на евреев и угрожают их правам. Таким образом, каждый раз, когда мы встречали на улице нацистов, которые не были защищены полицией, члены ЛЗЕ получали приказ разбить им головы – действие не очень изысканное, но такое, которое было невероятно еврейским и разумным. В своём интервью в Playboy я сказал Уолтеру Гудману: Если лидер американской нацистской партии представляет явную и действительную опасность для американских евреев, то не убить такого человека было бы одним из самых безнравственных действий, которые я только мог себе представить.

Так, когда в марте 1971, в утро нашей гигантской демонстрации в Вашингтоне, на Пенсильванском проспекте внезапно появилась группа нацистов, беспечно неся плакаты с призывами к уничтожению евреев, их избили, выбили им зубы, оставили истекать кровью, и от худшего их спасло только несвоевременное вмешательство полиции. И когда Ку-Клукс-Клан жёг кресты в Хайтстоне, штат Нью-Джерси, в апреле 1971, мы отправили сто человек, чтобы они открыто маршировали через центр города и, по словам главы филиладельфийского филиала ЛЗЕ, рабби Гарольда Новоселлера, люди там знали, что мы прибыли, и почему. Мы собирались сказать людям Клана на языке, который они понимали, что, если они только тронут еврейскую общину, то им придется иметь дело с ЛЗЕ, Филадельфия. По воле случая она оказалась под руководством Новоселлера, а затем Русса Келлнера, параллельно с отделением Лос-Анджелеса, оказавшимся под руководством таких людей, как Ирв Рубин, Стив Самсон и Боб Мэннинг, которые стали нашими руководителями над двумя самыми активными боевыми группами за пределами Нью-Йорка.

В Лос-Анджелесе сражения с неонацистскими группировками закончились бомбовым, а затем физическим нападением на съезд Партии национальных прав (ПНП).

ПНП, старая группа юдофобов, чьи нападения на евреев и негров были особенно жестокими, действовали из Мариетты, штат Джорджия. Её лидер, Дж. Б. Стонер, был адвокатом обвиняемого убийцы доктора Мартина Лютера Кинга-младшего. 19 июня 1971 группа членов ЛЗЕ во главе с Мэннингом, Эдом Гассманом, Яном Окином и Саем Габером, ворвавшись в группу NSRP, отправила несколько нацистов в больницу. Другие нападения в Лос-Анджелесе на американскую нацистскую партию (ныне Национал-социалистическая партия белых людей) привели к непрекращающемуся фурору в Калифорнии.

Результатом нашей работы по подготовке обученных, сильных и жёстких еврейских парней, хорошо подходящих для эффективной борьбы с ненавистниками евреев, было создание спецгруппы бойцов, которую мы называли «Отряд Хая». Слово «хая» на иврите означает «зверь», и мы хотели развить в евреях «зверские» качества, которые бы пугали антисемитов до смерти. Бойцы отряда сыграли неоценимую роль в изменении имиджа евреев в Америке.

Было радостью видеть большую, сильную еврейскую группу юношей, готовых защищать еврейскую честь, жизнь и имущество. Ещё большей радостью было наблюдать за тем, как многие хайот вступают в битву с кипами на головах. Когда-то евреи стыдились этой тубетейки, которая привлекала внимание к их еврейской принадлежности и к их отличию, от которого они стремились убежать. Теперь же эти гордые юные евреи шли в бой с этими кипами, и многие из тех, кто их носил, даже не замечали этого. Это не означало для них ничего особенного. Это кричало: Я еврей, а ты, юдофоб, когда тебя бьют, я хочу, чтобы ты знал, что это делают евреи. Это была расплата за отрезание еврейских бород под смех нацистских солдат.

Я также задаюсь вопросом, имел ли ортодоксальный еврейский истеблишмент, присоединившийся к осуждению ЛЗЕ, хоть какое-то представление о том, что значило, когда столько религиозных, соблюдающих ортодоксальных евреев присоединяется к Лиге, когда лидер ЛЗЕ – ортодоксальный раввин, когда этот народ народов ведёт борьбу за еврейские права и откликается на еврейские страдания. Как часто не соблюдающий

человек думает об ортодоксах как о группе, которая является узкой и заботящейся только о своих сородичах и своих особых интересах? Как часто они думают, что ортодоксальные евреи смотрят на других свысока? Какой негативный образ ортодоксального еврея был создан!

Ввиду этого, какой великолепный Киддуш Хашем, прославление и освящение Имени и соблюдение иудаизма происходят тогда, когда ортодоксальный раввин и многие ортодоксальные еврейские последователи повсюду ведут борьбу за евреев, самых разных евреев! Это тот момент, который так часто игнорировался и упускался из виду евреями. Они не понимали революции в самом факте, что самая известная еврейская группа в Америке и раввин, о котором было так много написано, были такими старомодными, традиционными евреями.

Возможно, одно из самых славных физических столкновений с антисемитами состоялось в Бруклинском колледже, где в результате устойчивой эрозии системы заслуг был создан студенческий корпус, который более чем на 20 процентов состоял из черных и явных антисемитов. Так называемая книга Третий мир, выпущенная черными и пуэрто-риканскими студентами на деньги колледжа, была полна ненависти к Израилю и сионизму, а частота избиений и грабежей в кампусе резко возросла. Чернокожие отделили себе угол кафетерия, в который запретили заходить белым, и то же самое было сделано в Студенческом союзе. Позже, в апреле 1971, один из еврейских студентов захотел несколько раз проиграть песню ЛеШана а Ба – единственную песню на иврите в музыкальном автомате Студенческого союза (музыкальный автомат содержал большое количество духовных песен). Заявив, что им надоело, несколько чернокожих подошли, открыли музыкальный автомат и разбили пластинку. Когда два еврейских студента выразили протест, чернокожие вынули игрушечный пистолет (в тот момент вряд ли было известно, что он игрушечный), и вытолкали обоих евреев. Задолго до этого инцидента я собирался 4 мая выступить в Бруклинском колледже, но, когда я услышал о происшедшем в нем, я был в ярости. Дело было не в пластинке, а в том, что кампус превратился в место наглости, ненависти и попирания еврейских прав, тогда как евреи и администрация тихо отдали им мяч. Атмосфера должна была измениться, а черные боевики – узнать, что евреи будут с ними сражаться и избивать, если это будет необходимо.

Выступая перед большой толпой на Бруклинской площади, я объявил, что мы вступаем в Студенческий союз, а поскольку больше не было записи песни Ле Шана а Ба, мы споем её вживую, после чего сотня членов ЛЗЕ присоединилась ко мне, мы вошли в запрещённое место и стали петь и плясать. Десяток или около того чернокожих не могли поверить в то, что происходит, и вызвали силы правопорядка. Началась крупная драка, о которой весь день говорилось в средствах массовой информации. Той же ночью, после того как мы объявили, что собираемся осуществить новую демонстрацию еврейского влияния, меня в три часа ночи разбудила полиция, которая сообщила о временном приказе, запрещающем мне снова появляться в университетском кампусе. Поскольку я собирался на следующее утро отправиться в Майями, чтобы обратиться к Совету раввинов Америки и попросить помощи для Авраама Гершковича, который сидел в федеральной тюрьме, более ста членов ЛЗЕ появились без меня, в шлемах и с битами. Во главе с Йосси Темплмэном, они заявили, что или администрация будет уважать права евреев, или мы разнесём Бруклинский колледж. Это было, повторяю, не очень изящно, но зато эффективно. Уровень антиеврейских инцидентов снизился, и психологическая атмосфера резко изменилась. Евреев не стали меньше ненавидеть, но ненавистники стали гораздо осторожнее в том, чтобы воплощать эту ненависть в действие.

69. Борьба за евреев арабских стран

Проблема евреев в арабских странах, особенно в Сирии и Ираке, была для нас потруднее, чем проблема советских евреев, потому что в отличие от последних, было очень мало рычагов, которые евреи имели против действительно безумных режимов в Багдаде и Дамаске. В то время как Москва крайне желала разрядки, и, таким образом, угроза разрядке могла привести к уступкам, было очень мало того, чем мы могли бы угрожать иракцам и сирийцам. Более того, еврейская общественность была не так эмоционально связана с тамошними евреями, и мои усилия убеждать и возбуждать сирийские и сефардские еврейские общины в Нью-Йорке имели небольшой успех. Было досадно не обнаружить подходящих нам людей в сирийской общине Бруклина, у многих из которых были близкие родственники в Сирии.

Несмотря на это, состоялось пикетирование одного объекта в Соединённых Штатах – сирийской миссии в ООН (Сирия не имела никаких сношений с Вашингтоном со времени Шестидневной войны), и еврейские боевики в двух случаях врываются в офис, избивали персонал и расписывали стены. Что касается Ирака, то, по слухам, эта страна, повесившая двенадцать евреев на центральной площади в 1969, планировала провести ещё один показательный процесс и повешение в период Пасхи в 1971. 11 апреля мы призвали к проведению митинга в защиту иракских евреев, и более пятисот евреев прошли через улицу от иракской миссии ООН на восточной 79-й улице Манхэттена с плакатами, которые гласили: «Свободу иракским евреям!» и «Три иракца за каждого еврея!». Я стоял на крыше автомобиля и обращался к иракцам, которые слушали за закрытыми шторами.

«Слушайте арабы! Если в Ираке повесят хоть одного еврея, один иракский дипломат будет висеть в Нью-Йорке. На следующей неделе начнутся преследования иракских дипломатов, и для их защиты вам потребуется множество полицейских».

Вечер закончился массовыми беспорядками, поскольку группы членов ЛЗЕ загрохотали улицы. Я был арестован вместе с восемью другими членами, обвинён в беспорядках второй степени, поведении, нарушающем порядок, и сопротивлении при аресте, и доставлен в полицейский участок на Ист стрит, 67, где я был хорошо знаком и сердечно встречен.

Иракцы были в ярости, и в июне было предъявлено официальное требование к миссии США при Организации Объединённых Наций для принятия мер по предотвращению запуска новой программы террора Лигой защиты евреев против сирийских и иракских официальных лиц в Нью-Йорке. Иракцы отправили копию своего письма Генеральному секретарю У-Тану. Протест ссылался на статью Еврейского телеграфного агентства от 8 июня под названием «Кахана защищает альянс с итальянскими группами; клянётся преследовать сирийских и иракских официальных лиц». Испуганная делегация Багдада сказала, что, учитывая ужасную информацию о преступных актах терроризма, совершенных Лигой защиты евреев в прошлом, заявление рабби Кахана не может пройти незамеченным для властей США.

Наши отношения с арабами были впервые установлены в сентябре 1969, когда арабский терроризм начал эскалацию, и доклад Си-Би-Эс из Рима, вышедший вслед за арабскими нападениями на евреев в Лондоне, привёл источники, в которых утверждалось, что террористы начнут атаковать евреев в Америке. Мы немедленно разослали телеграммы крупным арабским миссиям в ООН и посольствам, предупреждая их о том, что, если начнётся арабский терроризм, арабские объекты и арабский персонал станут законными целями заслуженного возмездия. Посол Иордании Мухаммад эль-Фарра, прямо перед выступлением, которое было у него запланировано в Совете Безопасности ООН, обвинил Израиль в пожаре, устроенном австралийским христианином в мечети аль-Акса в Иерусалиме, яростно потрясая телеграммой. Советский посол Яков Малик, выступая в качестве президента Совета Безопасности в сентябре, сказал, что этот вопрос вызывает серьёзную озабоченность и попросил У-Тана посоветоваться с послом США Чарльзом Йостом, чтобы выяснить, какие адекватные меры следует принять.

Агенты ФБР посетили меня в нашем офисе, спрашивая, отправлял ли я телеграммы. Я им велел встретиться с моим адвокатом. В субботу вечером более трёх тысяч человек вышли на митинг к Организации Объединённых Наций, на котором я и конгрессмен Марио Бьяджи из Нью-Йорка резко осудили арабский террор. По мнению Бьяджи, он был первым конгрессменом, который принял участие в акции ЛЗЕ, несмотря на возражения своих еврейских советников, и доказал, что он хороший друг евреев и жёсткий логичный политик. Сегодня вечером мы прошли через Манхэттен от арабской миссии до арабской миссии, где я прочитал в мегафон текст направленной им телеграммы.

В мае 1970, когда арабские террористы возле ливанской границы атаковали школьный автобус, убив восемь детей школьного возраста. В Нью-Йорке подверглись нападению два арабских офиса: один – прикрытие для террористов, другой – офис главного арабского лоббиста М. Т. Мехти, а находящиеся там люди – жестоко избиты. В ночь на 6 октября, после сообщения о том, что семь арабских террористов, захвативших самолёты, будут отпущены шантажированными европейскими правительствами, бомба была взорвана в офисе ООП в Манхэттене. Еврейские боевики были активны.

70. Если бы только еврей боялся Б-га, как он боится человека...

Менее чем за три года существования ЛЗЕ стала самой известной еврейской группой в Соединённых Штатах, и статьи о ней появлялись в каждом крупном издании, и едва ли проходила неделя без упоминания о ней в прессе. К ужасу еврейского истеблишмента, каждое появление – моё или другого оратора ЛЗЕ – давало поразительно положительные результаты, поскольку евреи могли сами услышать философию ЛЗЕ и были поражены, увидев совершенно другую картину, чем та, которую им рисовали их еврейские представительства и средства массовой информации.

Ко мне со всей страны поступали приглашения выступить, и я везде разговаривал с наполненными залами. Во время моей первой поездки в Калифорнию, реакция была действительно невероятной. В апреле 1971, меня только что приговорили к девяностодневному тюремному сроку или штрафу в размере \$500, когда я вылетел на Западное побережье в качестве гостя нашего отделения в Лос-Анджелесе. Газета Post and Opinion от 23 апреля излагала эту историю:

«Раввин Кахане был в восторге от исключительного приёма, который ему оказали во время головокружительного визита в Лос-Анджелес, где он выступил перед 11 аудиториями, почти одинаково представленными реформистскими, консервативными и ортодоксальными группами. В каждом случае он говорил с толпами, переполнявшими залы. Вместе с выступлениями в пяти кампусах, на пресс-конференциях и в частных собраниях, эта неделя в Калифорнии, расположенной между нами и Сан-Диего, была триумфальной для лидера воинствующей еврейской группы».

В Brooklyn Jewish Journal от 9 апреля 1971 сообщались результаты собственного опроса читателей под большим заголовком: «Читатели газеты поддерживают Лигу защиты евреев».

«Результаты налицо! Среди читателей Brooklyn Jewish Journal деятельность Еврейской обороны одобряется голосованием 10:1...». Типичными комментариями были: Они должны не только продолжать свою нынешнюю роль, но и расширять её ... Если бы не ЛЗЕ, русские не предприняли бы никаких действий. Что сделали другие организации? Ничего ... Многие евреи восхищаются ими, но почему-то не говорят об этом. Мы молимся о реализации лозунга «НИКОГДА БОЛЬШЕ!».

<--->

Мы могли понять сердитый страх, охвативший крупные еврейские группировки, которые справедливо видели в признании евреями ЛЗЕ - угрозу для себя. Итак, в то время как массы евреев радовались, актер и певец Американского еврейского конгресса, Теодор Бикель испугался: «Там, где Меир Кахане и его боевики играют на страхах, разочарованиях и предрассудках нашего народа, мы должны обратиться к их надеждам, потребностям, устремлениям и их разуму».

Все это было сказано для матрон женского отдела АЕК в апреле 1973. На той же неделе Дэвид Бергер, председатель Консультативного совета АДЛ в Филадельфии, набросился на «хулиганов, любителей варварства и боевиков-экстремистов бдительной охраны», и заявил, что защита ЛЗЕ была чем-то, в чем еврейская община ни здесь, ни за границей не нуждается и не желает её. В почти безумном тоталитарном стиле истеблишмент бушевал и нападал на нас.

Нашему молодёжному движению было запрещено присоединиться к Североамериканскому Еврейскому Молодёжному Совету (САЕМС). САЕМС представлял почти все крупные молодёжные группы с любым оттенком мнения. К чести молодых людей, двадцать три из двадцати пяти групп проголосовали за демократическое право, чтобы голос ЛЗЕ был услышан. Две самых либеральных, Национальная федерация молодёжи Храма (НФМХ – реформированный иудаизм) и молодёжь Бнэй Брит, проголосовали против, но согласие было получено.

Этим летом я выступал на съезде руководства НФМХ в штате Нью-Йорк. На стене был огромный плакат против войны во Вьетнаме: «Дорогие мама и папа, нам стыдно за ваше молчание».

Я начал с того, что посмотрел на богатых молодых людей, которые никогда не знали и никогда не поднимали голос во имя еврейской бедноты, угнетённых еврейских кварталов, советских евреев, и сказал: Дорогой НФМХ, мне стыдно за твоё молчание. Молодёжь сидела и целый час слушала то, чего они никогда не слышали раньше, и когда я ушёл, семена новой революции были посеяны, по крайней мере, в некоторых молодых еврейских сердцах.

В августе 1971 Комитеты по связям с общественностью в Омахе и Небраске пойдя на поводу у национального истеблишмента, послушно осудили ЛЗЕ, за исключением одного голоса. Г-жа Микки Джерелик, редактор местной газеты «Jewish Press», заявила, что она выступает против многих мероприятий ЛЗЕ, но была встревожена голосованием и спросила: «Неужели мы действительно считаем, что путём игнорирования и противостояния, мы заставим ЛЗЕ уйти? Я не уверена, – продолжала она, что ЛЗЕ потерпит неудачу. Я уверена, однако, в том, что тысячи евреев молча и добровольно пошли в газовые камеры в Германии. Является ли ненасилие всегда лучшей политикой? Желательно, чтобы ЛЗЕ соблюдала закон страны, но сегодня не было бы живого еврея, если бы мы не нарушали законы фараона, филистимлян, Антиоха, Гитлера и т.д. Был ли бы сегодня Израиль без незаконной деятельности Иргуна...? Нам это может не нравиться, но бесчисленное количество молодых евреев стали активными благодаря Кахане и ЛЗЕ...».

Это не подействовало. С одной стороны, ничто не могло изменить еврейский истеблишмент, а с другой - массы евреев стекались, чтобы услышать ЛЗЕ. Напрасно Бнэй Брит приказывал своим отделениям не давать лекторам ЛЗЕ право выступать, десятки отделений игнорировали приказ и просили ЛЗЕ выступить. А когда синагоги стали искать ораторов истеблишмента для прений, те бежали, как от чумы, после того, как видели результаты некоторых предыдущих форумов. ЛЗЕ выросла и распространилась по всей стране. Статья в Нью-Йорк Таймс от 28 июня 1971, озаглавленная «Лига защиты евреев получает приверженцев в городах по всей стране» попала в самую точку, но, возможно, самые честные и правильные наблюдения были сделаны Саймоном Блумом, редактором American Jewish Ledger (Нью-Джерси) в выпуске от 23 апреля 1971. В большой двухстраничной статье на первой странице газеты под заголовком «Необычайный феномен сегодняшней Америки – Меир Кахане из Лиги защиты евреев» Блум подробно описал моё выступление в еврейском центре Нью Джерси. Выдержка из статьи гласила: «Сегодня ни одного выступающего перед евреями не ожидают больше, чем рабби Меира Кахане, лидера Лиги защиты евреев. Где бы он ни выступал, собираются огромные аудитории; они не только занимают все места и выстраиваются вдоль стен, но они ждут и ждут его прибытия».

Блум подробно излагает, повторяя почти каждый вопрос, который я задавал, и заканчивает: «Когда аудитория поняла, что он закончил своё выступление, разразились волнообразные аплодисменты такой силы, как волны прибоя». Далее Блум написал:

«Один письменный комментарий был дан вашему репортеру Джейкобом Левиным, адвокатом, который практикует в Ньюарке. Он услышал, как Кахане беседует в синагоге в Ливингстоне, и среди вещей, которые Левин услышал, было замечание пожилой пары, когда они уходили после того, как услышали Кахане: "Когда я вошёл, я его ненавидел. Теперь, когда я его услышал, я его полюбил"».

Простые евреи стали понимать, то, что их руководство не хочет видеть, и не хочет, чтобы они видели: идеи ЛЗЕ были по-настоящему еврейскими – теми, которые могли обещать выживание евреев, как духовное, так и физическое; что средства еврейских организаций предназначены для помощи евреям, хотя трудно поверить в то, что евреи, так долго подвергавшиеся ассимиляции и лишённые официального руководства, тем не менее начали делать то, что не удавалось достичь ни робостью, ни респектабельностью. <--->

Тем не менее, я должен добавить досадную сноску ко всей вышеупомянутой растущей поддержке ЛЗЕ. Евреи приходили, чтобы послушать, как я говорю, и когда я заканчивал, меня награждали громом аплодисментов. Они собирались после речи ижимали мне руку, просили автографы для своих детей. И сколько раз я снова и снова слышал: Рабби, я всегда за тебя. Какая длинная вереница сторонников «за меня» и ЛЗЕ, но не рядом с нами в шеренге! Я не говорю о линии огня, о заключении в тюрьму или о принесении жертв, которым они так аплодировали, когда другие, т.е. мы, на это шли. Я имею в виду, что при всех этих аплодисментах, ЛЗЕ никогда не видела, чтобы те же люди отдавали своё время или деньги. Можно было найти финансирование для всякого

безумия в мире, но, когда дело доходило до заполнения чека для ЛЗЕ, какой-то атавистический инстинкт не давал еврею подписать своё имя.

Кто знает, какие страхи мучают еврея – иррациональные, бессмысленные, глупые страхи? Он боится своей жены, своего работодателя, своего ребёнка. Что скажет жена? Что скажет его сосед? Что скажет его собака, если он присоединится к ЛЗЕ или подпишет чек? А вдруг к нему придёт ФБР? Как иначе богатый человек может дать нам большую сумму денег, если не в виде чека, а, следовательно, налогового вычета? Как он может дать нам деньги, если он не получит мемориальную доску или не удостоится чести на банкете, но он боится повесить на стену плакат ЛЗЕ и напуган тем, что ЛЗЕ открыто чествует его на банкете.

Если бы только еврей боялся Б-га, как он боится человека... И, таким образом, именно потому, что они приветствовали нас, но боялись отдать свои деньги, мы не смогли построить Школу еврейской идентичности, мы не смогли сделать все то, что было так важно, а эти боязливые не делали. Какая жалость, что позади нас так много людей, которые пробивают себе путь вне поля нашего зрения.

Первые сообщения в марте о подлинном прорыве и революционных изменениях в практике советской эмиграции были с ужасом встречены крупными еврейскими группами, которые стали изобретать всевозможные причины, объясняющие изменения, но не признавали, что «хулиганы ЛЗЕ» и их тактика сделали то, с чем они не справились.

В телевизионном представлении NBC Арнольд Форстер из Антидиффамационной Лиги сказал: «Ничего нельзя достичь, бросая мешки мусора в окно советского посольства». «Их (ЛЗЕ) объявленный план преследовать и нападать на советских дипломатов только вредит, но никак не помогает делу советского еврейства», – объяснил Дэвид Бергер из филиладельфийского отделения АДЛ. Мы даже больше не удосуживались отвечать на отчаянные осуждения стукачей и гномов, к которым уже сама еврейская публика начала испытывать отвращение. Растущий гнев и почти параноидальное внимание, которое Советы и их лакеи уделяли нам, было явным доказательством того, что мусор, притеснения и гораздо более жестокие средства действительно навредили разрядке и заставили Советы изменить свою политику.

<--->

71. «Преступный путь сионизма»

Телеграфные агентства напечатали 12 апреля статью, в которой говорилось: В марте в Израиль эмигрировало больше советских евреев, чем за весь 1970, доведя общее количество выездов за первый квартал этого года до почти 1400. Если темпы первых девяти дней 1971 останутся такими же до конца года, Израиль получит около 5000 советских евреев к 1972. Было суждено, чтобы их было намного больше – невероятные 15 000, что больше, чем прежде, в десять-пятнадцать раз в среднем по стране, с ежедневным средним стремительным ростом, по данным прессы, до 34 в день. ЛЗЕ точно знала, почему это происходит, и еврейские боевики активизировали свою деятельность.

13 апреля, когда близилась Пасха, группа молодых евреев из ЛЗЕ и её передовая организация «Студенты-активисты за советское еврейство» вошли в офисы Аэрофлота и Амторга и создали, как они позже говорили, неприятности Советскому союзу – первому, кто мог быть назван современным фараоном. Газета New York Times описала оба инцидента:

Первый – был в виде 50 лягушек, которые посетили Аэрофлот примерно в 13:00. За этим последовало равное количество белых мышей примерно через тридцать минут в офисах Амторга. Первый случай был описан парнем, который сказал, что он был участником группы ЛЗЕ ... Он сказал, что свалка лягушек на столе секретаря была красивой - все квакали.

Мышей сбросили из мешков в приемной Амторга ... Полицейские, которым пришлось справляться как с мышами, так и с лягушками, говорили, что мышей поймать не удалось.

В инциденте с Амторгом никаких арестов не было, но двое молодых людей были арестованы в офисе Аэрофлота. Инцидент был описан полицейским сержантом в участке, который сказал о лягушках: «Конечно, они прыгали вверх-вниз и заставляли всех прыгать с ними. Всех...».

Новость побежала по всему миру, и люди умирали от смеха, за исключением разъяренных Советов и пигмея по имени Рабби Вульф Келман, который осудил удивительно изобретательный трюк. Келман, исполнительный вице-президент официального органа раввинов-консерваторов, человек, чьи проблемы происходили от ортодоксального еврейского происхождения, которое тяжело на него давило, нелепо пел искажённое еврейское морализаторство, заявляя, что евреи не радуются мученическим страданиям своих угнетателей. Оставим в стороне такие нееврейские праздники, радостно отмечающие победу евреев над своими угнетателями, как Ханука или Пурим, где еврейский обычай предписывает стучать по полу и сотрясать синагогу с помощью трещоток всякий раз, когда упоминается имя Амана... Еврейские боевики согласились не радоваться, а только торжественно продолжать наше нападение на угнетателей, тогда как Келман продолжал своё паразитическое существование на деньги еврейской общины.

Через девять дней Амторг столкнулся с кое-чем, гораздо более серьёзным, чем мыши, когда взорвалась мощная бомба, сильно повредив советские офисы на 19-ом этаже. Серия телефонных звонков в полицию с предупреждением о взрыве, позволила эвакуировать всех сотрудников, занятых на девятнадцатом этаже, до того, как бомба взорвалась. Голос звонившего в «United Press International» в 17:20, за несколько минут до взрыва, произнёс: «Освободите всех еврейских заключённых. Отпустите мой народ. Никогда больше!». Мы заявили, что ничего не знаем об этом инциденте.

Разъярённые Советы подали ещё один протест в Государственный департамент; это был второй серьёзный взрыв в российском офисе в течение недели. Тяжёлый взрыв потряс здание советской торговой миссии в Амстердаме, Голландия, ранив четырёх советских представителей и причинив ущерб на \$140 000. Вновь появилось сообщение: «Никогда больше! Отпусти народ мой!». В ответ на бомбардировку Амторга, мэр Линдси (снова) описал этот инцидент как возмутивший каждого жителя Нью-Йорка, а посол США в ООН, Джордж Буш, позвонил Якову Малику, чтобы выразить своё сожаление, позже сообщив журналистам, что он был чертовски огорчён: «Такие возмутительные действия должны прекратиться».

24 апреля появилось самое ясное указание на то, что наши усилия, угрожающие отношениям между Соединёнными Штатами и Советами, принесли плоды. Это проявилось в форме гневной ноты, которую русские подали правительству США. По словам New York Times, Советское правительство подчёркивало серьёзное отношение к ситуации тем, что подало протест на высоком уровне. Оно только что вызвало посла США, Джейкоба Д. Бэма, в МИД, чтобы подать ноту протеста, которую передал первый заместитель министра иностранных дел Василий Васильевич Кузнецов. В записке было предупреждение об ухудшении отношений между двумя странами:

«Международное право и нормы поведения, принятые в цивилизованном обществе, обязывают правительства обеспечивать нормальные условия для функционирования иностранных дипломатических и других миссий. Неспособность соблюдать это правило не может рассматриваться иначе, как нежелание одного государства поддерживать нормальные отношения с другим государством».

Эта тонко завуалированная угроза в тот же день повторилась в газете «Правда», в которой требовались самые решительные меры против тех, кто совершает опасные провокации, могущие нанести ущерб нормальным отношениям между двумя государствами. Газета «Times» в своём сообщении из Вашингтона заявила, что чиновники Госдепартамента конфиденциально признали, что деятельность против советских дипломатов и офисов в этой стране становится сложной проблемой.

Одной из причин жестокой кампании против Советов со стороны еврейских боевиков было стремление дать знать советским евреям, что они не были забыты, и что евреи были готовы использовать все средства для их

освобождения. Мы знали, что это было похоже на манну небесную для пленника, и что новость о том, что советские угнетатели пострадали от кого-то, была более важна для советских евреев, чем все жалкие пресс-релизы и заявления еврейского истеблишмента со времён большевистской революции. Советы были достаточно глупы, чтобы играть нам на руку. Они не только подробно сообщали обо всем, что мы делали, но газеты Правда, Известия, а также общая пресса, радио и телевидение уделяли нам чрезмерное количество времени и пространства. С каждым едким комментарием они доказывали советским евреям, что, если газета Правда осуждает что-то, то это должно быть хорошо, и что ЛЗЕ была их большой надеждой. Как часто я позже слышал от советских евреев в Израиле: Всякий раз, когда все казалось черным, мы говорили: «Кахане им задаст».

Главная магистраль, ведущая в Москву, была украшена большим плакатом с изображениями Голды Меир, Моше Даяна и меня, а также надписью Враги народа. Русские теперь превзошли самих себя в глупости. 28 апреля они выпустили во все крупные кинотеатры документальный фильм под названием «Преступный путь сионизма», состоящий в основном из кинохроники деятельности ЛЗЕ. От одного из наших членов, который был в то время в СССР, я узнал, что евреи стекались, чтобы его посмотреть, обрадовавшись возможности увидеть своих «преступников», разгромивших русских. Если Бог хочет кого-то наказать, Он прежде всего отнимает разум.

К концу апреля мы создали горячую линию, которая давала новости о демонстрациях и темах еврейских интересов любому, кто звонил по определённому номеру телефона. Мы также были приятно удивлены, когда со мной связался наш старый противник, радиостанция WBAI-FM, и предложил еженедельную пятнадцатиминутную передачу. И кампания продолжалась.

72. «Советский Союз – это тирания! Советский Союз – вонючка!»

2 мая сотни демонстрантов ЛЗЕ заблокировали движение на Третьей авеню возле советской миссии, сидя на улицах; семьдесят семь человек были арестованы. В тот же день ещё двести человек, в нарушение распоряжения Верховного суда штата, вышли на демонстрацию возле советского поместья в Глен-Кови, а 12 мая меня арестовали и обвинили в заговоре с применением огнестрельного оружия. Освобождённый под залог, предоставленный Джо Коломбо, я в следующем месяце отправился на митинг в Хантер-Колледж в поддержку иракских, сирийских и советских евреев. На митинге итальянско-американский президент Лиги гражданских прав, Нат Марконе, обратился к толпе и сказал: «Продолжайте сражаться, итальянско-американская «Лига защиты гражданских прав» с вами на каждом дюйме пути».

Затем я отправился к иракской миссии, а оттуда – к советской, где я и ещё сто тридцать человек были арестованы. Поскольку притеснения Советов продолжались каждый день, не только Советы, но и богатые жильцы шикарного посольства, платившие по \$600-900 в месяц, были потеряли покой, а один из них сказал прессе: «Не знаю, как долго кто-то из нас сможет это терпеть».

Жители обратились в суд, чтобы призвать ЛЗЕ закончить пикетирования. Что было ещё хуже в их глазах, так это то, что в попытке защитить русских, живших в постоянном страхе, Восточная 67-я улица была превращена в укреплённый лагерь с полицейским кордоном с обоих концов, и никого не пускали в этот блок без предъявления специального удостоверения личности. Это сильно отразилось на стоимости здешней недвижимости.

Мы же были раздражены ещё больше, чем жители, и были вынуждены доказывать, что вместо трёх протестов в год, проводимых истеблишментом, мы можем проводить их ежедневно. Наши притеснения русских усилились, и 23 июня четырнадцать членов ЛЗЕ, в том числе и я, были арестованы за их преследование. <--->

В конце июня, мы объявили недельную серию демонстраций в Вашингтоне, чтобы включить в их сферу дома советских дипломатов, а также, впервые – Торговый отдел за его одобрение плана компании Mask по

строительству завода грузовых автомобилей в Советском Союзе. Пресса опубликовала немедленную реакцию русских, поскольку посол Добрынин предостерёг от дальнейших инцидентов и намекнул на советские репрессии против американцев. На этой неделе бомба была обнаружена у подножия стены, окружавшей поместье советского посольства в Глен Коув, незадолго до того, как она должна была взорваться. Посол Малик потребовал, чтобы Соединённые Штаты нашли преступников, заявив, что истерические выкрики ... сионистских лозунгов не оставляют сомнений в том, кто подложил бомбу.

Кампания в Вашингтоне началась с пикетирования советских домов и издевательств над чиновниками. Сотни евреев со всей страны слились в Вашингтоне, и демонстрации у Торгового представительства и Госдепартамента предшествовали маршам к советскому посольству. В одном акте четыре члена ЛЗЕ прорвались сквозь сильную охрану района, перепрыгнули через забор и ворвались в посольство, где испуганные советские сотрудники разбежались, кто куда. Меня арестовывали дважды за два дня, второй раз за преднамеренное оспаривание явно неконституционного постановления округа Колумбия. Закон запрещал демонстрации в пределах 500 футов от иностранной миссии и запрещал индивидууму дискредитировать иностранное государство. Это означало, что даже если человек подошёл к посольству и выкрикнул что-то, что его дискредитировало, то его могли арестовать.

Я посчитал это чудесной возможностью и, в сопровождении небольшой армии журналистов, пошёл один, без каких-либо других членов ЛЗЕ, в советское посольство. Сообщив журналистам, что Советский Союз должен быть дискредитирован за его отношение к евреям, я повернулся и закричал: «Советский Союз – это тирания! Советский Союз – вонючка!». Я не мог придумать ничего более изящного или лучшего, рассчитанного на мой арест, и я не ошибся. Я был взят в тюрьму, и в последующем судебном разбирательстве постановление было уничтожено как неконституционное.

Несчастные, лишённые воображения, скучные и беспомощные лидеры еврейского истеблишмента рассказали своей пастве, что усилия ЛЗЕ были, в лучшем случае, глупыми, а в худшем – опасными для советских евреев. 8 июля в прессе появилась статья из телеграфного агентства. В газете «New York Post» она появилась под заголовком: «Действия ЛЗЕ стали приоритетной темой в Москве». Вот наиболее важные цитаты:

«Вызывает удивление обнаружить в московских официальных кругах, до какой степени деятельность крошечной, но фанатичной Лиги защиты евреев нарушила отношения между Соединёнными Штатами и Советским Союзом. Это первая тема, которая поднимается в каждом разговоре, и обычно последняя. Она сократила американский туризм, отменила культурный обмен и испортила как официальные, так и неофициальные контакты.

Американские представители считают это неразрешимой проблемой, а советские представители настаивают на том, что её можно легко решить, если Соединённые Штаты хотят, чтобы она была решена. Советы абсолютно убеждены до последнего человека, что, если бы американцы хотели положить этому конец, они могли бы, – с сожалением сказал один американский дипломат. Это бросает тень на все.

Первая сильная советская реакция на действия Лиги – небольшой группы воинствующих евреев, базирующихся в Нью-Йорке и считающих, что, преследуя советских дипломатов в США, они помогут выезду советских евреев в Израиль, пришла 11 декабря.

В тот день, на исключительно высоком уровне, первым заместителем советского министра иностранных дел американскому послу была вручена официальная нота протеста, в которой говорилось, что визит в США балета Большого театра отменен из-за Лиги...». Недавно была отменена пятая группа американского культурного обмена из-за отмены гастролей Большого театра, а один американский чиновник, который очень критично относится к Лиге, признал, что Советы находятся в трудной позиции на переговорах.

Ситуация также затронула американский туризм, в то время, когда Советы хотят больше американских туристов. Некоторым турагентам было сказано прямо: Пусть наши издевательства над американскими журналистами и дипломатами не беспокоят вас – это не касается туристов. Они имели в виду ущерб,

нанесённый автомобилям американских дипломатов и корреспондентов, а также советские издевательства над ними в отместку за пикетирование Советов в Соединённых Штатах.

Высокий чиновник Интуриста, правительственного агентства по туризму, который занимается всеми видами поездок, сказал: «Мы надеялись на 15-20% -й рост американского туризма в этом году, но мы пока не знаем, реально ли это. Возможно, нас ждёт разочарование...».

Практические результаты всего этого были замечены спустя короткое время. После десятилетий отсутствия эмиграции, за исключением, в лучшем случае, нескольких сотен, в основном, пожилых людей, в 1971 было выпущено в Израиль 15 000 советских евреев, в 1972 – было уже 34 000, в 1973 – 37 000, а в 1974, когда я пишу эти строки, ожидается, что прибудут 40 000 человек. И теперь они включают в себя людей всех возрастов и почти всех профессий.

Когда мы только начинали наши усилия, тележурналист Гейб Прессман сказал: «Ты – блоха, атакующая слона». Блоха в действительности оказалась не такой уж слабой, а слон – гораздо менее сильным, чем люди думали.

И, наконец, мы не можем забыть об усилиях ЛЗЕ ради особой группы советских евреев – тех, кто были приговорены к тюремному заключению и томились в трудовых лагерях. В частности, нужно было разрешить тяжёлое положение Сильвы Залмансон, приговорённой к десяти годам тюремного заключения в качестве одной из подсудимых Ленинградского суда. Приехав в Израиль в сентябре, со мной связался дядя мисс Залмансон, Авраам, который жил в Бат-Яме. Он умолял меня сделать что-то, сказав, что его племянница страдает от туберкулёза и язв, и она тяжело больна. Израильские власти ничего не сделали, и он согласился провести совместную пресс-конференцию в Иерусалиме. Там я сказал прессе: Если что-нибудь случится с Сильвой Залмансон или с каким-то другим евреем, советские дипломаты во всём мире станут открытыми мишенями для еврейских боевиков. Я напомнил журналистам лозунг «Два советских за каждого еврея» и заверил их, что, в случае необходимости он будет реализован на практике.

С тех пор мы сделали Сильву Залмансон центром наших усилий. Было жизненно важно, чтобы её имя стало известно миру, который знал все об Анджеле Дэвис, но никогда не слышал об еврейских заключённых. С этой целью мы использовали несколько средств. Узнав, что советский премьер, Алексей Косыгин, планировал поездку в Канаду, мы увидели в этом отличный шанс сделать имя мисс Залмансон известным. Я знал, что мы сможем легко проскочить в Канаду, но при такой мощной полицейской охране, мы никогда не сможем приблизиться к русским, и что в любом случае простая демонстрация не принесёт гласности мисс Залмансон, которая была нашей целью. Из-за этого мы сознательно дали прессе знать, что я намереваюсь лететь в Канаду, чтобы попытаться сорвать визит. Я знал, что канадцы меня не впустят, и по прошлому опыту, я был уверен, что это будет успешнее, чем все, что мне предстояло сделать, если я въеду.

Вполне предсказуемо, что, как только я покинул самолёт, меня задержали вместе с шестью другими членами ЛЗЕ. Нас держали всю ночь перед тем, как выслать из Канады. (До сих пор меня не пускают в демократическую Канаду).

Но главная цель была достигнута, поскольку газеты подхватили историю Сильвы Залмансон и дали её имени первую всемирную рекламу. Вследствие этого, основным заголовком в «New York Post» было: Канада не пускает Кахане, в то время как там находится Коси (Косыгин), и заявила: «Он [Кахане] надеялся оказать помощь Сильве Залмансон, одной из девяти советских евреев, осуждённых по предполагаемому заговору с целью захвата (самолёта), о которой сообщалось, что она при смерти в сибирской тюрьме...».

В то время как министр иностранных дел Израиля, Абба Эвен, отправился на выставку Дэвида Фроста, чтобы рассказывать неевреям всего мира, что ЛЗЕ мешает делу евреев и испортила, и разрушила устремления советских евреев, еврейские боевики сделали шаг, который принёс почти немедленный результат в борьбе за спасение жизни мисс Залмансон.

В ночь на среду, 21 октября, явно опытный снайпер, находившийся на крыше Колледжа им. Хантера, с расстояния в один квартал, аккуратно послал четыре пули в окно одиннадцатого этажа советской миссии. Никто не пострадал, но истерическая реакция Советов проявилась в гневной пресс-конференции взбешённого и

испуганного Якова Малика. В Организации Объединённых Наций советский посланник прервал запланированные дебаты по китайской группе вопросов, вызвав цепную реакцию гневных речей, осуждающих ЛЗЕ, сионизм и Соединённые Штаты за то, что они не предприняли никаких мер для прекращения нападения. Даже в тот момент, когда Малик говорил, члены ЛЗЕ были арестованы за попытку снять советский флаг с ООН.

Растревоженный Джордж Буш ответил на эти нападки, а потом чуть ли не жалобно сказал прессе: Мы не можем допустить, чтобы это повлияло на наши отношения с Советами. Он признал, что русские считают, что Лига защиты евреев представляет огромную угрозу для хороших отношений между нашими странами. Другие члены организации вошли в советскую миссию и разлили там краску перед советскими дипломатами, что позже было дополнено тем, что молодой член ЛЗЕ в Вашингтоне плеснул кровь на советского дипломата, выступавшего в местном университете, и повредил стеклянные двери и мебель.

Страхи, связанные с тем, что маленькая ЛЗЕ привела отношения двух сверхдержав в состояние кризиса, которого никто из них не хотел, и который угрожал подорвать годы кропотливых усилий в направлении разрядки, стали явной реальностью. Номер «New York News» от 23 октября вышел с заголовком на первой полосе: «Москва кипит по поводу нью-йоркского снайпера, намекая на разрыв отношений».

Полиция, находясь под политическим давлением и желая арестовать кого-то, поспешно нашла 18-летнего Исаака Ярославича, активиста ЛЗЕ. Борец за гражданские права, мэр Джон Линдси, сразу же похвалил полицию за блестящую, быструю, превосходную работу, а либеральные евреи осудили ЛЗЕ и сделали предположение, что юноша виновен. По обвинению мэра Линдси, прокурор США Роберт Морс, еврей, который позже совершил самоубийство, и, по слухам, страдавший от психологических проблем, пришёл в зал суда и потребовал невероятный залог в размере \$100 000, который судья отказался установить, позволив мальчику ограничиться \$25 000. Когда мы вышли из зала суда, я обратился к Морсу, чей брат написал трагический бестселлер «Хотя шесть миллионов погибли...», в котором он обвинил Америку и еврейский истеблишмент в том, что они пассивно отнеслись к истреблению евреев во время Второй мировой войны, и сказал: «Вы не только не помогаете евреям, но причиняете им боль. Вам должно быть стыдно; ваш брат писал о таких евреях, как вы».

<--->

Два месяца спустя, блестящей полиции мэра Линдси показали, что она вряд ли такая, потому что Ярославич был освобождён, а обвинения сняты, когда полиция призналась, что снайпером был не он.

Спустя неделю из Москвы от агентства AP пришло следующее сообщение: Советские власти недавно приказали провести медицинское лечение заключённой трудового лагеря, Сильвы Залмансон, после угроз со стороны воинствующих евреев в Соединённых Штатах, что там будут убиты двое русских, если она умрёт в лагере.

В 1973, когда я принимал участие в выборах в Кнессет, я выступал на собрании в частном доме в Кироне. Когда пришло время для вопросов-ответов, какой-то израильтянин резко атаковал меня, и мы вступили в довольно злой спор. Женщина средних лет, сидевшая тихо, подняла руку, извиняясь за неумение хорошо говорить на иврите, и объяснила на идише, что она относительно новенькая, прибывшая из Советского Союза. Затем она сказала:

«Я не очень разбираюсь в политике, и я пришла только этим вечером, потому что услышала, что вы здесь. Когда я покидала Советский Союз, мои друзья заставили меня пообещать, что, если я когда-нибудь увижу вас, то, чтобы я поблагодарила вас от их имени за все, что вы для нас сделали».

В комнате повисло очень долгое молчание. Я не мог сказать ни слова, но это сказало мне больше, чем все глупые слова еврейских групп и лидеров, и компенсировало некоторые моменты разочарования и досады. И было даже неважно, что, после того, как я выступил, советские иммигранты хватали меня за руки, плакали, целовали меня, а потом на выборах, проголосовали за другие партии.

Это действительно было не так ужасно. В конце концов, это только доказывало, что иммигранты из Советского Союза были обыкновенными евреями.

Глава IX

А что же теперь?

73. Избранное государство

Когда я пишу эти строки, за окном месяц Элуль еврейского года 5734, август 1974. Прошло шесть лет с того момента, когда была создана Лига защиты евреев. У меня только что закончился судебный процесс в Израиле за преступление, состоявшее в том, что я нанёс ущерб, пытаясь сорвать визит в Вашингтон в июне 1973 главы Коммунистической партии Советского Союза, Леонида Брежнева. Еврейский суд в еврейском государстве стал свидетелем того, как еврейский прокурор обвинил меня в попытке остановить Советы в достижении их цели - тесных связей, торговли и жизненно необходимой разрядки с Соединёнными Штатами. Ведь я знал и знаю, что в тот момент, когда Советы почувствуют, что разрядка незыблема, постоянна и слишком в интересах американского бизнесмена, чтобы от неё отказаться, наш единственный рычаг, наше единственное главное оружие в борьбе за советское еврейство исчезнет. И еврейский прокурор, летучая мышь в высших эшелонах израильского правительства, потребовал, чтобы я был наказан за заговор и совершение преступления в Соединённых Штатах.

Нужно спросить: Израиль, ты что, сторож Брежневу? Не достаточно ли того, что правящие круги Еврейского агентства, проявившие пассивность и отказавшиеся восстать во имя убиваемых евреев Холокоста, что столь ярко описано такими людьми, как раввин Дов Бер Вайсмандель в его книге Мин Хамейцар (Из Глубины Беды) и Бен Хехт в своей потрясающей книге *Perfidy* (Предательство)? Не достаточно ли, что вы продолжали своё молчание в отношении российских евреев и, что ещё хуже, заставляли молчать тех советских евреев, которые встали на путь борьбы? Если вам не хватило высокой морали, чтобы сражаться за них, какое вам дело, если сражается кто-то другой?

Если кто-то об этом спрашивает, то ответ должен быть чётким и ясным. Когда я сидел в центральной тюрьме Иерусалима в течение месяца, я написал ответ с намерением прочитать его на суде. Вот что я написал в тот июньский день, когда еврейское государство изолировало меня и было готово посадить в тюрьму, чтобы угодить Ричарда Никсона:

Избранное государство

Центральная тюрьма Иерусалима. Вопрос не часто задаётся, эта тема не часто обсуждается, поскольку она слишком болезненна. Но среди тех, кто вникает в мучительную историю еврейского бездействия и пассивности (а шесть миллионов их братьев и сестёр погибли на их глазах в Холокосте), этот вопрос остаётся растущей и все более загадочной проблемой. Почему? Почему евреи свободного мира не встали и не сделали того, что было нужно сделать, чтобы заставить мир действовать? Разумеется, еврейское руководство состояло не из злых людей с каменными сердцами и безразличием к судьбе убитых сородичей. Несомненно, что евреи свободного мира, Соединённых Штатов, где их активность давала бы наибольший эффект, были хорошими евреями, чьи сердца болели за свой народ. А если это так, то почему было молчание? Почему был отказ от немедленных необходимых действий и актов, которые могли спасти сотни тысяч?

Ответ заключается в том, что, конечно, евреи Соединённых Штатов заботились о своём народе в Европе; конечно, они хотели его спасти. Но, больше всего, они заботились о себе, опасаясь, прежде всего, за свои интересы. Они смотрели на своё собственное положение и безопасность как на более важное, чем что-либо другое. Адам каров леацмо, - говорят раввины, своя рубашка ближе к телу, человек одержим личными интересами.

И, таким образом, они не стремились рисковать собой или своими интересами, даже при виде истекающих кровью евреев. Заповедь Ахават Исроэл, любви к евреям, выраженная в строгом библейском наставлении: Не будь равнодушен к крови брата твоего, становится ужасно трудной, когда человека призывают к её исполнению. Намного легче оставить её в Доме Учения, в безопасном царстве священной теории; гораздо лучше обратиться к строгому выполнению менее опасных заповедей.

Я не гневаюсь: я понимаю. Но понять — не значит потворствовать. То, что понятно, может быть злым и непростительным, следовательно, обязанность заключается в том, публично заклеить и искоренить зло.

А если так, нужно понять, что американский еврейский лидер тридцать лет назад знал, что демонстрации и насильственные действия во имя евреев Европы, которых ожидает бойня, являются единственными способами их спасения. Но он также опасался, что такие действия могут вызвать гнев у американских неевреев и поставить под угрозу его, американского еврея, положение и отношения с неевреями. Это можно понять, но никогда нельзя с этим соглашаться. Сама суть заповеди еврею о спасении находящегося под угрозой уничтожения брата, заключается в том, что его стремление к нему на помощь сопряжено с риском и опасностью для самого спасителя.

Ничто не может быть более важным! Если бы помощь еврею не была сопряжена с риском, то не было бы необходимости в этой заповеди в Торе. Преступная неспособность американских евреев рисковать своим собственным положением не смягчается тем фактом, что мы можем понять их чувства, поскольку такие чувства совершенно нормальны для многих людей. Как раз наоборот. В этом-то как раз и состоит преступление евреев!

Евреи не должны быть нормальными, как все другие нормальные люди. Им не разрешено быть похожими на неевреев и укрываться за обычной боязнью рисковать собой. Еврей не может быть похожим на всех остальных, и жизнь для него — это миссия, ради которой он избран, служение, которое призывает его, если необходимо, по-настоящему рисковать своим положением и собой. Это нормально для еврея.

Грех евреев наших дней состоит в том, что они впитывают взгляды и нормы других народов и становятся неотличимы от них. Преступление еврея неизбежно возникает именно из-за этого греха, потому что именно его подражание язычнику заставляет его быть равнодушным к крови брата своего и отдавать приоритет собственной безопасности.

Однако, евреи не похожи на другие народы. Они — другие. Они — Ам Сгула, драгоценный народ, избранный Богом, чтобы быть другим, быть святым, быть освящённым через жертвоприношения и силу духа; избранный любить своих братьев-евреев и вставать на их защиту, полностью посвятив себя спасению своего избранного собрата-еврея, попавшего в беду. Если еврей предаёт свой народ, ставя свой собственное положение и безопасность выше мольбы своих отчаявшихся братьев, он предаёт своё призвание, свою избранность. И Всемогущий такой измены не потерпит. Еврей, который отворачивается из-за узких личных интересов от своего обязательства перед братьями, заплатит за это собственной кровью и страданиями. Не зря раввины говорят, что на такого человека Святой Благословенный посылает ангела своего, чтобы объявить: «Кто не страдал общей болью, не найдёт утоления личной...».

То, что верно для индивида, верно для всего народа, а то, что верно для народа, верно для государства, которое он создаёт. Избранный народ, создающий своё государство, создаёт избранное государство. Это государство есть отражение народа, а призвание народа есть призвание государства, которое есть ничто иное, как инструмент народа, чтобы жизнью своей осуществлять призвание избранности. Народ, который предаёт своё призвание, должен заплатить цену, а государство, которое делает то же самое, не избежит своей судьбы.

Еврейское правительство, которое заключило меня в тюрьму и планирует осудить и приговорить, обвинило меня в том, что я призываю к нападениям на советские и иракские объекты и должностных лиц и планирую такие нападения. Государство Израиль в действительности не горюет по советским и иракцам. Оно знает об убийствах евреев иракцами в Багдаде. Оно знает о жутком призраке физического наказания, который угрожает евреям СССР. Не любовь к иракцам и Советам, или отсутствие любви к евреям этих стран заставили государство Израиль зашевелиться, чтобы остановить евреев, которые желают спасти своих братьев. Когда еврейские

боевики, два и три года назад, совершали акты насилия против Советов в Америке, многие официальные лица благословляли невидимых наставников еврейских боевиков.

Разница между вчерашним и сегодняшним днём заключается в том, что, по их представлениям, вчера эти еврейские активисты не угрожали интересам Израиля, а сегодня узко мыслящие люди, которые всегда находятся в узких условиях узких личных интересов, считают, что они им угрожают. Поэтому, думая так, они делают все, чтобы защитить то, что они считают интересами государства, даже если это означает бросить еврейских патриотов в тюрьму и предать евреев, которым угрожает опасность.

Вот почему то, что происходит между мной и еврейским государством, так важно. Это не просто ещё один уголовный случай, как власти хотят это представить. То, что здесь происходит, скорее вопрос того же греха и того же преступления еврейской общины, совершенного тридцать лет назад и вновь повторяемого еврейским государством. Это гниль ассимиляции, и пусть никто не впадает в заблуждение при мысли о том, что Израиль не может быть жертвой ассимиляции. Каждый может увидеть, как она душит и извращает еврейское государство на наших глазах.

За годы до Шестидневной войны государство Израиль пыталось убедить советских еврейских активистов, которые обращались в посольство в Москве, что агитация и общественный резонанс только нанесут вред их делу. Это была ложь, и израильтяне это знали. Больше всего их беспокоило не то, что активизм принесёт советским евреям, а скорее то, что еврейская агитация будет угрожать отношениям Израиля с СССР. Это имело приоритет над страданиями советских евреев, и нет никакой разницы между отношением Израиля в шестидесятые годы и отношением американского еврейского истеблишмента в сороковые годы. Оба с большим страхом смотрели на активизм во имя спасения евреев, и оба задавали один и тот же вопрос: как это повлияет на нас?

И даже после того, как отношения были разорваны, Израиль продолжал надеяться на дружбу, а поэтому продолжал отговаривать советских евреев от громких протестов. В 1969, утечки из правительства упорно распространяли слухи о том, что двое ведущих советских еврейских активистов, Дов Шперлинг и Яша Казаков, в действительности являются советскими агитаторами. Когда они прибыли в Америку, где им организовали поездку с целью сформировать общественное мнение, посольству Израиля и его консульству в Нью-Йорке удалось отменить ряд их выступлений. Когда Казаков устроил голодовку возле Организации Объединённых Наций в 1970, в знак протеста против отказа советского правительства отпустить его семью, я сел рядом с ним, и он показал мне телеграмму, полученную им от Голды Меир, «Пожалуйста, прекратите. Вы рискуете навредить советскому еврейству». То, что действительно имела в виду миссис Меир, было: «Вы ставите под угрозу возможность советско-израильского сближения», а это имело приоритет над судьбой советского еврейства.

Если бы еврейские боевики планировали действия против Советов и иракцев в Бельгии, вполне возможно, что Израиль поступил бы по-другому и не заключал бы меня в тюрьму. Его интересы там являются не жизненно важными, поэтому разрешено помогать там советским и иракским евреям. Но Соединённые Штаты – совсем другое дело. Израиль пойдёт на что угодно, чтобы остановить то, что он считает вредным для его жизненно важных связей с Вашингтоном, а советские и иракские евреи не так важны, как хорошие отношения с Ричардом Никсоном. Израиль готов сделать почти все, чтобы защитить свои связи с Соединёнными Штатами, и доказательство его готовности предать жизненно важные интересы евреев, противоречащие его собственным, ясно видно в невероятном предательстве сенатора Генри Джексона.

Когда миссис Меир сообщила прессе, что теперь Израиль поддерживает как Джексона, так и Никсона, она знала, что это политически и интеллектуально невозможно. Когда правительство отменяет резолюцию Кнессета, которая хвалит Джексона, мы знаем, что правительство госпожи Меир сделало не только невозможное заявление, но и солгало. Никсон потребовал от Израиля смягчить свою кампанию за советских евреев, чтобы потом надавить на американских евреев сделать то же самое. В свою очередь, г-н Никсон пообещал продолжить военную и политическую поддержку Израиля. Израилю свои интересы оказались дороже, и он повторил преступление сороковых годов. Есть те, кто говорит относительно того периода: «Никогда больше!». То, что сделал Израиль – отменил «никогда».

И в этом была суть послания, доставленного мне майором полиции, Авраамом Леви, который спросил меня: Разве вы не понимаете, что наносите вред нашим дружеским отношениям с Соединёнными Штатами?

Ни слова о советских евреях или о газетной вырезке на его столе, в которой описывалось убийство пяти членов одной иракской еврейской семьи. Единственная мысль: «Мы. Что будет с нами? Как это повлияет на нас?». Израильтяне знают, что бесповоротная разрядка, безусловно, означает резкое свёртывание борьбы за советское еврейство, поскольку исчезнет единственный способ давления на Кремль. Советские евреи, здесь и в России, говорят об этом постоянно. Но дело не в этом. В 1973, как и в 1943, вопросом для еврейского истеблишмента было: «как это повлияет на нас?». Так что советские Иосифы снова были проданы своими братьями в угоду личным интересам...

74. «Государство евреев» или «Иудейское государство»?

Это преступление, и нам ещё раз необходимо понять его неизбежные корни, его первородный грех. Когда Герцль написал свою классическую работу, он назвал ее *Der Judenstaat*. Не зря в переводе на иврит это звучало как *Мединат ха-Йеудим* - Государство евреев. Это можно было легко перевести как *HaMedina HaYehudit*, Иудейское государство, но так переведено не было. Знайте, евреи, что существует огромное различие между Государством евреев и Иудейским государством. Первое – заявляет о государстве с еврейским большинством, с еврейским суверенитетом, которое принадлежит евреям. В нем ничего не говорится о том, каким будет государство, принадлежащее евреям. Оно ничего не говорит о каком-то конкретном, уникальном характере этого государства. Государство евреев может быть точно таким же по своему характеру и культуре, как государство англичан или греков, американцев или готтентотов. Это может быть Америка, говорящая на иврите, или Париж или Касабланка. Это может быть ещё одно из множества незначительных, малых этноцентристских республик, которые играют в бессмысленный суверенитет.

Не так обстоит дело с Иудейским государством. Оно предполагает нечто большее, чем подвергшаяся обрезанию коллекция, как под копирку, копий Таймс-сквер, Латинского квартала или Пикадилли. Иудейское государство, конечно, означает еврейский суверенитет, и еврейское большинство, и государство, принадлежащее еврейскому народу, но в его основе есть больше, гораздо больше. Иудейское государство является иудейским, оно само по себе иудейское. Оно действует, как иудейское, реагирует, как иудейское. Его внешняя политика иудейская, его внутренняя политика иудейская. Оно устанавливает для себя цели и средства, которые соответствуют иудаизму. Оно рассматривает себя не как цель, а как средство на пути к цели, как сосуд для хранения иудейского народа и для служения ему. Это место, где иудей может достигнуть святости, уникальности и высот своего иудейского призвания, а государство – его слуга на этом пути.

Это - иудейское государство. Оно склоняется перед иудаизмом; оно не противоречит ему. Оно соответствует иудейским ценностям, иудейским заповедям и иудейским императивам. Оно соответствует им, как бы они ни противоречили международным нормам дипломатии, нормальному западному современному демократическому образу жизни, являющемуся противоположным полюсом для него, даже когда это угрожает его интересам, даже когда это угрожает изолировать его от цивилизованных и культурных неевреев.

«Һэн ам левадад йишкон...», - восклицает Тора в недельной главе Балак (в переводе – вот народ, который будет жить обособленно). Вот этот народ будет жить один и не будет числиться между народами. Не судьба и не цель Израиля – быть ещё одним государством среди государств, и не его судьба играть в глупую, пустую игру силовой политики. Ибо вы наименьшие среди народов, – объявил наш Бог (в Торе).

Иудейское призвание должно быть отдельным, уникальным, отличным, избранным. Таково призвание народа и его корабля, его слуги – государства. Иудейское государство, иудейство которого высечено в его сути, живёт и продолжается в соответствии с уникальными иудейскими ценностями. Ценности и стандарты других народов – не для нас. Ассимиляция начинается не со смешанных браков, а с признания иностранных ценностей и

подражания нееврейским идеям и концепциям. Иудейское государство зиждется на иудейских ценностях, и когда оно отказывается от них и начинает размышлять и тосковать по иностранным и нееврейским образам, оно начинает ассимилироваться и, сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее меняться от уникального иудейского государства к болезненному и незаконному государству евреев. Оно запускает процесс оязычивания.

Грех (колена) Ехуды записан железным пером, - воскликнул Пророк Иеремия. А грех государства евреев написан на улицах его городов, в журналах его газетных киосков, в фильмах его кинотеатров, в суете автомашин на его улицах по субботам, в неуместности иудаизма в жизни его лидеров, а также в отсутствии веры в божественность иудея и в божественную судьбу, которая ему присуща.

Кто-то тщетно ищет признаки Божьего присутствия среди лидеров Израиля, тех, кто его создал и формирует. Кто-то из них отчаянно ищет, как искатель квасного накануне Песаха, в речах премьер-министра хоть какого-то признания Божественной Воли в создании государства. Кто-то становится Диогеном, устало протискивающимся через мир блестящих речей, произнесённых на полудюжине языков безупречным министром иностранных дел, ища и не находя честного упоминания Бога. Кто-то терпеливо и мужественно слушает грубоватый голос раздражённого министра финансов и впадает в отчаяние, когда тот говорит: Чудеса? Наше поколение покончило с чудесами! Кто слушает голоса генералов и слышит имена доблестных солдат, перечень могучих ракет, самолётов, танков и еврейского мастерства. И чьё-то сердце разбухает от гордости и радости. Однако, наконец, после долгих и длительных ожиданий, человек обращается к правителям еврейского государства и спрашивает: А Бог-то где?

Богу нет места, потому что социалисты-пионеры, которые пришли на эту Землю и создали государство, не верили и не верят в еврейского Бога, а, в лучшем случае, произносят пустые слова о присутствии некой сущности, существование которой настолько неважно, что она не играет ни малейшей роли в разработке политики будущего. Люди, которые правят Израилем, являются людьми с идеологической подготовкой, чьи корни находятся в нееврейском социализме, нееврейском национализме, нееврейском атеизме или, в лучшем случае, безвредном пренебрежении к Творцу. Их философия «несущественности Б-жественного» отпечаталась в культуре и жизни государства.

Построенные ими школы и их учебные планы отражают ассимиляцию, подражание западной культуре, отсутствие уникального иудейского духа в их создателях. Молодые люди, которые проходят через систему школьного образования, становятся именно такими, как и следовало ожидать. Школа не проповедует уникальности иудаизма; студент становится таким же неуникальным, как и его коллега на Бродвее. Иудаизм, Бог, мицвот, концепция Ата бахартану (Ты избрал нас), то есть – идея отдельного и особого еврейского призвания и судьбы – все похоронено под западным учебным планом и западными светскими ценностями. Студент выходит с ценностями, которые являются не еврейскими, а универсальными и универсально пугающими.

Какова же судьба такого студента? Какова концепция судьбы, как продукта школы государства евреев? Автомобиль, большой автомобиль; девочки или мальчики; деньги, и все такое; Америка и все американское! Его невежество в отношении его иудаизма и его наследия шокирует, его безразличие к особой священной еврейской судьбе, обособленности и избранности ужасает. Фильмы, развлечения, красивые девочки, положение – вот боги государства евреев.

Газеты становятся все более наполненными новостями о ежедневных преступлениях: насилии, убийствах, жестоких изнасилованиях, садистских нападениях, грабежах. В кинотеатрах – длинные очереди, которые выстраиваются на улице, чтобы увидеть ту же грязь, которая заполняет все другие современные прогрессивные государства. Эту грязь в условиях демократии не может запретить никакой современный прогрессивный декрет. Легко доступные книги и журналы с жёсткой порнографией вызывают к покупателям. Высокомерное и хулиганское поведение подростков на улицах и их тусовки по углам может быть увидено в любом нееврейском западном городе. Суббота – уже не Суббота; кашрут уже надоед и становится пережитком прошлого, святость и традиция становятся все больше достоянием меньшинства, известного как датим, религиозные.

Таково государство евреев. Таково его усвоение иностранных и нееврейских идей. Таков его отказ от иудейского государства. И таково стремление походить на все другие народы. Такова ассимиляция, которая отвергает еврейскую традицию и избранность, уникальность и обособленность — это грех, из которого неизбежно должно произрасти преступление предательства других евреев!

Поскольку та же уникальная концепция избранности, которая требует исполнения заповеди, иудейской традиции и законов, указывает также на особую связь между евреем и евреем — она вступает в противоречие со всеми принципами прогрессивной, либеральной, современной, западной, международной цивилизации!

И так же, как светские правители Израиля отвергают концепцию традиции в отношении ритуала, они отвергают её так же в отношении божественности иудея. И нет ничего странного в том, что непременно следует за этим. Ибо тот, кто отрицает и отказывается от божественной избранности иудея, отказывается от каждого аспекта этой избранности, которая противопоставляется общепринятым современным национальным концепциям.

75. От грехов к преступлениям

Традиционная концепция избранного народа требует определения иудея как человека, отличного во всех отношениях от нееврея, и требует также абсолютного императива Веахавта лерээха камоха: Возлюби своего ближнего (т.е. собрата иудея) как самого себя (важнейшая заповедь-принцип из Торы). Этот непреложный закон Ахават Исроэл нашел свое практическое воплощение в предписании: Не оставайся равнодушным к крови брата твоего. Талмуд не даёт никакой подходящей информации о том, что значит призыв спешить на помощь еврею, находящемуся в опасности. Это призыв не только применяется больше к еврею, чем к не еврею, этим устанавливается необратимая разница в обязательствах перед ними обоими, это также делает спасение еврея божественным приказом. Еврей связан со своим братом евреем, где бы тот ни жил, узами близости, братства в сообществе уникального, особого, отдельного еврейского народа. Ата бахартану миколь ха'амим, — говорят евреи в молитве при каждом празднике: Ты выбрал нас из всех народов. Хамавдил бейн йисраэль леамим, — заявляют они каждую субботу вечером: Отделяющий Израиль от народов.

Пока евреи верили в своего Бога и свою Тору, они верили и следовали указанию воспринимать своего собрата еврея как другого, более близкого, чем не еврей, и бросаться ему на помощь, независимо от степени риска. В тот момент, когда он отказался от своей веры в еврейского Бога, в Божественность Торы, начал думать, как язычник, подражать язычнику, действовать, как язычник, он и стал язычником, неевреем. И из греха ассимиляции неминуемо и неумолимо возникло преступление — предательство евреев и самой страны.

Те, кто отвергли божественность иудаизма, отвергли также и божественность еврейского государства. Поскольку традиция стала ненужной, она стала анахронизмом. И, таким образом, политика, как внутренняя, так и внешняя, вместо того, чтобы быть сформулированной и управляемой иудаизмом, стала теперь незаконнорождённым ребёнком чужой и странной западной матери. Вот так от грехов они перешли к преступлениям.

Существуют ли в Израиле миссионеры, крадущие еврейские души? Да, но государство евреев не запрещает их, потому что это не только идёт вразрез с западными устоями демократии, но и противоречит личным интересам деятелей государства, поэтому оно запрещает любые действия против них. Верно, что евреи, особенно сефарды и бедные евреи, являются мишенями христианских ловцов душ, но запрет их миссии поставит под угрозу политически необходимые связи с Ватиканом и христианским миром. А поэтому мы продаём евреев. И это преступление.

Существуют ли в мире еврейские общины, которым никто не может помочь, и обладает ли государство Израиль потенциалом, техническим и военным мастерством и способностью помочь им? Слышит ли израильская армия, стоящая в 35 километрах от Дамаска, стоны сирийских евреев? Неужели иракские дипломаты без опаски гуляют по бульварам мира, несмотря на убийства евреев в их стране? Если Израиль спешит нейтрализовать

террористов в центре арабской столицы Бейрут из-за угрозы для израильтян, не должен ли он сделать то же самое для сирийских евреев, совершив набег на Дамаск и эвакуировав их? Если арабы убиты израильскими агентами в Париже, на Кипре и в Риме, потому что они угрожали израильтянам, не следует ли сделать то же самое с арабскими убийцами иракских евреев? Если террористы угрожают не израильтянам, а просто иностранным евреям, не должно ли еврейское государство действовать против террористов и защищать евреев, где бы они ни были?

Да, но государство евреев не делает таких вещей, потому что это поставило бы под угрозу его собственные интересы. Понятие избранного народа требует, чтобы еврейский народ считался единым народом, где бы евреи ни находились. Оно напроочь отвергает чуждое и отвратительное разделение на израильтян и евреев, когда речь идёт об обязательстве перед ними. Обязанность еврея – броситься на помощь евреям, всем евреям, а не только своим государственным. Долг еврейского государства – быть попечителем и хранителем еврейского народа, всего еврейского народа, где бы евреи ни находились.

Однако ассимилянты, которые создали государство евреев, не могут этого принять, потому что это противоречит всем принятым нормам международного права и мировому сообществу язычников. А поэтому, вместо того, чтобы рисковать, вызывая злобу язычников, в которых оно нуждается, государство отказывается от своего обязательства перед евреями, которые находятся за его пределами. И это преступление.

И мы сидим шесть лет на нашей земле, на земле Израиля, отказываясь объявлять, что Хеврон, Шехем, Иудея, Самария и Газа являются еврейскими, что они были священной еврейской землей задолго до того, как нуворишы из Савийона «освятили» эту землю своими еврейскими вилами. И мы отказываем евреям в разрешении покупать свою собственную землю и обрабатывать свою собственную почву. И мы поговариваем о том, чтобы отдать обратно Эрец Исраэль, а министра финансов раздражает такая мистическая фраза, как «иудейская сила права». Да, и все это происходит из-за утраты традиционной концепции избранного народа и избранной земли. И это тоже преступление.

И то, что они делают со мной сегодня, является преступлением, частью преступления, которое они совершают против советских и иракских евреев. Духовные ассимилянты, которые создали государство евреев, которые превратились в бледные копии неевреев, отказались спасти евреев и посадили в тюрьму меня, чтобы только не вызвать гнев Вашингтона и не потерять его дружбу.

«Разве вы не понимаете, что наносите вред нашим дружеским отношениям с Соединёнными Штатами?»

Это вопрос, заданный представителем духовных ассимилянтов, и в этом – моё истинное преступление! Вот почему правительство государства евреев предало меня суду!

Я уже заявлял, что сам вопрос и это отношение являются преступными. Я только хочу поговорить об их сопутствующей глупости и слепоте.

Меня судили, потому что я попытался убедить евреев жёстко действовать против Советов и иракцев в Соединённых Штатах. Государство Израиль пойдёт на все, чтобы предотвратить нанесение обиды американцам, поскольку оно возлагает на Вашингтон свои надежды на спасение.

76. «Я возношу глаза к Вашингтону, ибо от Никсона придёт моё спасение...»

Какие дураки и слепцы те, кто доверяет Вашингтону! Неужели мы действительно верим, что Израиль родился через Никсона и что в Америке – наше спасение? Неужели мы действительно считаем, что защита и безопасность еврейского государства находятся в руках чуждых правителей Соединённых Штатов, настолько, что мы готовы предать наших братьев, чтобы польстить язычникам и завоевать их благосклонность? Дураками и неевреями являются те лидеры, которые вверяют себя милости и обещаниям язычников.

История евреев полна повторяющихся трагических эпизодов. Мы никогда не учимся на ошибках наших отцов, и единственным уроком нашей истории является то, что мы ничего из неё не усвоили. Пророк Исайя 2500 лет назад посмотрел на ассимилянтов своего времени (которые, в конце концов, его и убили) и увидел их усилия создать государство, похожее на государства язычников, и объявил (Исайя 30,31):

Горе мятежным детям, говорит Господь, которые держат совет, но не со мной, и которые готовят план, но не моего духа, чтобы они могли добавить грех к греху..., укрепить самих себя через силу фараона и доверится ему под сенью Египта. Поэтому сила фараона станет вашим стыдом..., ибо помощь египтян будет напрасной и нецелесообразной....

Горе тем, кто обращается к Египту за помощью, остаётся на лошадях и доверяется колесницам, потому что их много, и всадникам, потому что они сильны; но они не смотрят на Святейшего Израиля и не ищут Господа.

Ассимиляция и оязычивание наших лидеров заставили их не только покинуть пути еврейства, но и катастрофически довериться и доверить будущее нации такому сломанному камышу, как Никсон. И хуже всего – предать евреев по своей глупости.

Неужели мы верим в то, что этот человек, который прежде всего исходит из своих интересов, станет достойным хранителем нашей судьбы и доверия? Он отвернётся от нас, как он поступил с другими союзниками, и предаст нас, как только увидит, что его собственные интересы требуют этого. Те, кто предаёт евреев, чтобы завоевать благосклонность нееврея Никсона, не только предатели, но и дураки. И их оязычивание навлекло на них страдание и проклятие, как пророк Иеремия сказал:

«Будь проклят тот, кто доверяет человеку и делает плоть своим оружием, и сердце которого покидает Господа... Благословен тот, кто надеется на Господа, и чья надежда есть Господь».

Когда-то мы доверились Франции, а она предала нас, и сегодня мы хотим довериться Америке, и она предаст нас, потому что, в конечном итоге, её личный интерес будет лежать не с нами, а с нашими врагами, и нефть станет более ценной, чем дружба с маленьким, бедным государством. Мы, народ, переживший адское двухтысячелетнее изгнание только благодаря нашей глубокой и незыблемой вере в Бога, теперь забываем Его, игнорируем Его, называем Его несущественным.

Те, кто не верят, что Он и только Он привёл Израиль к существованию, также не верят и в то, что Он, Он один поддержит его. Слова псалмопевца: «Не доверяйте князьям и сыну человеческому, ибо нет в них спасения, иначе будете страдать за это».

Я заявляю вам: спасение евреев, создание государства, его дальнейшее выживание и победа над своими врагами зиждутся не на глупой «реалполитик», в которую играют духовные ассимилянты нашего правительства. «Эти полагаются на колесницы, а те – на коней, но мы помянем имя Господа Бога нашего». Есть ли среди нас люди, которые настолько слепы, что не видят могущественной руки Божьей в творении и поддержке государства? Разве мы побеждали армии и государства в течение нескольких дней с относительной потерей горстки людей - благодаря нашим союзникам и нашей «реалполитик» либо благодаря одной лишь нашей силе? Неужели многочисленные попытки террористических групп срываются в Нью-Йорке, Риме и Израиле просто из-за постоянного везения? Откройте глаза и поймите, как царь Езекия, который столкнулся с могущественной армией Ассирии и сказал людям:

«Будьте сильными и мужественными, не бойтесь и не будьте в смятении из-за царя Ассирийского и всего народа, что с ним; потому что с нами больше, чем с ним.

С ним – рука плоти, а с нами – Господь Бог наш, который поможет нам и сразится с нами в битвах наших».

Я заявляю вам, что на карту поставлено будущее нашего народа и государства. Если мы будем упорствовать в грехе ассимиляции и оязычивания нашего государства, если мы будем продолжать нашу глупость, полагаясь на неевреев, которые с удовольствием обратят своё внимание на нас, если мы продолжим совершать самые ужасные из преступлений, которые евреи могут совершить – предательство евреев ради личных интересов, то я говорю вам, что гнев Божий прольётся на нас, и мы будем терпеть напасти и Его мучительные наказания.

77. Покончит ли с моим делом моё заключение в тюрьму?

Я так не думаю. Зло предательства наших братьев в Советском Союзе и Ираке останется и будет усугубляться моим тюремным заключением. Пойдёт ли правительство Израиля по пути тех, кто мучил в темнице Михайю, сына Имлы, за то, что он высказал еврейскую истину (Книга Царств 1, глава 22)? Пойдёт ли оно по пути Асы, который в ярости бросил Ханани-Провидца в тюрьму за то, что тот предсказал ему поражение Иудеи, потому что «ты полагался на арамейского царя, а не полагался на Господа Бога твоего» (Диврей Аямим 2, глава 16)? Поступит ли оно так же, как князья царя Цидкияу, которые бросили Иеремию в трясину и заявили: «Ибо этот человек не ищет благополучия своего народа, а вредит ему» (Иеремия, глава 38, стих 4)?

Они пытаются сказать, что я совершил преступление, и основывают это на холодных, черно-белых, бесчувственных параграфах, унаследованных от британских оккупантов, которые говорят, что преступление связано с совершением правонарушения в иностранном государстве. И говорят самодовольно: Мы только соблюдаем закон. Он тайно замышлял совершить преступление в Соединённых Штатах, а мы просто соблюдаем закон.

Пусть так. Но ведь мы знаем, что наши братья в Ираке повседневно живут в аду, и никто не шевельнётся, чтобы встряхнуть мир! Если попытка нанести удар угнетателю, чтобы он понял, что еврейская кровь стоит недёшево – это преступление, то я скажу, что горе еврейскому государству, которое так говорит, и я с гордостью признаю себя виновным в этом преступлении.

Разве это преступление – утверждать, что наши братья в Советском Союзе сталкиваются с черным и страшным будущим? Что только отмена советско-американской разрядки может сдержать «ночь длинных ножей»? Разве это преступление – пытаться напасть на преследователя и сорвать его планы и надежды - если это преступление, я говорю, горе еврейскому государству, которое так утверждает, и я с гордостью признаю себя виновным в этом преступлении.

Но если я буду заключён в тюрьму, а государство евреев будет продолжать свой путь к ассимиляции и уподобится всем народам, то, если в этом грехе ухода от пути иудаизма и Бога оно будет упорствовать в предательстве еврейских интересов ради узких личных выгод, то тогда знайте, что вас ждёт. Это государство, вопреки тем, кто не желает видеть и понимать, возникло по Божьей воле и решению. Ради Своего народа Он положил конец вековым странствованиям. Ради Его Великого Имени, осквернённого еврейским унижением, слабостью и страданиями, Он освятил Своё Имя, вызвав возрождение Израиля.

И это государство никогда не падёт; оно никогда не будет уничтожено, и народ больше никогда не будет изгнан. Однако это Божье обещание дано не благодаря нашей добродетели, а из-за Божьей решимости освятить Своё Имя. А если государство евреев будет упорствовать в своём извращении иудейских ценностей и превращении в ивритоязычную языческую республику, и особенно, если оно будет упорствовать в предательстве евреев и своего обязательства по отношению к ним, тогда знайте, что рука Б-га поразит нас болью и страданиями, и мы подвергнемся ужасным ударам, которые станут для нас трагедией и душевной болью до наступления окончательного избавления.

Это, и ничто иное, поставлено на карту здесь и сегодня, и никакие усилия со стороны правительства не скроют этого судебного дела от прессы, и никакие закрытые двери не смогут помешать его крику дойти до ушей Того, кто все слышит и видит. Я люблю свой народ и свое государство, и хочу наслаждаться его щедростью и безопасностью, которой оно будет обладать, если откажется от чужого и странного и вернётся к роли избранного народа и избранного государства.

«Ассирия не спасёт нас ...» (Иошеа, глава 14, стих 4). Верните Израиль Всевышнему нашему!

78. Верните Израиль Всевышнему нашему!

Я написал эти строки за несколько месяцев до того, как те же самые языческие лидеры Израиля, которые рабски капитулируют перед каждым требованием Вашингтона и, опасаясь Америки, пожертвовали еврейскими солдатами, вместо того, чтобы первыми нанести удар и встать в противостояние Вашингтону. Они согласились на прекращение огня, что спасло Египет от катастрофы, которая могла бы затмить Шестидневную войну, и из-за этого согласия, тысячи еврейских мальчиков ещё падут.

Еврейский народ не свободен, и со дня, когда он воскликнул на Синае: Мы выполним, и мы услышим, он никогда больше не был хозяином своей судьбы. Он принял иго Неба и стал избранным народом, царством священников и народом святым. Он выбрал судьбу, и Бог Судьбы, еврейский Бог Истории, с тех пор направлял историю еврейского народа по конкретному пути. Бесполезно бороться против этого – евреи не могут избежать своей судьбы.

Всемогущий завершит еврейскую книгу и принесёт миру славное Царствие Небесное, которое освятит Его Имя.

Наша история подходит к концу. Кровавая, насыщенная событиями, захватывающая, трагическая, славная, усталая книга еврейской и мировой истории приближается к своей последней главе. Холокост и последующее, подобно Фениксу, возрождение из пепла Государства Израиль вряд ли случайны. Еврейский Бог уничтожил Изгнание, ликвидировал его, нравится это евреям или нет, собираются они покинуть изгнание или нет. Они больше не могут в нем существовать. Еврей может выбрать исход и возвращение домой, и он может остаться и быть уничтоженным, но в конечном итоге, это его личный выбор. И будущее Израиля – такое же ясное и неизменное, и остаётся только уточняющий вопрос: когда и как подойдёт к концу последняя глава. Наступит ли она стремительно и славно, или она будет мучительной, с ненужными жертвами и трагедией слепоты?

Ответ на это в наших руках, и это, в конце концов, то, что сама Лига Защиты Евреев должна полностью понять и взять на себя обязательство сделать так, чтобы и другие евреи видели в этом начало шаббатней эпохи нашего существования.

Сможет ли она убедить евреев и самих себя в том, что ближайшая цель – ликвидировать Изгнание и вернуться домой в Землю Израиля? Сможет ли она убедить еврея познать себя, понять, кто он, и вернуться к гордой исключительности и обособленности иудаизма? Сможет ли ЛЗЕ создать в Израиле тот вид людей и государства, которые быстро и радостно приведут к Царствию Небесному и окончательному освобождению? Таковы цели ЛЗЕ в наступающие дни, и в зависимости от того, удастся ли ей поверить в эти вещи и убедить в них беспокойных евреев, она найдёт своё место в истории либо в качестве мимолётной фразы или абзаца, что она уже себе обеспечила, либо – в полноте грядущих и славных страниц.

То, в чем Лига защиты евреев уже преуспела в Соединённых Штатах, понятно. Она предотвратила превращение иудеев в язычников и громко озвучила тогдашнюю революционную концепцию исключительности еврейства, еврейского влияния, борьбы евреев за еврейские права, беспокойства евреев - прежде всего - за евреев. Она возвысила концепцию Ахават Исроэл, любви евреев к евреям, что было многими отвергнуто и против чего они возражали. В то время как другие говорили пустые слова, настоящие евреи активно сражались и жертвовали ради своих собратьев. Она изменила образ еврея от ложного восприятия еврея-пацифиста и труса – к такому, кто давал сдачи, кто умел давать сдачи, и кто понял, что это правильно и славно защищать права и личности евреев. Это дало новую гордость евреям по всему миру и воссоздало концепцию прежнего еврея из еврейского прошлого, который стоял высоко, и твёрдо зная, почему он был евреем и защищая своё право быть таковым любым необходимым образом. Ей удалось вернуть тысячи молодых евреев к своему народу и наследию. Ей удалось заставить робкий, апатичный и безразличный истеблишмент делать то, чего он не делал последние десятилетия, и что он не сделал бы на протяжении ещё десятилетий. Она сосредоточила внимание на еврейской бедноте, о которой мало кто знал и заботился. Она помогла открыть двери советской тюрьмы и спасти евреев от ещё одного преступного попустительства Холокосту. Она сделал все это и, несмотря на допущенные ошибки, она революционизировала нашу еврейскую эпоху.

Но это все в прошлом, и каждый еврей имеет право спросить каждого еврейского лидера или движение: а что же теперь? Что вы будете делать для меня сегодня, завтра и на следующий день? И ЛЗЕ должна иметь свои ответы и свои действия.

79. «Где вы набрали такую молодёжь?»

12 сентября 1971 я отправился домой. Я репатриировался в Израиль, где меня уже ждала моя семья. ЛЗЕ запланировала целый день в это воскресенье, начиная с крупного митинга Алии в нью-йоркском Манхэттенском центре. Там я говорил больше часа о ситуации в Соединённых Штатах, о потребности в алии и о том прекрасном деле, которым является еврейское государство, Дом. Я помню, что, когда я сел, Беннет Левин, член Исполнительного комитета, пожал мне руку и сказал: Это была величайшая речь, которую я когда-либо слышал.

Поздно вечером, митинг Алии сменился митингом под названием Еврейское – прекрасно, и я пел и танцевал с сотнями молодых евреев, которые пришли выразить свою гордость тем, что они евреи. Это было то, что нам удалось сделать, и это порождало прекрасные чувства.

А потом пришло время уезжать. Меня отвезли в аэропорт Кеннеди, и там, из салона израильского самолёта компании Эль-Аль, я увидел массовое столпотворение - это сотни наших членов пришли ко мне с напутствием. Они пели, танцевали, а потом, когда мне уже надо было уйти, развернули огромный израильский флаг, и когда он развевался, в воздух поднялась сотня рук со сжатыми кулаками. Была исполнена Хатиква, как она никогда не исполнялась в аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди. Голоса были молодыми и гордыми, и стены затряслись, когда, при последних звуках песни, раздался рык: «Никогда больше, никогда больше, никогда!».

А потом я отбыл, сев в автобус, который доставил пассажиров к взлётной полосе. Я оказался с группой пассажиров, которые были прикреплены к туру Американского еврейского конгресса. (Туры они делают хорошо). Мужчина средних лет обернулся, глядя на наших прекрасных молодых людей, и недоуменно и растеряно спросил меня: «Где вы набрали такую молодёжь?».

Я посмотрел на него: хороший, простой человек, который и вправду не знал. Он действительно не мог знать, потому что ответ был совершенно неприемлем для него и всего, чему его учили.

Когда я прошёл через ворота и исчез из поля зрения, один из наших людей, огромный, могучий член «отряда Хая» по имени Херб Шнайдер, обратился к группе, и крикнул: «Какой лучший подарок для отъезжающего мы можем сделать Меиру?».

Группа парней повернулась к этому человеку и побежала за ним, чтобы сделать мне подарок. Спустя несколько мгновений десятки перепуганных свидетелей и потрясённых сотрудников Аэрофлота СССР наблюдали, как ворвавшаяся в их офис орда ЛЗЕ, рвала советские флаги, прервала сообщения их авиакомпании и разбила установки. Это было ещё одно нападение евреев на Советский Союз, чтобы там знали – «мы - стражи братьям своим».

«Где вы набрали такую молодёжь?» – спросил простой уважаемый еврей.

Как я мог сказать ему, что такие получаются, если дать им почувствовать гордость, которую выкристализовала ЛЗЕ? Таких вы получаете, требуя, чтобы они отдавали себя еврейским делам и делая их вместе с ними, идя с ними в атаку и садясь с ними в тюрьму, если нужно. И что не вы их берёте, а они приходят к вам, если вы этого достойны.

А потом самолёт поднялся в воздух, и я был на пути домой, в Израиль, где мы открыли ещё одну ветвь Лиги защиты евреев, где мы намеревались осуществить ещё одну еврейскую революцию и где..., но это уже для другого рассказа.

Эпилог

80. ... перед лицом кастрации Израиля Киссинджером...

Война Йом-Киппур в октябре 1973 привела к полному и драматическому изменению мышления мирового еврейства, а также создала угрозу самому существованию Израиля. Предыдущая завуалированная враждебность по отношению к еврейскому государству и еврейскому народу, которая была отодвинута на задний план после Освенцима и в результате процветания и очевидной силы израильтян после Шестидневной войны, теперь вспыхнула в результате арабского нападения на Израиль. Это нападение, ставшее военной неудачей для арабов, было превращено в политический успех огромной величины, благодаря американской внешней политике, которая резко изменилась после разгрома во Вьетнаме, а я давно предупреждал, что это выхолостит готовность США отстаивать свободу. Архитектором новой политики, направленной на то, чтобы избежать угрозы нефтяного эмбарго, захватить удобное место под арабским солнцем и избежать конфронтации с Советами, был Генри Киссинджер.

Киссинджер, беженец из Германии, был феноменальным эгоистом. Ему очень хотелось занять место в истории путём создания политики разрядки с Советским Союзом, что фактически разрушило успешную 25-летнюю американскую политику защиты малых государств от коммунистических посягательств. Его величайшим оружием была безграничная наглость, которая позволяла ему вежливо врать обеим сторонам во время секретных переговоров, которые он ужасно любил. Ложь привела к временному, стремительному успеху его мирного соглашения во Вьетнаме (за что он получил Нобелевскую премию); к соглашению с Советами об ограничении вооружений; пакту, предоставляющему привилегированные торговые уступки русским, взамен на их уступки в отношении еврейской эмиграции; и к размежеванию сил на Ближнем Востоке. В конечном итоге, каждый из этих успехов оказался дорогостоящим провалом.

Для Израиля Киссинджер предусматривал оказание давления против нанесения упреждающего удара, несмотря на то, что за два дня до войны Йом-Киппур, израильтяне узнали о начале военных действий; навязанное прекращение огня, которое лишило израильтян военной победы, когда они были на грани уничтожения военной мощи египтян, и приверженность так называемому Плану Роджерса, программы полного ухода Израиля к линиям 1967, за исключением незначительных изменений. Он был также человеком, который использовал все своё давление, чтобы склонить Израиль к безумным территориальным уступкам.

Когда я вернулся в Соединённые Штаты впервые после более чем двухлетнего отсутствия, в августе 1974, мои первые слова для прессы в аэропорту были: Генри Киссинджер представляет опасность для выживания Израиля. Для американского еврея, который так стремился верить в лучшее, который так гордился своим госсекретарем, и который был информирован американским еврейским руководством и израильским правительством, такие разговоры были полной ересью. Я использовал эту поездку для выступлений по всей стране. От Нью-Йоркского швейного центра до Сан-Франциско, Чикаго, Майами, все даты митингов и выступлений были посвящены одной теме – успехам Киссинджера, наряженным в одежды голого короля из сказки Ганса Христиана Андерсена. Маленькая брошюра под названием «Убийцы и сумасшедшие», раздаваемая тысячами экземпляров, гневно осуждала на американских евреев за их молчание перед лицом кастрации Израиля Киссинджером.

81. «НИ ДЮЙМА!»

Однако американское еврейство не сделало того, что должно было сделать. Американский еврейский истеблишмент, необъяснимо принуждённый молчать израильским правительством, пребывал беззвучным, в то время как арабы продолжали праздновать свои политические и экономические победы, а Америка все дальше отходила от поддержки Израиля. Безумные усилия ЛЗЕ не смогли сдержать успеха председателя ООП, Ясира Арафата в ООН, чтобы внушить террористам такой же страх, какой они внушили евреям. Сотрудник ЛЗЕ

по оперативным вопросам, Рассел Кельнер, поспешно созвал пресс-конференцию накануне прибытия Арафата в крупнейший в мире еврейский город, заявив, что Арафат не покинет Нью-Йорк живым. На столе лежал револьвер, и комната была полна вооружённых бойцов ЛЗЕ. Независимо от обоснованности акции, правительство Соединённых Штатов впало в панику; ФБР задержало Кельнера, и ему был присуждён ошеломляющий залог в \$100 000. Первоначальные планы о том, чтобы Арафат достойно вышел на сцену, были нарушены, поскольку перепуганная полиция и силы безопасности протаскивали небритых арабов в Нью-Йорк через заднюю дверь, и его пребывание в городе ограничилось менее чем одним днём.

По возвращении в Америку в январе 1975, была предпринята попытка протеста против американского давления, с требованием, чтобы американское еврейское руководство руководило или уходило. Мы призывали к смене израильского правительства и созданию нового кабинета национального единства под руководством лидера оппозиции, Менахема Бегина, на основе политики «ни дюйма отступления». Основой для такого поведения была передовая группа ЛЗЕ, известная как КПИО (Комитет против израильского отступления). 15 января мы разместили рекламу в газете Нью-Йорк таймс, которая порывала с традицией Золотого тельца (или, как я писал Тельца Голды), и резко нападала на израильское правительство. Она началась с заголовка (из Талмуда): «Всякая любовь без критики – не любовь» и, в частности, заявляла:

1. Арабы никогда не принимали и никогда не примут еврейское государство ни в каком размере. Любые кажущиеся изменения касаются только тактики, а не целей. Цель же одна – ликвидация Израиля.

2. Арабы убивали евреев и отказывались признавать еврейское государство в 1967, когда в их руках находились Синай, Газа, Иудея и Самария (Западный берег) и Голанские высоты. Арабы отказались признать Израиль в 1947, когда ООН проголосовала за гротескное шуточное еврейское государство – крошечное, экономически нежизнеспособное и с 40% арабского населения. Арабы убивали евреев и отказывались признавать даже понятие Еврейский дом в 1936-39, в 1929 и в 1920. Арабы всегда будут пытаться уничтожить Израиль и израильтян.

3. Никакие уступки не будут удовлетворять арабов, а поэтому никакие уступки не должны быть сделаны! Ни дюйма! Неспособность понять это будет означать трагедию для Израиля.

4. Политика Ближнего Востока Киссинджера-Никсона-Форда является частью общего мошенничества, известного как разрядка, в соответствии с которой американская власть и выживание ослабнут из-за потребности эгоиста доказать свой блеск, а президента – выиграть переизбрание. Нынешняя администрация припирает Израиль к стенке, и в этом её поощряют израильские уступки и слабость.

Массовый протест и мощное давление евреев и неевреев должны теперь требовать отстранения Киссинджера, указав президенту, что каждая вся наша энергия будет брошена на предотвращение его переизбрания в 1976 г.

82. «Комитет Против Израильского Отступления»

И самое главное:

5. Действующее правительство Израиля - слабое, запутавшееся, колеблющееся и зависимое от Киссинджера. Время от времени оно отходило от позиций, которые, как оно знает, были правильными, и теперь оно находится на грани отказа от огромного куска Синая взамен на ничто.

Те, кто любят Израиль, должны научиться различать государство и правительство. Государство незыблемо, а правительство - нет. Те, кто любит Израиль, должны понимать следующие моменты и действовать, исходя из них:

а. Уступки, время от времени сделанные правительством Израиля, выявляют опасную политику безрассудной зависимости от Киссинджера и отсутствие способности пойти на необходимый болезненный шаг, сказав «ни дюйма!».

б. Нынешнее правительство должно быть заменено правительством национального единства в соответствии с политикой «никаких территориальных уступок», возглавляемой лидерами, которые верят в этот принцип.

в. Ведущими в этом должны быть американские евреи, влияние которых на нынешнее израильское правительство больше, чем у израильского народа. Американские евреи должны принять меры по поддержке, с помощью средств и давления, тех групп в Израиле, которые выступают за принципы национального единства без уступок. Они должны призвать правительство Израиля помнить о важности иудаизма для выживания евреев.

г. Американские евреи – не дойная корова для денег ОЕП (Объединённый еврейский призыв). Они обязаны поддерживать существование Израиля, заявляя о своих взглядах и активно участвуя в его делах. Это не только израильские дела. Они затрагивают каждого еврея, и они являются всеобщими еврейскими интересами.

Для вышеуказанной цели необходимо сформировать Комитет против израильского отступления (КПИО)

Если вы любите Израиль, если заботитесь о его выживании, у вас хватит смелости сказать и сделать то, что необходимо.

Ради еврейского государства, нынешнее правительство и его политика должны быть изменены, и у американских евреев есть право и обязанность взять на себя инициативу в этом.

Если вы против трио (Киссинджер-Никсон-Форд), вступайте в КПИО!

Разумеется, это был шокирующий отход от еврейской нормы. Я вернулся 16 января 1975 и сразу же начал кампанию против отступления и самого понятия «Палестина». 19 января был официально объявлен днём «Нет Палестине», а большой митинг возле отеля Дипломат в Манхэттене прошёл маршем к различным арабским консульствам, а также – к израильским и американским миссиям в ООН, пообещав на каждой остановке бороться с отступлением и призывая к изменениям, как в политике США, так и в израильском правительстве. Вечер закончился серьёзными беспорядками возле советской миссии с моим участием, а также с более 50 других арестованных членов ЛЗЕ (в тот же день неизвестные стреляли в окна миссии).

Позиция ЛЗЕ относительно освобождённых земель и абсолютного запрета на отказ от этих земель в пользу арабов основывались на убеждении, что арабы намерены не только полностью уничтожить Израиль (ясно, что это было не вопросом гибкости или только уступок, а отказом принять любой Израиль, любого размера), а самое главное, что возникновение государства Израиль был религиозной вехой, которая знаменовала собой Божественный план для еврейского народа. Для ЛЗЕ еврейский Бог был не нудным абсурдом современного еврейского богословия, духом внутри человека (возможно, вроде изжоги), а Создателем человека и его мира,

Богом истории, который был и будет, и который формирует еврейскую судьбу. Эпоха Изгнания была периодом унижения и стыда не только для евреев, но и для Всемогущего, который был либо освящён, либо осквернён через свой народ – евреев. Позор и преследования евреев означали, что их Бога либо не существует, либо он бессилён в глазах нееврейского мира (унижение евреев было доказательством того, что учения христианской Церкви были правильными).

С возникновением Государства Израиль все это начало меняться. Нам стало ясно, что государство Израиль является итхальта дегеула, началом последнего периода искупления, предсказанного еврейскими пророками, о котором говорилось в Талмуде. Акт отступления перед врагом и отказ от еврейской земли были сами по себе обращением стрелки часов назад и возвращением к эпохе осквернения Бога, а не продолжением новой эры Освящения. Акт отказа от еврейской земли, нарушение талмудического запрета, усугублялся осквернением имени Бога <---> в эту новую и последнюю эпоху еврейской истории. Мы были убеждены в том, что будущее еврейского народа, а именно: произойдёт ли окончательное искупление стремительно и величественно или с дополнительными ненужными агониями и страданиями, зависит от веры евреев в своего Б-га и от их убеждений, которые не позволят нарушить запрет и заставят стоять твёрдо.

Именно эта религиозная убеждённость стояла бок о бок с политическими знаниями о том, что арабы искали ничто иное, как уничтожения любого Израиля, любого размера, что побудило ЛЗЕ запустить КПИО со следующей программой:

1. Распространение литературы, объясняющей опасность и реальность американского давления на Израиль, а также угрозу безопасности Израиля, обусловленную готовностью нынешнего израильского правительства отдать землю.
2. Три основных требования к правительству Израиля: формирование нового правительства национального единства с привлечением оппозиционных партий на основании принципа отказа от территориальных уступок; немедленное воссоединение освобождённых земель с нынешним государством Израиль путём официального распространения израильских законов на эти районы; неограниченное еврейское расселение во всех частях Эрец-Исраэль, которая находится теперь под нашим правлением.
3. Организация массовых, хорошо оснащённых протестов в Нью-Йорке и Вашингтоне, а также в других крупных городах против американской политики принуждения Израиля к отступлению. Такие протесты включают в себя сидячие демонстрации.
4. Петиция со сбором миллиона подписей, направленная против президента Форда с обязательством голосовать и активно работать против него в 1976, если он не прекратит оказывать давление на Израиль и не сменит своего госсекретаря на другого, с другой точкой зрения на уступки.
5. Организация фундаменталистских библейских протестантов в мощное движение Христиане за Сион.
6. Петиция (со сбором миллиона подписей), направленная израильскому правительству с требованием реализации упомянутых выше пунктов (2).
7. Сбор финансовых средств и политической поддержки групп и отдельных лиц в Израиле, которые выступают против политики отступления (партия Херут Бегина, Молодая гвардия НРП, Гуш Эмуним, отдельные лейбористы).
8. Захваты израильских консульств и посольств с целью драматизации этой проблемы.
9. Судебный иск против Бнэй Брит, Американского еврейского конгресса и Комитета, принуждающих Израиль к антисемитской политике юденрайн через запрет евреям КАК ЕВРЕЯМ селиться на обширных территориях освобождённых земель.
10. Пикетирование и захват офисов американского еврейского истеблишмента с требованием взять на себя руководство протестами против американского давления; однодневные голодовки, проводимые внутри хорошо известных синагог и храмов; пикетирование возле частных домов и офисов еврейских лидеров.

11. Широкое оповещение о кампании через выступления по радио и на телевидении; объявления в местных англо-еврейских газетах; раздача листовок на улицах и в крупных пешеходных зонах; значки с надписями: «Ни дюйма» и «Нет Палестине»; передача дела в Бейт Дин (суд) за халатное отношение представителей истеблишмента к лидерству; подписные листы для народа; мониторинг осуществления протестных акций.
12. Создание добровольной еврейской армии, подготовленной в Израиле, для оказания экстренной помощи.
13. Создание официальных групп ЛЗЕ/КПИО в кварталах и синагогах.

Именно это заставило нас захватить офисы миссии Соединённых Штатов в ООН; вспахать газон лидера Всемирного еврейского конгресса, Йоахима Принца, который призывал Израиль к «гибкости» в письме от 11 января 1975, опубликованном в газете Нью-Йорк таймс, в котором он выражал уверенность, что победа Израиля будет ещё хуже для евреев, чем поражение. Мы хотели, чтобы он был последовательным в своих взглядах и не жаловался, если кто-то займёт его землю, и в один прекрасный день отправили 20 молодых евреев на его лужайку, чтобы они там расставили палатки беженцев. Это было напоминанием ему о том, что произойдёт с евреями Израиля, если они будут слушать таких людей, как Принц. Мы провели сидячую демонстрацию возле Храма Эммануэль в знак протеста против полной тишины со стороны реформистского духовенства где нас арестовали. <---> Мы даже провели сидячую демонстрацию возле израильского консульства в Нью-Йорке и приковали себя цепями к израильскому посольству в Вашингтоне.

Мы были просто зациклены на опасностях для Израиля, которые таились в его отказе понять свою Божественную судьбу, и не хотели, чтобы он пострадал от естественных последствий его слепоты. «Ни дюйма!» стало вторым лозунгом ЛЗЕ после знаменитого «Никогда больше!».

83. Примечание издателя

21 февраля 1975, спустя несколько дней после того, как автор представил целый набор доказательств правоты своей позиции, он был приговорён в Бруклине, штат Нью-Йорк, окружным судьёй Соединённых Штатов, Джеком Вайнштейном, к одному году тюрьмы за дважды умышленное и намеренное нарушение условий пятилетнего испытательного срока, наложенного на него в июле 1971.

«Газета Нью-Йорк таймс приводит слова рабби Кахане, сказавшего суду: Я сделал то, что правительство говорит, что я сделал. Я нарушил испытательный срок... Делайте с чистой совестью то, что вы должны сделать. Я же с чистой совестью сделал то, что должен был сделать я».